

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**ташкентский государственный педагогический университет имени
низами**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА: «ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН»

«История Центральной Азии»

(сборник архивных материалов по истории завоевания

Туркестана царской Россией)

(учебное пособие)

ТОШКЕНТ – 2006

«История Центральной Азии»

*(сборник архивных материалов по истории завоевания Туркестана
царской Россией)*

Составители сборника:

С.Тилеукулов – д.и.н, проф. ТГПУ им. Низами

Д.Кадырова – доцент ТГПУ им. Низами

З.Илхомов – к.и.н. ТГПУ им. Низами

Ф.Мараджапова – ст. препод. ТГПУ им. Низами

Т.Пономарева – препод. ТГПУ им. Низами

В сборнике публикуются архивные документы и материалы, отражающие события по завоеванию Туркестана царской Россией.

Рецензенты: д.и.н., проф. ТошГИВ М.М.Исхаков

к.и.н., доцент ТГПУ им. Низами Э.Касымов

Корректор и компьютерная верстка: З. Мирзаева

ВВЕДЕНИЕ

Воспитание молодежи в духе национального самосознания, создание свободного и демократического общества – главные цели молодого независимого государства Узбекистан. Для достижения поставленной цели необходимо изменить сознание, мышление народа, восстановить национальные ценности, обычаи, историю.

История, призвана способствовать укреплению идейно-политической основы нашей независимости. Вследствие этого изучать и оценивать прошлое на основе объективности, научности и правдивости главная цель историков Узбекистана.

Долгое время история умалчивала реальные факты в угоду советской идеологии, деяния наших предков либо сильно преувеличивались, либо освещались односторонне, многие факты умышленно умалчивались.

С обретением независимости в Узбекистане началось строительство демократического, правового общества, на первый план были выдвинуты другие требования и идеи. В 1998 году в одном из своих выступлений Президент Каримов И. А. сказал: «Против идеи можно спорить и бороться только идеей, против мысли- только просвещением, против невежества- только просвещением».

Молодое поколение Независимого Узбекистана должно иметь ясное представление о том, какой тернистый исторический путь прошел наш народ. Незнание собственной истории – невежество, нельзя сформировать национальный патриотизм и гордость, не зная подлинной истории края.

А истинная любовь к Родине начинается с изучения истории своей страны.

Каримов И. А. Национальная идеология- для нас источник духовно нравственной силы в строительстве государства и общества, ПСС, Т8, с.445

В начале XX века яркий представитель джадидского движения А. Фитрат писал: «История является наукой, изучающей прошлое наций, причины их развития и упадка».

Наиболее противоречивая, слабо изученная и остающаяся «белым пятном» в истории Туркестанского края – история завоевания царской Россией Центральной Азии, период колонизации. В советской исторической литературе говорилось о добровольном присоединении, хотя архивные материалы, которые стали доступными после 1991 года, говорят о незатухающем национально-освободительном движении в Туркестане.

Настоящий сборник архивных материалов проливает свет именно на эту трагическую страницу истории края. Приведенные в сборнике архивные материалы позволяют читателю восстановить объективную картину событий, сделать самостоятельные выводы и на этой основе сформировать своё собственное, ненавязанное извне мнение, о событиях XIX века, и их отражении на судьбы народов Центральной Азии и царской России. Понимание истинной сущности происшедших событий тем более важно, что сегодня ничто не должно оставаться «белым пятном» в истории, а также препятствовать налаживанию дружественных отношений между народами Центральной Азии и Российской Федерации на современном этапе международного сотрудничества.

Сборник архивных материалов предназначен для студентов, магистрантов и широкому кругу читателей, интересующихся историей родного края.

1838 г. № 650. Подольск.

На днях здесь наступила зима, а с нею прекратился и подножный корм, способствовавший мятежный Киргизам предпринимать отдаленные набеги, по крайней мере в числе, достаточном для угрожения малейшим отрядам нашим во внешних округах; почему, распорядившись возвращением большей части подкреплений, разновременно высылаемого с линий, для поисков над Кенисарою и усиления некоторых пунктов, обязываюсь почтительнейше донести Вашему Сиятельству, имея честь присовокупить, что число войск, остающихся за тем на зиму в степи, в сложности своей не много будет превосходить меру обыкновенной в ней стражи, со времени учреждения Ак-Тауского укрепления. Но так как не подлежит сомнению, что с весною возобновятся беспорядки, то и полагаю необходимым предупредить их действием оружия, против тех, над коими кротость и убеждения, остались без успеха; тем паче, что откладывая далее пример строгого наказания упорствующих было бы поселить между Киргизами опасное мнение о слабости наших способов и поощрить их к восстанию еще более единодушному. Но прежде изложения моих предположений позволяю себе представить Вашему Сиятельству взгляд на состояние степи при возвращении моем из С. Петербурга, с кратким повторением хода происшествий в течение сего лета, разновременно уже доведенных до сведения Вашего, на которые совокупный обзор с топографическим очерком местности может быть Ваше Сиятельство изволите почесть не излишним.

Со времени открытия Акмолинского Округа семейство Касымовых (происходящие от Аблай-хана) 1832 года удалившись в Ташкент, не переставало делать набеги на покорившиеся волости, доколе казнь Саржана летом 1836 года не побудила их обратиться к окрестностям Улу-Тау, урочища отдаленного и где надеялись они на воспомоществование сопредельных Кипчаковских племен, числящихся в Оренбургском ведомстве, но буйных и нисколько ему не повинующихся. Нападение 5 декабря прошлого 1837 года, на возвращающийся конвой, сопровождавший купеческий караван, Вашему Сиятельству

небезызвестно, равно как и последствия храброй защиты сего малочисленного отряда. В прошлом году это было единственным покушением против войск наших. Вскоре после того наступили холода и хотя войсковой старшина Симонов в декабре 1837 и марте 1838 г, делал по направлению к Улу-Тау поиска, однако же, по отдаленности кочевья Касымова и недостатку корма возвратился без особого успеха.

Зима, прекратившая дальнейшие действия с обеих сторон, не была Кенисарою потеряна к совершению своих замыслов; пользуясь родственными связями, легкомыслием и стремлением Киргизов к грабежу, распустил он пустые слухи о рекрутском наборе, о намерении русских завладеть их землями и обещал истребить отряды, расположенные в степи. Большая часть (если не все) Старший Султанов, главных в округах начальников, тайно ему доброжелательствовали, скрывали от Приказов получаемые сведения, или сообщали нелепости и не только не содействовали к задержанию его Эмиссаров, но под рукою сносились с мятежниками и даже некоторые посылали ему подарки, по-видимому, выжидая первого против нас успеха для нападения на Приказы, самым образом постройки своей мало приспособленные к обороне.

В таком виде обманчивой тишины нашел я Киргизов по возвращении моем в Тобольск, где через несколько дней получил неожиданное известие о нападении на Акмолинский приказ и достоверные сведения о сомнительном положении и других округов, тогда как, пользуясь подножным кормом, - всюду по степи двигались многочисленные транспорты для снабжения заграничных магазинов и в скором времени предстояло охранять следование купеческих караванов из Ташкента и Петропавловска по направлению наиболее угрожаемому мятежниками.

Вашему Сиятельству небезызвестно из донесения моего от 21 июля № 225, сколько малочисленны и на каком протяжении слабой цепью растянуты Линейные казаки, единственный род войска, способный к деятельному употреблению против народа без оседлости, взрослого на коне, по образу жизни

своей, вполне знакомого с подробностями местности местности и привыкшего к быстрейшим движениям. Не взирая, однако же, на такую слабость способов ускоренным движениям, подкреплениям и ближайшим распоряжениям, занимаемые нами пункты сохранены, всюду магазины снабжены годичными запасами, работы в Ак-Тау не прекращались, караваны препровождены благополучно и на пространстве нескольких тысяч верст не сорван ни один из 65 коммуникационных пикетов; многие волости возвращаются на свои места, ясак собран, или собирается по положению, дух своевольства между Киргизами устранен и явное сопротивление, ныне ограничивается сообщниками Касымовых, совместно с ними зимующих около Улу-Тау. Во весь текущий год из воинского сословия у нас ранено 21, убито 26 и без вести пропало, или в плен взято 4; правда, что по неопытности и оплошности некоторых казаков одновременно похищено лошадей строевых, резервных, вьючных и собственных казачьих 423 и 472 от возчиков из под провианта, который, однако же, весь доставлен по принадлежности; но потери эти по обстоятельствам и малочисленности военной стражи, Ваше Сиятельство может изволите принять довольно умеренными.¹

Позволяю себе таким образом доложить Вашему Сиятельству, что многое к успокоению степи уже исполнено; не могу, однако же, утвердить, чтоб нарощение Кенисары не было вредно и в том отдаленном пунктах, где он зимует; там найдет он всегда готовых и сильных сообщников между хищными Кипчаковскими племенами и с ними возобновить набеги, если не будет предупрежден с нашей стороны. Без сомнения, что последнее условие не без затруднения собственно по географическому положению Улу-Тау, где уже бывает достаточный подножный корм, когда еще около линий лежит снег и казакам без сухого фуража двигаться нет возможности; однако же ранний поиск есть единственное средство к показанию отложившихся волостей которые летом

¹ Здесь не упоминается о случаях баранты Киргизов между собою и похищенном по частям от разных лиц; подобные происшествия бывали ежегодно и отклонить их местное Начальство не имеет никакой возможности.

всегда могут с приближением наших войск усугубляться в степь, а по миновании опасности возвращаться на прежние места.

Дабы достигнуть Киргизов на зимовках, или по крайней мере скот их в изнуренном еще положении и неспособным к отдаленной перекочевке, полагаю я послать достаточный отряд пехоты и казаков сколь можно ранее (в марте месяце), дав ему направление по караванной дороге вдоль Ишима; здесь не будет ему препятствовать разлитие вод и в холодные еще дни найдет он всюду камыш и дрова; провианта же по удобности и месячную пропорцию овса должно будет войску взять с собою до урочища Джургаин-Агач; здесь останется пехота, учредится склад и казаки могут держаться в окрестностях Улу-Тау сколько потребуют обстоятельства, имея запасы свои в недалеком расстоянии; тогда как, приняв основанием экспедиции Акмоллы, действия неминуемо замедлятся, столько же по невозможности ходить по голой степи в столь раннее время, как и по отдаленности от сего пункта (около 400 верст) зимовья Кенисары, расстояние огромное и в сем году наипаче препятствовавшие успеху, ибо войска наши едва доходили до мятежников, как уже, нуждаясь в продовольствии, должны были помышлять о возвращении. Впоследствии, т.е. когда покажется достаточный корм, можно будет направить сильную партию и по реке Сыры-Су, только позже и , смотря по соображению с другими местными потребностями, которых заблаговременно определить невозможно.

Представив, таким образом, на благоусмотрения Вашего Сиятельства предположение мое к окончательному укрощению мятежников, или по крайней мере к постановлению препон дальнейшему беспорядку, вместе с тем обязываюсь доложить, что во всяком случае, более спокойствия в западной части внешних округов трудно ожидать без чувствительного наказания приграничных племен Оренбургского ведомства, кочующих около брода Тайпака; но как по отдаленности этих волостей от Сибирских Приказов и принадлежности их другому Начальству, не имею я ни права, ни возможности против них действовать, то при личном свидании с Генерал-адъютантом Перовским, просил я

его с ранней весной содействовать со своей стороны, на что он изъявил готовность с тем, что о времени движения и направлении, которое дастся по обстоятельствам, будет мне сообщено в течение зимы.

В заключении остается мне донести Вашему Сиятельству, что дабы в ожидании по велению Ваших не упустить необходимого времени к усилению правого фланга из мести менее угрожаемых, к чему по отдаленности потребуется немалый срок, не замедлю я приступить и к соответствующему передвижению части казаков вдоль линии, о чем тогда же доведу до сведения Вашего Сиятельства.

Подпись: Ген.-лейт. Князь Горчаков.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 1. Л 7-13.

№2

Военный Министр Командиру Сибирского корпуса;

27 декабря 1838 г. №595., Петербург.

Я имел счастье всеподданнейше докладывать Государю Императору рапорт Вашего Сиятельства от 22 прошлого месяца № 850 о настоящем положении Киргизской степи и о необходимости содействия Оренбургского Военного Губернатора для наказания приграничных племен, кочующих около брода Тайпака и Его Величество Высочайше поручил мне соизволить объясниться по сему предмету с находящимся ныне здесь Генерал-адъютантом Перовским о действиях, нужных к обузданию Киргизова Оренбургского ведомства, находящихся в связи с возмутителем Кенисарюю.

Генерал-адъютант Перовский, признавая совершенно пользу предлагаемых Вашим Сиятельством совокупных действий войск обоих Корпусов на брод Тайпак, заметил, однако-же, что по взаимному расстоянию Петропавловска и Верхнеуральска, сборных пунктов войск Сибирского и Оренбургского Корпусов и отдаленности от границ наших на 1500 верст означенного брода нет почти никакой возможности согласить движение обоих отрядов. Кроме сего,

представляется еще значительное затруднение сего движения, в особенности для Оренбургского отряда, в том, что на протяжении 1500 верст он должен был бы следовать совершенно бесплодную степью и для продовольствия своего иметь большие обозы, которые, замедляя его ходы, дали бы возможность киргизам при быстроте, с какою они меняют становища, избегать встречи с нашими войсками.

По всеподданнейшему докладу всех этих обстоятельств Государю Императору, Его Величество одобрил предположение Вашего Сиятельства на счет действий против Кенисары, Высочайше повелеть соизволить: ограничиться со стороны Оренбургского ведомства отправлением в глубь степи в апреле наступающего года легкого отряда и, не вменяя ему в обязанность дойти до брода Тайпака, послать его только в виде поиска, или демонстрации в эту сторону и дать сему движению наивозможную гласность с тою целью, дабы непокорные Киргизы, угрожаемые нашими войсками и с этой стороны, не осмелились бы направить путь в степь Оренбургского ведомства.

Таковою Высочайшую волю имею честь сообщить Вашему Сиятельству, для Вашего, Милостивый Государь, сведения.

Подпись: Ген. Адъютант Граф Чернышев.

ЦГА РУз. Фонд И-715. Д 1 ОП 1. Л 5-6.

№3

Командир Сиб. Корп. Военному Министру; 16 мая 1839 г.

№ 227. Тобольск.*

Обер-квартирмейстер вверенного мне корпуса, полковник Горский, командированный с отрядом для поиска против шайки и аулов султана Кенисары Касимова, доносит мне, что выступив 25 апреля из Джаргаин-Агача по направлению к Тургаям, нашел 25 числа в недалеком расстоянии за речкой Тасты-Тургаем на следы недавней кочевки; почему ускорил движение отряда и принял все нужные меры к нападению. Отошедши еще 20 верст, открыл он

расположенные вдоль речки Ачудасть-Тургая, киргизские аулы, которые впоследствии оказались принадлежавшими султанам Кенисаре Касимову, племянникам его, детям Саржана и киргизам разных волостей, к нему присоединившимся. Подошедши к ним открыто на возможно ближайшее расстояние, отправил он 200 казаков с хорунжими Бутаковым и Ледневым для захвата скота, приказав им только в случае сопротивления употреблять силу оружия, а остальной-же части войска велел подвинуться вперед, прикрывая обоз и артиллерию, которые по причине неравного местоположения не могли следовать за казаками.

Едва колонна наша показалась, как в аулах началась сильная тревога; киргизы, с поспешностью бросаясь на лошадей, начали соединяться в толпы, но полковник Горский, не дав им времени собраться, проскакал через аулы под сильным ружейным огнем, опрокинув толпы мятежников, решительным натиском и преследовал их на всем карьере 25 верст. При сем отбиты все табуны, принадлежащие султанам Саржановым; также значительное число баранов, верблюдов и рогатого скота. Под вечер, узнав, что киргизы собираются двумя сильными толпами, остановил движение и собрал людей, рассеянных жаром преследования.

Чтобы удобнее действовать на другой день и вместе с тем сохранить добычу, переменил он под казаками лошадей, дав им из сбитых, а усталых вместе с табунами и стадами отправил под достаточным прикрытием в Джаргаин-Агач, куда все доставлено благополучно.

В ночи с 25-го на 26-е двинулся он вперед на рысях, оставив 100 казаков с одним орудием для прикрытия обоза.

На рассвете открыл на высотах сильные толпы мятежников, которые, как впоследствии оказалось, простирались до 3000 человек. Оне прикрывали бегство своих кочей, взявших направление через речки Талды и Каинды Тургаев к горам Улу-Тау; чтобы опрокинуть их с высот, отправил он 100 казаков с хорунжими Бутаковым и Ледневым; Мятежники, уступив решительному нападению,

обратились в бегство и были преследуемы по пятам на расстоянии 45 верст. Обоз, следуя с прикрытием на рысях, под вечер присоединился к отряду. Собрав вторично людей и заняв выгодную позицию на высотах, полковник Горский послал хорунжего Бутакова с 200 казаков, приказав ему по возможности продолжать преследование и стараться отбить все стада, преследуя киргизов еще на расстоянии 25-ти верст, в точности исполнил свое поручение и на рассвете со значительною добычею возвратился к нему, не смотря на то, что киргизы неоднократно покушались исторгнуть ее из рук наших, но всякий раз были опрокинуты.

Полковник Горский через пленных узнал, что самого Кенисары Касимова при нападении на аулы не было; по словам их он еще при начатии весны с партию из 5000 человек отправился в некоторые кипчаковские волости и вскоре хотел возвратиться, для исполнения своих намерений, о которых он ничего не мог узнать положительного.

Удостоверясь, что на сей раз дальнейшее преследование не представит ему больших выгод, он 27-го числа предпринял обратное движение в Джаргаин-Агач, куда и прибыл к вечеру 1-го мая благополучно. Толпы киргизов следовали некоторое время за ним, но нападать не отваживались.

По приведении в известность взято в плен при нападении на аулы Кенисары и Саржана, киргизов мужского пола 67, женского 99 и значительное количество разного оружия; отбитого скота оказалось: лошадей 2300, верблюдов 200, баранов 10.000, рогатого скота 440 штук.

Племянники Кенисары, Саржановы, на которых было сделано первое нападение, лишились всех лошадей, кроме тех, на которых спасалось его семейство. Верблюды, бараны и рогатый скот, как Кенисары, так равно и Саржановы, все остались в руках наших. Кибитки и все имущество, которое они не успели увезти, достались в добычу казакам, равно как и оружие.

Потери со стороны киргизов нельзя определить в точности, но по всей вероятности она должна быть весьма значительна; у нас не тяжело ранен казак

один; получили сильные контузии 7-го казачьего полка хорунжий Бутаков и 3 казака. При сем полковник Горский в особенности свидетельствует об отличной распорядительности и мужества. Хорунжий 6-го полка Леденев 25-го числа при нападении на аулы, действуя со 100 казаками влево, равным образом с отличною неустрашимостью опрокинул киргизские толпы и отбил табуны, принадлежащие семейству Саржановых. При сем отличился также находившийся при хорунжем Бутаков корпуса топографов топограф 2-го класса Боярский и 3-го Сибирского линейного батальона унтер-офицер Чижев, который, начальствуя командою избранных стрелков, с особенным усердием и отличною храбростью исполнял даваемые ему поручения.

Полковник Горский остается несколько дней в Джаргаин-Агаче для приведения всего в устройство и, по собрании сведений с места пребывания самого Кенисары, будет продолжать свои поиски. Я же предписал обратить свои действия на Кипчаковские волости, уже с давнего времени противящиеся вступить в состав Акмоллинского приказа и распространяющие грабеж и дух мятежа в соседних волостях, равно и на аулы отца Кенисары Касимова, которые, по дошедшим сведениям, кочуют около Сары-Копы.

Подпись: Ген.-лейт. Князь Горчаков.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 1. Л 98-100.

№4

Султан Кенисара Касымов Оренбургскому воен. Губернатору; 22 февраля 1841 г.

В 1841 году через Султана Карабая я объяснил уже о действиях Сибирского линейного Начальства. В 1838 году, находясь в неприятных отношениях к Начальникам Сибирской линии, я увлек детей Кувандыка и Суюндука, а после того Атагай Караула; с этим родом мы захватили и увели Габейдуллу-Хана Валиева; после чего по вступившей к нам просьбе и желанию народ мы возвратили его на родину. Начальство Кокчетавского Приказа, оклеветав его, будто он имеет сношение со мною, сослало его в ссылку, т.е. в каторжную работу.

Габейдулла-Хан Валиев невинен; с нами никаких сношений не имел и пришел не своевольно, а был схвачен нами. После этого находившиеся при нас роды отняты Коканцами, которые прежде еще убили старших братьев моих Сарджан-Султана, Исень-Гильды-Султана и Алджан-Султана, а вслед за тем и родителя моего Султана Касыма. Ныне в 1841 году мы отправили на Кокан войско, чтоб выручить находящиеся там роды наши и употребить их на службу Государя. Из этих родов остались 6666 кибиток, которых по выручении мы имеем намерение отправить на службу Царю. Вас многомилостивого и благодетельного Губернатора, просим испросить нам у Императора, Царя Царей, срок на 35 лет и разрешение, чтобы с Сибирской линии на Улу-Тау и Кичи-Тау не высылали войск; если же на Улу-Тау войско пошлетя, то жены и дети наши будут устрашены, и не в состоянии служить Государю. До нас дошел слух, что из Кокании поехали четыре посланца и очернили нас, будто мы ограбили караван и сделали нападение на их области. Если мы действительно разграбили караван, пусть они изобличат нас в том; мы одной денежки не взяли с каравана; и когда были выручены роды, мы возвратились; более никакого вреда не сделали мы. Зимуюем мы на Улу-Тау, а лето проводим мы на Кичи-Тау по Тургаю Джаику. Присовокупляю, что от службы мы не отклоняемся. Бумагу Комиссии объявил нам Султан Иржан Турсунов и рассказал о даровании Царем манифеста, мы это сердечно приняли.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП. Д 3. Л 53-54.

№5

Султан Кенисара Касымов. Председателю Оренб. Погран. Комиссии; 7 июля 1841

г;

По примеру предков наших Хана Аблая, принявшего присягу на верноподданство Великому Государю Императору мы располагались кочевьем на Исель-Нуре, уповая на Бога и не беспокоясь ни о чем, как только о спокойствии нашего народа, но вдруг грянул на нас гром следующим образом:

В 1825 году сделанный в Каркаралинском Приказе заседателем Султаном Яман-тай Букеев, питая Бог весть какую-то злобу и без всякой причины наговорил на нас Начальнику того приказа Ивану Семеновичу Карпачеву, который выехав с 300 русскими и 100 человеками Киргизов за путеводительством Кара Кисяцкого рода Киргиза Ябалака, разбил аулы Султана Саржана Касымова, отделений Алтая, Таки, Тилча и наградил бесчисленное множество скота и имущества и убил 64 человека, остальные же спаслись бегством.

В 1827 году команда до 200 человек выступившая из Кокчетава под начальством Мингряву Маира разбила аулы отделений Алике и Чубурт-палы, убила 58 человек, наградила бесчисленное имущество, что происходило на Турис-Аккане.

В 1830 году выступившая из Кара Уткула команда в числе 100 человек под начальством одного сотника с 600 человеками Киргизов и с Султаном Кунгур-Кулжею Худайметдиевым заманив к себе обманом людей сказанных отделений, убила 120 человек, а остальные спаслись бегством.

В 1831 году выступившая из Кокчетава команда в числе 500 человек под начальством Подполковника Алексея Максимовича, разграбила вторично аулы Султана Саржана отделений Алтай, Тока, родов Каракияцкого Алчинского и Джагилбайлинского, при чем убито 450 человек и увезено одно дитя Саржана, что было при реке Сыры-Су.

В 1832 году выступившая из Кокчетавского приказа команда в числе 150 человек под начальством Петра Николаевича Кулакова, задержала Султанов Исеньгельды и Кучака Касымовых и возив их с собою разграбила Узунцев, Турыевцев и Джан-Айдаровцев; причем убито 60 человек, мною было при Тургае на Кум-Кичу (песчаный брод).

Наконец, не имея возможности переносить безвинного притеснения убийства и грабежей и не почитая себя ни против кого виновным, как некому было доводить до сведения Правительства о вышесказанном гонении принуждены мы

были удалиться на Каратау для спасения самих себя, где прожили несколько лет, а при обратном кочевании открылась новая беда следующим образом:

В 1836 году выступившая из Ак-Тава команда, в числе 400 человек под начальством Тиньтяк Майора, разграбила Алчинцев, Джагилбайлинцев, Тока, Тмячевцев и убила 250 человек, это было зимою на урочище Гляути Сары-Су.

В 1837 году выступившая из Кокчетавского Приказа команда, в числе 400 человек под начальством Ивана Семеновича Карпачева и за путеводительством Язы-Янова, разграбила Аликинцев Калкамановцев и Туржуловцев и убила 350 человек, в том числе Бия Яманкару.

В том же году выступившая из Як-Тава команда, в числе 500 человек под начальством Тиньтяка Майора, преследовала нас до улы-Тава, но возвратилась без добычи.

В 1838 году выступившая от Кара-Уткуля команда, в числе 300 человек с Султаном Кунгур-Кулжею Худайметдиевым одним Киргизским Майором и 100 человеками Киргизов, разбила аулы Кучака Касымова и бия Сайдалия, убила 21 девку, 8 женщин, 25 человек мужчин и 80 взяла в плен; что было при Яланчине на Айрикум-Аккуме.

В том же году команда вышедшая из Яр-Кална в числе 500 человек разграбила аулы Султана Саржана, Алтаевцев, Карныковцев и Тмячевцев, убила 400 человек и взяла с собою 100 человек, в том числе Бия Баяндыя; что было при Тургае на Джадама-Кара-Убе.

В том же году вышедшая из того же места команда в числе 400 человек под начальством какого-то неизвестного Русского, встретившись с вышедшим из Кара-Уткуля Султаном Кунгур-Кулжею, принудила перекочевать 2300 аулов Кавандыковцев и Суюндюковцев на свою сторону; поручив дело это сему Султану который на пути делал им большие обиды, но Туртжуловцы, будучи недовольны убежали. Тут убито 160 человек, а остальные затем аулы команда увела с собою.

В том же году осенью вышедшая из Кокчетавского Приказа команда, в числе 300 человек, неизвестно под чьим начальством с Султанами Байгарою Таировым и Джадаем Айчуваковым разграбила 200 аулов, положила на месте 240 человек и увлекла в плен жен и дочерей Султанских.

В 1840 году команда вышедшая из дивана, в числе 300 человек, разграбила аулы Султана Саржана, Алтаевцев и Кажагалинцев, убила 70 человек и увлекла в плен 20 женщин и угнала 2300 лошадей, 300 верблюдов, 3000 баранов и 100 голов рогатого скота; что было на Глявти-Камнан Карсане.

В том же году команда выступившая из двух мест с Кара-Уткуля и Яр-Кална в числе 700 человек, соединившись вместе разграбила Кузгановцев, Каксаловцев и Колман Киргизов, убила 81 человека, 20 взяла в плен, угнала 6000 баранов, 255 коров и 300 верблюдов. Эти отделения были наши Теленгуты. Все сие происходило на Кизиме-Кызыл-Яре тут же угнали Наиман-Кипчаков.

В том же году осенью команда вышедшая из Яр-Кална, в числе 200 человек, разграбив Кипчаков, Узуновцев и Турьевцев, убила 30 человек.

Все сие происходило по наговору Султана Ямантая Букеева. Теперь да будет известно Вашему Превосходительству, какую злобу питали к нам Сибиряки и как мы были безвинно гонимы ими, и, потерпев такие неприятности, принуждены были спасти себя бегством. Через сие более и более вооружили мы против себя Сибиряков, которые полагали, что мы не хотели будто повиноваться им; я не приглашал к себе никаких родов. Сибиряки, выезжая беспрестанно в степь, грабили и убивали людей, как своего ведомства, так и степных Киргизов, отчего пошли толки, что я, Кенисара Касымов, вооружился против Сибирской линии. Наконец, не найдя никакого правосудия со стороны их, прикочевал я к Оренбургской линии, для того чтобы искать себе у Великого Государя покровительства, приют и убежище и довести до сведения Оренбургского Начальства обо всех потерпевших мною бедствиях; я не утаиваю, что при разграблении Алтынбашева отделения Бия Булсуджи Ямгурчина я был; Это было

мое мщение ему за его дело. Султаны Кенисары и Кучак Касымовы печати приложены.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1 .Д 3. Л 113-117.

№ 6

Командир Сиб. Корп. Командиру Оренб. Корп.; 21 сентября 1841 г. № 376.

Милостивый Государь Василий Алексеевич!

Известясь по народным между Киргизами слухам и показаниям Старшины Токиана Джанмантаева посланного Кокчетавским Приказом к Киргизам Оренбургского ведомства для вызова их к принятию обратно скота отбитого в начале текущего года Сибирскими разъездами, что Кенисара, собрав шайку до 3 т. человек, намерен отправиться в Ташкент для возвращения силою у кочевавших туда волостей, и потом поступить в Сибирское ведомство, обращаюсь к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою удержать его как от того, так и другого намерения; ибо вторжение в Коканское владение, Кенисары, уже удостоенного Всемилоостивейшего прощения, неминуемо будет сим Правительством (от коего находится ныне у нас посланный) признано за действие, одобренное российским Начальством и нарушением мира, чем повредит дружеским нашим сношениям; а желанию его поступить в Сибирскую часть удовлетворить ни в каком случае я не могу, как по современному убеждению моему, что покорность его очень не надежна, так и по зловредному влиянию, которое присутствие его будет иметь во вверенном мне крае, при родственных его связях с главными Султанами, которые во всех последних беспорядках тайно ему почти все способствовали, или, по крайней мере, доброжелательствовали. Затем принял бы я как полезнейшее участи Ваше, Милостивый Государь, к окончательному водворению общего спокойствия в степи, если б Вашему Превосходительству угодно было Кенисару отделить от

Сибирской границы, назначив ему постоянную кочевку, гораздо далее на запад, к чему по безусловному его покорению, без сомнения, не изволите Вы встретить препятствия.

Подпись: Князь Горчаков.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 3. Л 184-185.

№ 7

Командиру Оренбургского корп. Командиру Сиб. Корп.; 21 ноября 1841 г. № 456.
Оренбург.²

Милостивый Государь Князь Петр Дмитриевич!

Получив отношение Вашего Сиятельства от 10-го ноября № 465, коим Вы, Милостивый Государь, уведомляя о показании Старшины Кожебергена, возлагаете некоторым образом на меня ответственность за действия Султана Кенисары Касымова, я считаю нужным войти по сему предмету в объяснение, которое казалось мне до сих пор излишним.

Многолетние опыты доказали бесполезность усилий войск Сибирского Корпуса в Киргизской степи против мятежника Кенисары. С одной стороны трудности степных поисков и с другой удобност представляющаяся Кайсакам избегать преследования воинских отрядов, достаточно оправдывают безуспешность подобных предприятий; не менее того, шайка мятежного Султана ежегодно снова возрождалась, иногда в превосходнейшем против прежнего числе, и в будущем мало представлялось надежды к прекращению этих беспорядков. Экспедиции против Кенисары, не нанося собственно ему значительного вреда, давали повод наказания целых Кайсацких родов и тем усиливали только в этом народе ненависть к России.

В таком положении дела получив я от Кенисары обещание прекратить навсегда грабежи и нападения свои и просьбу об исходатайствовании ему

² Пометка: «Получ. 1 декабря 1841 г.»

Всемиловейшего прощения. Я не имел причины сомневаться в искренности его раскаяния, тем более, что знаки оного совершенно добровольны; но, принимая на себя это ходатайство, само собою разумеется, что я не мог ручаться за будущие действия и образ мыслей Кенисары. Просьбу его я представил на усмотрение г. Военного Министра и получил от Князя Чернышева уведомление, что Государь Император, Всемиловейше соизволил на прощение Султана, изволил полагать необходимым заменить экзекуционную систему мерами кротости. Высочайшее прощение объявлено Кенисаре и с тех пор в течение целого нынешнего лета не подавал он повода ни к каким против него не удовольствиям.

Прежние возмутительные действия Кенисары не только приводили в затруднение Сибирское начальство; но имели весьма вредное влияние и на Киргизов подведомственных Оренбургскому, а потому весьма естественно, что я должен был воспользоваться представившимся удобным случае к обузданию Султана. Однако же в прощении, ему исходатайствованном за прошедшие противозаконные поступки, не заключается и не подразумевается безнаказанности за подобные уже поступки на будущее время; на против того, я полагаю, что если бы Кенисара решился ныне нарушить даже в глазах Киргизского народа все значение законного возмездия.

Я вместе с сим повторил Султану Кенисаре настояние о прекращении враждебных действий против Коканского Владельца и требую от него объяснений по всем другим обвинениям, заключающимся в показании Старшины Кожебергена. Признаюсь, однако же, Вашему сиятельству, что обвинения эти, я не нахожу довольно положительными и не вижу из них явного нарушения покорности Султана. О грабеже караванов говорит Кажеберген неопределительно, между тем ,как здесь достоверно известно , что в прошедшую зиму русские приказчики, бывшие с товарами в аулах Кенисары, были им приняты дружелюбно и выехали оттуда совершенно довольными. Что же касается до нападения Султана на Ташкент, то сколько бы ни было желательно видеть прекращение подобных событий , но Ваше Сиятельство, конечно изволите

согласиться , что доколе мы не оградим Кайсаков от самоуправства и грабежей Коканцев, трудно требовать чтобы они оставляли без отмщения разорения аулов и смерти родных своих.

С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства покорный слуга.

Подпись: Василий Перовский.

ЦГА РУз. Фонд И-715. Оп 1. Д 3. Л. 218-220.

№8

Султан Кенисара Касымов Председателю Оренб. Погран. Комиссии.

Содержание предписания Вашего полученного через Султана Саналия, я понял и повинуюсь Вашим приказаниям. После манифеста Государя императора, никогда против России не восставал, справедливость моя в этом случае известна Богу. Враги мои осуждают меня пред вами; я готов предстать пред начальством и уверить, что я совершенно невинен. Враги мои не терпят меня и хотят, чтобы я не был в близком сношении с Вами.

Киргизы Назаровского отделения угнали у меня много лошадей. Через некоторое время, я со многими оруженцами поехал к нашим чтобы кончить между собою это дело, но они вооружились против нас, учинили драку, пленили много из моих людей и многих убили. Об этом я писал в комиссию; но это письмо не представлено Государю Императору. Киргизы Тляукабакского и Карабайского отделений ежегодно беспокоят нас. Мы послали от себя к ним людей для приведения к окончанию дела по угону лошадей, но они никогда не удовлетворяли нас. Об этом мя просили и Султанов правителей, и они не обращали никакого внимания на нашу просьбу, а ехать в город опасаемся потому, что Вы задержали посланного от нас Султана Карабая, и по этой причине мы еще от себя к Вам никого не посылаем. Некто из моих родственников Султан Губейдулла, находившийся близ Сибирской линии, без причины задержан; такой

же участи подвергнут сын родного брата моего Саржана, молодой султан Мустефа, во время пастьбы им скота. Этот последний схвачен русскими Сибирского ведомства.

Покорнейше прошу Вас исходатайствовать этим двум султанам у Государя Императора свободу; за что я остался бы Вам весьма благодарен и готов бы исполнять все приказания.

ЦГАРУз. Фонд 715. ОП 1. Д 10. Л 210-211.

№ 9

Султан Кенисара Касымов председателю Оренб. Погран. Комиссии.

Я знаю, что Вы мне сделаете много добра и уверен, что мне не будет никакого вреда, пока Вы будете проживать в Оренбурге в здоровий. Я очень желаю видеться с Вами и имел о многом доложить Государю Императору. Я заставил перекочевать к Уралу Киргизов Большой, Средней и Малой орды, кочевавших в окрестностях не подведомственных России владений: Бухарин, Хивы и Кокании. Где зло, учиненное будто мною? Преданность мою можно видеть из того, что я содействовал в прошедшем году султанам правителям Ахмеду Джантюрину и Араслану Джантюрину при сборе верблюдов с киргизов, кочующих вместе со мною, в то время когда мог воспрепятствовать в этом потому, что народ сначала было бежал от этого свара, но я удержал и увещаниями своими заставил отдать требуемое. Вы думаете, может быть, что я расстраивал народ; напротив, если бы я думал об этом, то на Урале не осталось бы киргизов. Ежели бы я увидел вас, то кроме этого много имел бы до Вас просьб; не верьте лжецам; Вы близки Государю и наш покровитель и потому прошу Вас довести до сведения Государя Императора о всех сих обстоятельствах. Этим сделаете нам великую милость. Султаны, обратившие на себя ваше внимание, не лучше нас, подобно мне, и мы будем служить Царю.

№ 10

Командир Оренб. Корп. Военному Министру; 29 июня 1843 г. № 518. Оренбург
(секретарю)³.

О выступлении отряда войскового старшины Лебедева из крепости Орской в Киргизскую степь, я имел честь донести Вашему Сиятельству от 10 числа текущего месяца № 41. Ныне офицер этот, 21-го июня донес мне, что следил по данному направлению для совокупных действий с Сибирским отрядом и пройдя уже 210 верст за рекою Улу-Иргизом, углубившись в безводную степь, он неожиданно встречен был на переходы 14 июня вооруженными людьми в числе почти 1500 человек под личным начальством султана Кенисары Касымова, который между прочим словесно объявил ему о мирных намерениях своих и прислал к нему письмо на татарском языке у сего в переводе к Вашему Сиятельству прилагаемое. Почти в то же время получил я уведомление от пограничной комиссии, что Кенисара перекочевал к горе Карага-Тау, отстоящей от Орской крепости не более 200 верст, откуда намеревается прикочевать еще ближе к линии и на реке Иргиз, ожидать с повелением от начальства, посланного прежде к нему султана Мурза Галиева.

Неожиданное приближение Кенисары к линии, я приписываю к письменным сношениям, которые с ним производились, как мною, так и пограничною комиссиею, на основании отношения ко мне г. управлявшего Министерством Иностранных дел, коими требовалось от Кенисары немедленно прекратить всякие неблагонамеренные и противозаконные действия, и в доказательство своей искренней преданности к Российскому начальству прикочевать к Оренбургской линии.

³ Пометка: « 30-го июня 1843 г.»

Войсковой старшина Лебедев, будучи известен о таковых сношениях, уклонился от неприязненных действий с Кенисарою и сверх того по малочисленности вверенного ему отряда и по не имению никакого сведения о движении войск со стороны Сибирской границы, объявил, что он находится в степи для прикрытия производимой ныне за линию топографической съемки, а потому, не углубляясь далее в степь, нашел за нужное обратно приблизиться к линии.

Одобрив распоряжения войскового старшины Лебедева, я приказал ему оставаться в степи и бдительно наблюдать за всеми движениями и по действиям Кенисары, еще не заслуживающего полного доверия, а вместе с тем, считая справедливым и необходимым до последней крайности испытать кроткие меры для приведения султана сего в должное повиновение, я оправил к нему с султаном Саналы Мурзагалиевым письмо, с коего копию в переводе оного при сем приложить честь имею.

В то же время во исполнение Высочайшей воли, объявленной мне г. управляющим Министерством Иностранных дел, от 16 сентября прошлого года за № 2684, для указания Кенисары место удобным для кочевания, предложено мною Оренбургской пограничной комиссии отправить с тем же султаном благонадежного чиновника, при чем внушить ему обязанность быть спокойным, не тревожить людей и объяснить, что на освобождение султана Карабая и других упоминаемых в одном из его писем, будет испрошено Высочайшее разрешение, а изложенные там же жалобы на баранты ордынцев, будут рассмотрены и виновные подвергнуты взысканию. К тому же подтверждено склонить Кенисару, для доказательства невинности своей, прибыть в Оренбург для свидания с председателем пограничной комиссии генерал-майором Генсом.

Ожидая ответа от султана Кенисары и сообщив о сем г. Вице Канцлеру, а я испрашиваю разрешение Его Сиятельства по следующим предметам: 1) Какие меры принять должны против Кенисары, случае, если бы он с приближением к Оренбургской линии не исполнил в точности данного ему повеления, занять отводимые для него кочевья. 2) Должно-ли будет отпустить находящегося здесь

заложником дядю Кенисары, султана Карабая, в случае если бы первым принял указания ему для кочевки места и 3) как поступать следует с самим Кенисарою, если бы он, по приглашению генерала Генса, прибыл в Оренбург для личного объяснения, что однако же весьма сомнительно.

Представляя все сие обстоятельства на благоусмотрение Вашего Сиятельства, я буду иметь честь о дальнейших сношениях с султаном Кенисарою Касымовым своевременно донести.

О всяких сделанных мною распоряжениях, я вместе с сим уведомил генерал-лейтенанта Князя Горчакова; что же касается до отряда, направленного в степь от Сибирского ведомства, то до сего времени не имею о нем никаких сведений.

Подпись: Ген.-лейт. Обручев

Резолюция: «Доложено Его Величеству 9 июня. Дальнейших о сем донесении».
ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д. 10. Л 214-217.

№ 11

Письмо Кенисары Касымова войсковому старшине Лебедеву.

Военному начальству слово от отца побед, храброго хана Кенисары. Генерал Гене в январе прислал ко мне султана Саналия Мурзагалиева, я отправил с ним, при обратном следовании его в Оренбург, Чумекеевского рода Бия Караула, а сам перекочевал на место прежнего кочевания моего. Тляукабаки, Назаровцы и Чуреневцы у приверженных ко мне киргизов угнали скот и ограбили аулы, почему я вступил было к ним со своим войском. К Государю Императору я никакой вражды не имею. Извольте исполнять волю вашего правительства. Впереди находятся кочевья старшего брата (или дяди) нашего султана Кучака и другие; не перепугайте их. В удостоверение Кенисары хана печать приложил 1843 года.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 10.Л 218.

№ 12

Письмо Оренбург. Воен. Губернатора Кенисаре Касымову.

Я писал к Вам 2 сентября прошлого года о дошедших до меня случаях насчет поступков ваших, противных преданности и повиновению Российскому правительству и просил Вас не допускать приверженных Вам киргизов переманивать к себе Сибирских киргизов. Может быть письма этого вы не получили, но 6 октября я еще писал вам с Султаном Саналием Мурзагалиевым о новых дошедших до меня сведениях о неблагонамеренности и противозаконных действиях Ваших и поэтому просил Вас для доказательства искренней преданности ваше к Российскому правительству прикочевать к Оренбургской линии и оставаться на тех местах, какие будут вам указаны Оренбургскою пограничною комиссию, обнадежив вас покровительством и доставлением удобств, какие для пребывания вашего при линии окажутся необходимыми; для чего и нужно иметь сведения сколько при вас будет кибиток, людей и скота, чтобы по тому распорядиться об указании вам мест. Хотя ответа и на это я не получил, но из доставленных ко мне председателем пограничной комиссии генерал-майором Генсом писем ваших к нему, я с удовольствием видел, что вы изъявили готовность предстать пред начальником и оправдать себя в невинности, что хотите повиноваться начальству и что желали бы видеться с генералом Генсом, имея много просьб. Теперь же я узнал от войскового старшины Лебедева, находящегося в степи для прикрытия работы, производимых планщиками, от хищных людей что вы прикочевали уже к горе Карага-Тау и намерены приблизиться к линии. Поэтому я поручил генералу Генсу указать вам места для Вашего кочевания и узнать о ваших просьбах, какие вы имеете, чтоб сделать вам удовлетворение если будет можно и об освобождении присланного вами в Оренбург должником султана Карабая и задержанных Сибирским начальством султанов Губайдуллы и Мустафы будет испрошено Высочайшее разрешение нашего Всемилостивейшего Государя Императора, живите, только мирно и покойно и не трогайте соседей, а если они будут вас тревожить, то сами с ними не расправляйтесь, а обращайтесь с просьбами в пограничную комиссию, которая

сделает должное разбирательство; служите верно Царю, исполняйте в точности все получаемые приказания начальства нашего, безведома оно не переменяйте мест ваших кочевок и этим только докажите совершенную свою преданность Российскому правительству; тогда всем будете довольны. Государь любит и награждает верных своих подданных, как русских, так и иноверцев, они близки его сердцу и он не делает между ними никакого различия. Письмо это отправлено с султаном Саналием Мурзагалиевым, с ним же и Вы отвечайте. Пишите обо всем, что вам нужно. Подлинное подписал Оренбургский военный губернатор Генерал-лейтенант Обручев.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 10. Л 219-221.

№ 13

Командир Оренб. Корп. Военному Министру; 12 июля 1843 г. № 60. Оренбург
(секретарю).⁴

Из донесения моего от 29 июня № 518. Ваше Сиятельство изволите быть известны о причинах, заставивших начальника отряда, выступавшего в степь против султана Кенисары Касымова, войскового старшину Лебедева, уклоняясь от неприязненных против него действий при встрече 14 июня за рекою Иргом, приблизиться к линии. В том же донесении я имел честь известить Ваше Сиятельство, какие распоряжения султаны были мною, для обращения султана сего кроткими мерами к повиновению. С того времени и по 8-е июля, доставлены были ко мне как войсковым старшиною Лебедевым, так и Оренбургскою пограничною комиссиею сведения.

1) Шайка в числе 300 человек под начальством племянника Кенисары, Ирджана Сарджанова, составленная преимущественно из киргизов Дюрт-Каринского рода, посланная для наблюдения за действиями Сибирского отряда к Улу-Тау и укреплению Джар-Каин, напали в Сибирских пределах на чиновника

⁴ Пометка: « 21 июля 1843 г.»

Оренбургской пограничной комиссии Григорьева, следовавшего из Аман-Карагайского приказа в Джар-Каин с немногими киргизами, при чем чиновник Григорьев захвачен в плен. 2) Сам Кенисара вместо приближения к линии, с многочисленным скопищем удалился от горы Карага-Тау. 3) Другая шайка Кенисары, составленная из киргизов, приверженных к нему родов, напав в вершинах Тобола на кочевавших там Джаралбайлинцев, угнал у них 200 лошадей и 4) Сам Кенисара, с некоторыми родственниками и скопищем в числе 3500 человек, явился на вершинах р.Чила и, напав на киргизов Чиклинского рода, отделения Гляу разграбил их, убив 17 человек киргиз, пленил 15 девок и женщин и угнал множество всякого рода скота и лошадей, как Ваше Сиятельство изволите в подробности усмотреть из копии отзыва моего к г. Министру Иностранных дел, у сего прилагаемого. Усматривая из всех таковых действий, что Кенисара не только не имел изложенных в письмах его мнимых чувств преданности и покорности к Российскому правительству, но напротив ложными обещаниями старался только по сие время отклонить от себя справедливое наказание, а между тем именуя себя ханом, требует от киргиз подати, производит грабежи и разбои в большем против прежнего размере, увеличивая даже дерзость присоединением к себе некоторых родов Оренбургских киргизов, до сего времени покорных, - я решился без малейшего отлагательства принять строгие и решительные меры, дабы одним ударом положить конец, как хищничествам Кенисары, его родственников и приверженцев, так и вредному влиянию, которое может распространиться в степи, через дальнейшее усиление сего хитрого мятежника. Считая необходимым, сообразность сего целью, двинуть в степь более значительное число войска, я приказал усилить отряд войскового старшины Лебедева еще 300 казаков Оренбургского войска и 600-ми башкиров 6-го и 9-го кантонов, придав к ним 4 орудия казачьей конной артиллерии, а из Уральского войска выкомандировать немедленно семьсот казаков под командованием полковника Бизянова . Оба отряда, выступив с линии в первых числах августа и двигаясь: первый из крепости Орской по реке Иргизу, а последний из г.Уральска

или Ст.Калмыковой к вершинам Ямбы, будут иметь целью действовать против Кенисары и приверженцев его, наказывая их по ближайшему усмотрению полковника Бизянова, отнятие всего скота и поражая оружием сопротивляющихся. Приблизившись к кочевьям их отряды под главным начальством полковника Бизянова, соединяясь или действуя отдельно, смотря по обстоятельствам, должны, нападая на аулы, захватывать почетных людей, удерживая их вместо заложников, имея постоянно главнейшую целью поражать и рассеивать скопища собственно Кенисары, стараясь захватить его самого и его родственников.

Для большого успеха к отряду полковника Бизянова должен будет присоединиться султан правитель западной части орды, Бай-Мухамед Айгуваков, а к отряду войскового старшины...

Не смотря на удаление Кенисары, Кипчаковские племена, кочующие близ границы Оренбургской степи с Сибирскою, не прекращали своих разбоев в сей последней. Так как Оренбургское начальство не принимало никаких мер к усмирению их, отзываясь, что не имеет на них никакого влияния, то и начальник одного из Сибирских отрядов, подполковник Гайюсь, находившийся осенью 1840 года в Джергаин-Агаче, счел себя в праве действовать против сих неприязненных племен и нанес им чувствительное поражение. Это возбудило неудовольствие в генерал-адъютанте Перовском, который вследствие сего изъявил г. корпусному командиру желание свое, чтобы Сибирские отряды не иначе вступали в пределы Оренбургской степи, как только в случае преследования хищников, но отнюдь не для наказания их.⁵

Исполнение желания генерал-адъютанта Перовского подкрепило в Кипчаковцах уверенность в безнаказанности и разбои в пределах Сибирской степи еще более усилились.

Кенисара, видя просьбу свою отвергнутой Сибирским начальством, обратился в нею к оренбургскому м в 1841 году генерал-адъютант Перовский

⁵ Донесение господину Военному Министру от 12 октября 1840 года № 468.

исходатайствовал ему Всемиловейшее прощение, равно как освобождение всех захваченных его приверженцев. Последствия были, однако, совершенно не те, которые, без сомнения, ожидалось: Кенисара принял дарованное ему прощение за признание правительством его невинности, за торжество над своими врагами, каковыми почитал он все Сибирское начальство⁶ и воспользовался им для увеличения своего влияния на народ принятием титула ханского и ходатайством за всех киргизских преступников, находившихся в ссылке или заключении.⁷

Вместе с тем он вовсе не считал обязанным повиноваться распоряжениям Оренбургского начальства. Обещав сначала освободить находящегося у него в плену казаков и самому прикочевать на линию, вместо исполнения сих обещаний собрал он, не смотря на все увещания генерал-адъютанта Перовского, в Малой орде многочисленное скопище, с которым отправился к ташкенским пределам, чтобы принять участие в войне, производившейся тогда между Бухариею и Коканом.⁸

В течение зимы 1841-42 года Кенисара беспрестанно посылал шайки в пределы Сибирской степи для грабежей в волостях, повинующихся приказам, для захвата казаков в плен и угона лошадей и верблюдов от партии, производивших рекогносцировку в Голодной степи. Положение начальников Сибирских военных отрядов было самое затруднительное: хищники ускользали от наказания за пределами Оренбургской пограничной черты, а дарованное Кенисаре Всемиловейшее прощение делало его неприкосновенным.⁹ В продолжение всего этого года Оренбургское начальство беспрерывно обращалось к нем с требованиями, чтобы он переменил свое поведение, но Кенисара не обращал на них никакого внимания и оставлял их без ответа.

⁶ Письмо Кенисары к генерал-майору Генсу от 7 июня 1841 года.

⁷ Перехваченное письмо Кенисары к султану Габулфаизу.

⁸ Отношение генерал-адъютанта Перовского от 21 ноября 1841 года № 456.

⁹ Рапорт есаула Рыбина от 13 октября 1842 года № 195.

В начале 1843 года Господин Военный Министр сообщил Г-ну корпусному командиру Высочайшую волю, чтобы с наступлением весны командированы были Оренбургским и Сибирским ведомствам отряды против Кенисары, которого нельзя уже более не признавать явным бунтовщиком. Начальник Оренбургского военного отряда войсковой старшина Лебедев встретился на пути следования своего со скопищем Кенисары, но не решился действовать против него, получив от мятежника письмо, в котором последний уверял его в миролюбивых своих намерениях.¹⁰ Вслед за отступлением Лебедева разбои Кенисары возобновились с большей еще, чем прежде, силою и генерал-лейтенант Обручев для прекращения их отправил в конце августа весьма сильный отряд под командованием полковника Бизянова. Между тем Сибирский отряд, произведший дальние движения по местам бесплодным и безводным, пришел в совершенное изнурение и в сентябре г. корпусной командир решился отозвать его из степи. Полковник Бизянов настиг скопище Кенисары на броне Тайпак и, отбив значительное количество скота, также возвратился на линию.

Чтобы окончательно увлечь на свою сторону всю Среднюю орду, Кенисаре необходимо был какой-нибудь успех над русскими. Акмолинское селение, обороняемое менее, чем сотнею казаков и не прикрытая никаким укреплением, казалось мятежнику легкою добычею и 26 мая 1838 года он окружил его со скопищем в несколько тысяч человек¹¹. Все нападения были, однако, успешно отражены казаками и Кенисара удалился, получив известие о приближении к Акмолам нескольких отрядов, двинутых туда с величайшею поспешностью г. корпусным командиром, только успевшим возвратиться из Петербурга. В нападении на Акмоллы участвовали люди, облеченные доверием правительства, как то: старший султан Баян-Аульский Маман Аблаев, заседатель Тайджан Азнабаев, также сыновья старших султанов Каркаралинского и Кокчетавского

¹⁰ Отношение генерал-лейтенанте Обручева от 4 июля 1843 года № 52.

¹¹ Донесение его же Талызина от 9 июня 1838 года №160

округов.¹² Неудача нападения Кенисары на Акмолы побудило большую часть этих лиц явиться обратно приказом с уверениями, что насильно были увлечены мятежником и хотя ложность этих показаний была очевидна, но для избежания, по возможности, всяких мер строгости Сибирское начальство удовлетворялось сими извинениями. Кенисара, отступив от Акмолов, удалился на Улу-Тау и оттуда послал к г. корпусному командиру письмо, в котором предлагал мир, на том условии, чтобы срыто было Актаусское укрепление¹³ уничтожены все приказы и выведены русские отряды из степи. Господин Венный Министр сообщил г. корпусному командиру Высочайшую волю, что приняты были самые решительные меры для обращения мятежных киргизов к покорности. По сему двинуты были летом 1838 года два отряда, которых действия, хотя и небезуспешные, не были еще достаточны были для уничтожения скопищ беспрепятственно набираемых в пределах Оренбургской степи. Генерал-адъютант Перовский писал г. корпусному командиру, что он со своей стороны не имеет никакой возможности чем-нибудь содействовать Сибирскому отряду.¹⁴ Но так как в продолжении зимы 1838-39 года Кенисара произвел несколько грабежей и в пределах Малой орды, то это побудило генерал-адъютанта Перовского послать против него сильный отряд под командованием войскового старшины Лебедева, который выступил в первых числах марта 1839 года с Оренбургской линии, разбил в последних числах того же месяца кочевья брата Касимова, султана Абдуллы Аблаева потом немедленно возвратился обратно на линию, чем и ограничилось все содействие Оренбургского отряда Сибирским¹⁵.

Несмотря на слабость сих последних и на все затруднения, представляемые экспедициями в степи, поиски, произведенные в 1839-1840 годов, привели к самым благоприятным результатам. Везде, где только мятежник был настигаем,

¹² Донесение полковника Галызина от 12 июня № 21 и от 14 июня № 39.

¹³ Донесение полковника Ладыженского от 6 января 1839 года № 13.

¹⁴ От 25 июня 1838 года № 47.

¹⁵ Отношение генерал-адъютанта Перовского 5 мая 1839 года № 390.

потерпел он совершенные поражения. Большая часть волостей Средней Орды, увлеченные им в начале мятежа, возвратились в пределы округов вследствие объявленного им прощения г. корпусным командиром.¹⁶ Явно обнаружилась и перемена образа мыслей в народе: киргизы сами охотно присоединялись к отрядам, посылаемым против Кенисары и часто даже без пособия казаков отражали шайки, рассылаемые мятежником. К концу 1840 года Кенисара принужден был совершенно удалиться из пределов Средней орды на реку Сыр-Дарью, где кочевал с оставшимися приверженными ему Алчиновцами.¹⁷ Оттуда писал он к корпусному командиру, предлагая покориться на том условии, чтобы отданы были ему во владение горы Улу-Тау и Кичетау и освобождены все захваченные в плен его сообщники.

Дерзость мятежника, осмелившегося предлагать условия после всех сделанных им преступлений, побудила г. корпусного командира оставить письмо без ответа...

Счет же предположений генерал-майора Жемчужникова относительно Оренбургской части не позволяю себе никакого по ним суждения, вместе с сим препроводил их на ближайшее заключение генерал-от-инфантерии Обручева.

Подпись: Ген.-от-инф. Князь Горчаков.

Приложения: Выписка из записки о действиях Сибирских отрядов в степи, в течение лета 1844 года, с объяснением обстоятельств, препятствовавших достижению лучших успехов и предполагаемого способа действий на будущее время.

Превосходство Кенисары над нашими отрядами в отношении к быстроте движений составляет для нас самую важную невыгоду, которой должно преимущественно приписать нерешительность наших успехов в степи в продолжение стольких лет. Отряды наши, переходя на одних и тех же лошадях огромные пространства, подвергаются обыкновенно совершенному утомлению

¹⁶ От 22 декабря 1839 года № 569.

¹⁷ Донесение г. корпусного командира господину Военному министру от 18 октября 1840 года № 447.

еще прежде столкновения Кенисарою.

При том возможно отделять в стороны разведочные партии на усталых лошадях; следовательно, отрядным начальникам обыкновенно бывает известным только то, что происходит на весьма небольшом расстоянии от занимаемых им месте. Напротив, Кенисара имея в распоряжении своем до 20 тыс. Лошадей, может беспрестанно действовать на свежих, тем более, что все киргизские волости снабжают его таковыми по принуждению, или по доброй воле. Этот способ подкрепления не предоставлен нашим отрядным начальникам.

Единственное время года, в которое, отряды наши могут иметь перевес над Кенисарою в отношении к быстроте движений, есть самая ранняя весна. Тогда, после скудной зимней тебеневки, киргизские лошади находятся в изнуренном состоянии; различный скот их приносит приплод и по тому не может быть скоро перегоняем с одного места на другое. Отрядные же лошади, будучи продовольствуемы овсом, до появления нового хорошего подножного корма, могут быть сохранены в теле. Экспедиции, начинаемые самую раннею весной, представляют еще и другую весьма важную выгоду. Летом нет никаких естественных препятствий в степи к движению по всем направлениям. По этому, предполагая даже одновременное действие отрядов с двух противоположенных сторон, трудно рассчитывать на какой-нибудь положительный успех: мятежник может ускользнуть от поражения, по тому что путь всюду открыт ему. Напротив, весною от тающих снегов степные речки и ручейки наполняются водою, делаются частью вовсе непроходимыми, частью же представляют небольшое число переправ; следовательно, соображения отрядных начальников могут быть благоприятствуемы местностью и мятежник отброшен в такую сторону, где неминуемо будет настигнуть и подвергнется поражению.

Конечно, ранние экспедиции повлекут за собою несколько большие издержки, по необходимости продовольствовать отрядных лошадей овсом, но за то оне представляют, по крайней мере, ту несомненную выгоду, что мятежник лишится приплода и значительного количества скота своего, единственно по

необходимости поспешных отступлений в такое время, когда ему нужен покой. Эти потери, без сомнения, уменьшать число его приверженцев, которые преимущественно привлекаются к нему надеждою на обогащение.

Принимая в соображение малочисленность Сибирского казачьего войска в сравнении с Оренбургским и затруднение снабжать большим запасом продовольствия отряд, предназначенный к быстрым движениям, нельзя положить предела действий Сибирского казачьего войска в Оренбургской степи далее реки Большого Тургая (в расстоянии около 300 верст от г. Улу-Тау и укрепления Джергаин-Агачского).

С постоянным занятием гор Улу-Тау, преградится всякая возможность непокорному султану Кенисаре с его приверженцами располагаться на зимовья и летние кочевки в степях Сибирского ведомства, а для достижения той же цели в отношении Оренбургского края необходимо учредить склады провианта и расположить отряды постоянно, или, по крайней мере, с наступлением ранней весны и до поздней осени на следующих пунктах: 1) при слиянии рек Иргиза и Тургая, или в недалеком от сего места расстоянии; 2) при устье реки Талдыка, впадающей в Иргиз и 3) у западной подошвы Мугоджарского хребта, несколько южнее горы Айрюка. Этим расположением отрядов, силою около 400 человек каждый при двух орудиях, мятежнические аулы будут вынуждены оставаться на безводном и бесплодном пространстве, где они в течение лета неминуемо потерпят значительный урон скота разного рода и Кенисара впоследствии лишится большей части своих приверженцев, которые без совершенной крайности не захотят подвергнуться такому же разорению и, без сомнения предпочтут возвратиться к законному начальству своему в Оренбургское, или Сибирское ведомство.

Упомянутые посты будут находиться в расстоянии от 300 до 550 верст от линии и около 250 верст один от другого; следовательно, аулы мятежников могут подходить не ближе 450 верст к линии, каковое расстояние чрезвычайно затруднит их хищнические против нас предприятия. Если же они отважились бы

проникнуть со своими аулами за ряд постов наших, то подверглись бы вслед за сим преследованию двух смежных отрядов, к которым может присоединиться еще и наскоро собранный отряд на линии, при бдительности тамошнего начальства, получившего сведения о таком случае и хищники неизбежно подвергнутся значительному поражению.

Я убежден, что мера эта, в точности исполненная, приведет мятежников, в непродолжительное время в совершенную крайность и разорение. Ему остается одно средство: искать покровительства у Хивинского, Бухарского или Коканского Хана, или бежать в Большую Орду, но в этом случае он должен будет перенестись со своими кочевьями на р. Сыр-Дарью, или за Устюрт, следовательно, удалиться от границ наших не менее как на 1000 верст, откуда ему трудно будет расстраивать наших ордынцев, или наносить вред, как им, так и линейным жителям.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 5. Л 37-42.

№ 14

Воен.Министр Вице-канцлеру; 28 ноября 1844 г. № 10907. Петербург (нужное).

Милостивый Государь, Граф Карл Василевич. Командир отдельного Оренбургского корпуса, по окончании посланными в степь отрядами сего корпуса экспедиции нынешнего года против мятежного султана Кенисары Касымова, представил соображения свои относительно обеспечения Оренбургской линии и степи от хищничеств непокорных киргизов. Успешнейшим к тому средством генерал-от-инфантерии Обручев полагает ежегодное занятие в степи с 1 мая по 1 ноября военными отрядами трех нижеследующих пунктов:

- 1) При слиянии рек Иргиза и Тургая, или несколько ниже на урочище Аксакал.
- 2) На р. Иргиз против песков Аиркизыл-Кум и
- 3) У западной подошвы Мугоджарских гор, несколько ниже горы Айрюк.

Признавая со своей стороны основательным предположением заменить ежегодные и почти всегда бесплодные поиски в степи постоянным занятием трех вышеупомянутых пунктов, я прежде сообщения этого дела на обсуждение Азиатского Комитета, в ведении коего находится Оренбургская степь, счел долгом доложить и мнению моем Государю Императору, с присовокуплением, что издержки, потребные для исполнения сих предположений, я бы полагал возможным отнести на капитал Башкиро-Мещекякского войска.

Его Величество, одоблив в общих видах таковое мнение мое, Высочайше повелеть соизволил : дело это передать на соображение Азиатского Комитета, с тем, чтобы о заключении сего Комитета. Ваше Сиятельство довели до Высочайшего сведения.

Сим исполняя Монаршую волю, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, о долженствующем последовать Высочайшем повелении в свое время поставить меня в известность, возвратив и препровождающийся при сем рапорте генерала Обручева. От 14 сего ноября № 1250, с тремя приложениями и картою. Примите уверения и проч.

Подпись: Князь А. Чернышев.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 5. Л 73-74.

№ 15

Командир Сиб. Корп. Военному Министру; 18 декабря 1844 г. № 283.

Омск.¹⁸ Воен.-Учен. Арх. Отд. II № 6730.

Г. Командир отдельного Оренбургского корпуса, от 17 ноября с № 1274 препроводил ко мне представленное им Вашему Сиятельству, предположение относительно снаряжения на будущее время отрядов для поисков против мятежного султана Кенисары Касымова.

По сходству сего предложения с предоставленною мною Вашему

¹⁸ Политика: « 6 января 1845 г.»

Сиятельству от 24 октября с № 259 запискою генерал-майора Жемчужникова, не находя со своей стороны препятствий к приведению в исполнение обязанностей, возлагаемых на отряды вверенного мне корпуса, имею честь донести о сем Вашему Сиятельству.

Подпись: Ген.-от.-инф. Князь Горчаков.

Примечание. Содержание этого донесения сообщено Вице-канцлеру в письме Военного Министра от 7 января 1845 г. № 184. Ред.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 5. Л 75.

№ 15

Записка о действиях мятежного султана Кенисары

Касымова; июнь 1844 г.

Весною 1824 года, вследствие просьбы депутатов многих волостей, положено было начало введению Высочайше утвержденного в 1822 году устава о Сибирских киргизах, открытием двух округов: Кокчетавского и Каркаралинского.

Вслед затем обнаружилось и сопротивление распоряжением правительства со стороны некоторых султанов, нашедших новый устав весьма стеснительным для своеволия, к которому они издавна привыкли.

Во главе всех беспокойных стало семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству по родственным связям и по предприимчивости своей обладает огромным влиянием на умы киргизов и почитает происхождение свое от хана Аблая за законное право на верховную власть над всею Среднею Ордою.

В сентябрь 1824-го года Касым Аблайхановъ писал к генералу Каицевичу, требуя уничтожения приказов и удаления русских отрядов из степи. Вместе с тем старший сын Касымова, Саржан, начал грабить караваны и подведомственных приказам киргизов.

В 1825 году шайка его была рассеяна, по в следующем. 1826 году он не приведенный в раскаяние даже Всемиловейшее дарован лым ем\ прошением, снова начал мятеж и снова был разбит. После чего, лишившись сообщников, оставался спокойным в продолжение четырех лет, и в 830 году добровольно

присягнул на подданство России но через год ушел в Ташкент¹⁹ и там пользуясь нелепыми замыслами хана Коканского на обладание Среднею Ордою в течение целых пяти лет делал Ташкентцами набеги на степь. Построенные Актауского укрепления положило конец этим разбоям и сам Саржань, поссорившись, с правителем ташкентским ляхкаром был, казнен в 1836 году. Касим Аблайханов вероломно умертвил, в отмщение за смерть Саржана, высланное к нему для примирения посольство от ташкентского правителя и весною 1837 года перешел с прочими сыновьями и теленгутами своими в Кипчаковския волости, кочующая в юго-восточных пределах, Оренбургской степи. По слабости сил которыми мог располагать в то время Касым, он не казался опасным и сибирское начальство, всегда готовое избирать меры крепости, оставило семейство Аблайханова в покое как-бы передав забвению все прежнее его действия.²⁰

Летом того-же 1837 года появились в волостях Акмолинского округа эмиссары Касымова, распространявшие возмутительные слухи, которые не смотря на свою нелепость, взволновали легковерный народ, и в август месяц в волостях Акмолинского округа откочевали в пределы Малой Орды, чтобы присоединиться к семейству Аблайханова, обещавшему освободить их от власти русских.²¹

При первом известии об откочевке волостей посланы были к ним заседатель и несколько толмачей затем, чтобы убеждениями склонить их к возвращению в округ, но эта кроткая мера осталась безуспешною. Сам старший султан Акмолинского округа Кунур Кульджи Худаймендинь не принимал никаких действительных мер к водворению спокойствия и скрепил даже в то время дружбу свою с семейством Кае сына своего Чингиса на дочери Саржаной. Принять против Худаймендина меры строгости, или сменить его казалось,

¹⁹ Выписка о поступках султана Саржана Касымова. составленная для генерала от инфантерии Вельяминова в октябрь 1831 года.

²⁰ Предписание г. корпусного Командира полковнику Талызину от 23-го февраля 1837 г. №46.

²¹ Донесение полковнику Талызину от 24-го августа 1837 г. за № 21.

опасным при тогдашних обстоятельствах и управлявший Омской области полковник Талызин ограничился несколькими сделанными Худаймендеду замечаниями.²²

Между тем сын Касымова Кенисара беспрепятственно приготавливался к вторжению в Сибирскую часть степи. Кипчаковские племена, среди которых находилось в то время семейство Касымова, считались подчиненными Оренбургскому ведомству, но в сущности были совершенно независимы, о чем сам генерал-адъютант Перовский²³ писал к командиру отдельного Сибирского корпуса. Эта независимость развила в них в высшей степени дух хищничества, и они охотно последовали призыву семейства Аблайхановых.²⁴ В октябрь месяц 1837 года Кенисара вторгся в Акмолинский округ с многочисленной шайкой, разграбил несколько караванов, раззорил волости, отказавшийся присоединиться к нему и наконец в первых числах декабря напал даже не казачий отряд, конвоировавший караван в Голодной степи. При чем офицеры и половина людей отряда были убиты, а остальные переранены.²⁵

Зимнее время года, затруднявшие военные действия и малочисленность находившихся в степи казаков, позволяли Кенесарю безнаказанно продолжать свои разбои: к началу весны 1838 года к хищнику явно присоединилась уже не только большая часть султанов Акмолинского округа, но даже многие из Баян-Аульского, Каркаралинского и Кокчетавского.

Все остальные султаны, наружно остававшиеся верными правительству, находилось в тайных сношениях с Кенесарюю и сокрытием истины старались вредить русским, подвергая себя опасности. Кунурь Кульджи успел, даже утвердить полковника Талызина. Что опасности никакой нет и последней во время отсутствия корпусного командира, находившегося тогда в Петербург не

²² Донесение полковника Талызина от 25 декабря 1837 года №52.

²³ От 25 июня 1838 года № 47

²⁴ Донесение генераль-лейтинанта Гладышева от 16 сентября 1837 года №27.

²⁵ Донесение войскового старшины Симонова от 19 декабря 1837 года № 67.

озаботился начать экспедицию с самою раннею весною, что одно могло-бы удержать дальнейшее распространение мятежа.²⁶

Чтобы окончательно увлечь на свою сторону всю Среднюю Орду, Конисарь необходимо был какой нибудь успех над русскими. Акмоллинское селение, оборяемое менее, чем сотнею казаков и не прикрытое никаким укреплением ем, казалось мятежнику легкою добычею и 26 мая 1838 года он окружил его скопищем в несколько тысяч человек.²⁷ Вес нападения были, однако, успешно отражены казаками и Конисара удалился, получив известие о приближении к Акмолале несколько отрядов, двинутых труди се величайшею поспышностию г корпусным Командиром, только что успевшим возвратиться из Петербурга. В нападении на Акмоллы участвовали люди, облеченные доверием правительства, как то: старший султан Баян Аульский Мамань Аблаевъ, заседатель Тайджан Азнабаев, также сыновья старший султанов Каракалинского и Кокчетавского округов. Неудачное нападение Конисари на Акмалу побудило большой часть этих лиц явится обратно к приказом уверением, что насильно увлечении мятежником и хотя ложность этих показание была очевидна но для избежания по возможности всяких мер строгости Сибирского начальство удовольствовалося этими извинениями. Конисара, отступив от Акмалы, удалился на У л ужал у и отдута послал к господину Корпусному командиру письмо в котором предлагал мир на том условии чтобы скрыто было Октавуское укрепление уничтожены все приказы и выведении русские отряды из степи.

Господин военный министр сообщил господину корпусному командиру высочайшую волю, чтобы принести были самые решительные меры для обращения мятежные киргизов к покорности. По степи были двинуты летом 1838 года два отряда. Действие, которых хотя и безуспешны, не были ещё достаточный для уничтожение скопищ беспрепятственно набираемых в пределах Оренбургском степи. Генерал-адъютант Перовский писал господину корпусному

²⁶ Донесение полковника Талызина от 26 апреля 1838 года № 108.

²⁷ Донесение его же Талызина от 9 июня 1838 года № 160.

командиру, что он со своей стороны не имеет никакой возможности чему-нибудь содействовать сибирским отрядам.²⁸ Но, так как в продолжительные дни зимы 1838-1839 года Кенисара произвел несколько грабежей в пределах малой орды, то это побудило генерал-адъютанта Перовского послать против него сильный отряд под командованием войскового старшины Лебедева, который выступил в первых числах марта 1839 года с Оренбургской линии, разбил в последних числах того же месяца кочевого брата Касымова, Султана Абдуллы Аблаева, и потом немедленно возвратился обратно на линию чем, и ограничилось все содействии Оренбургского отряда Сибирскому.²⁹

Несмотря на слабость последних и на все затруднения, представляемая экспедиция в степи, поиски, произведенные 1839-40 годах, привели к самым благоприятным результатам. Везде где только мятежники были настигаемы претерпевали полное поражение. Большая часть волости средней Орды, увлеченная им в начале мятеже возвратились в пределах округов вследствие объявленного им прощения господина корпусным командиром.³⁰ Явно, обнаружилось и перемена образа мыслей в народе: киргизы сами охотно присоединялись к отрядам, посылаемым против Кенисары и часто даже без пособия казаков отражали шайки, рассылаемые мятежником. Концу 1840 года Кенисара вынужден был удалиться из пределов Средней Орды за реку Сырдарью, где кочевал с оставшимися приверженными ему Алчиновцами.³¹ Оттуда писал он к корпусному командиру, предлагая покориться на том условии, чтобы отданы были ему во владение горы Улу-Жау и Кичетау и освобождены все захваченные в плен его сообщники.

Дерзость мятежника, осмелившегося предлагать условие после всех сделанных им преступлений, побудила Корпусного командира оставить письмо

²⁸ От 25 июня 1838 года №47.

²⁹ Отношение генерал-адъютанта Перовского 5 мая 1839 года N"» 390.

³⁰ От 22 декабря 1839 года № 569.

³¹ Донесение господина корпусного командира господину военному министру от 18 октября 1840 года № 447.

его без ответа.³²

Не смотря на удаление Кенисара, Кипчаковскмя племена, кочующие близ границы Оренбургской степи с Сибирскую, не прекращали своих разбоев в сей последней. Так как Оренбургское начальство не принимаю никаких мер к усмирению их, отзываясь, что не иметь на них никакого влияния, то и начальник одного из Сибирских отрядов, подполковник Гаиюсь, находившийся осенью 1840 года в Джергаинь-Агачь, счел себя в прав действовать против сих неприязненных племен и нанес им чувствительное поражение.³³ Это возбудило неудовольствие в генерал-адъютант Перовском, который вследствие сего изъявил корпусному командиру желание свое, чтобы Сибирские отряды не иначе вступали в пределы Оренбургской степи, как только в случи преследования хищников, но отнюдь не для наказания их.³⁴

Исполнение желания генерал-адъютанта Перовского подкрепило, в Кипчаковцах уверенность в безнаказанности и разбои в пределах Сибирской степи еще более усилились.

Кенисара, видя просьбу свою отвергнутую сибирским начальством, обратился с нею к Оренбургскому и в 1841 году генерал-адъютант Перовский исходатайствовал ему Всемилостивейшее прощение, равно как освобождение всех захваченных его приверженцев. Последствие были, однако, совершенно не те, которые без сомнения, ожидались: Кенисара принял дарованное ему прощение за признание правительством его невинности, за торжество над своими врагами, каковыми почиталъ он все Сибирское начальство³⁵ и воспользовался им для увеличения своего влияния на народ принятием титула ханского и ходатайством за всех киргизских преступников, находившихся ссылка, или заключении.³⁶

Вместе с тем он вовсе не счел себя обязанным повиноваться распоряжением

³² Донесение Господину Военному Министру от 12 октября 1840 года. №468.

³³ Рапорт подполковника Гаиюся от 21 сентября 1840 года № 424.

³⁴ Отношение генерал-адъютанта Перовского от 22 марта 1841 года № 98.

³⁵ Письмо Кенисара к генерал-майору Генсу от 7 июня 1841 года.

³⁶ Перехваченное письмо Кенисары к султану Габулаизу.

Оренбургского начальства. Обещав сначала освободить находившихся у него в плену казаков и самому покочевать на линию, вместе исполнения сих обещаний собрав он не смотря на все увещания генерал-адъютанта Перовского, в Малой Орд многочисленное скопище, с которым отправился к Ташкентским пределам, чтобы принять участие в войн, производившийся тогда между Бухару и Кокандом.³⁷

В течение зимы 1841-42 года и всего 1842 года Кенисары беспрестанно посылал шайки в предали Сибирской степи, для грабежей в волостях повинующихся приказам, для захвата казаков в плен и угона лошадей и верблюдов от партий производивших рекогносцировку в голодной степи. Положение начальников сибирских военных отрядов было самое затруднительное: хищники ускользали от наказания за пределами Оренбургской пограничной черты, а дарованное Кенисарь Всемиловейшее прощение делало его неприкосновенным.³⁸ В продолжение всего этого года Оренбургское начальство беспрерывно обращалось к нему с требованиями, чтобы он переменил свое поведение, но Кенисары не обращал на них никакого внимания и оставлял их без ответа.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д . Л .??????

№ 16

Командир Сиб. Корп. Военному Министру; 18 декабря 1844 г. № 283.

Омск.³⁹

Г. Командир отдельного Оренбургского корпуса, от 17 ноября с № 1274 препроводил ко мне представленное им Вашему Сиятельству, предположение относительно снаряжения на будущее время отрядов для поисков против мятежного султана Кенисары Касымова.

³⁷ Отношение генерал-адъютанта Перовского от 21 ноября 1841 года № 456.

³⁸ Рапорт есаула Рыбина от 13 октября 1842 года № 195.

³⁹ Пометка: « 6 января 1845 г.»

По сходству сего предложения с предоставленною мною Вашему Сиятельству от 24 октября с № 259 запискою генерал-майора Жемчужникова, не находя со своей стороны препятствий к приведению в исполнение обязанностей, возлагаемых на отряды вверенного мне корпуса, имею честь донести о сем Вашему Сиятельству.

Подпись: Ген.-от.-инф. Князь Горчаков.

Примечание. Содержание этого донесения сообщено Вице-канцлеру в письме Военного Министра от 7 января 1845 г. № 184. Ред.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 5. Л 75.

№ 17

Оренб. Воен. Губернатор Военному Министру: 2 января 1845 г. №2 Оренбург⁴⁰

Бий Баймухаммед Яманчин, о возвращении, которого я имсл честь донести Вашему Сиятельству от 26 декабря за № 1622, был отправлен из Оренбурга 28 сентября с письмом от председателя Пограничной Комиссии к мятежному Султану Кенисаре Касымову т только 4 ноября достиг его аулов, располагавшихся в песках Арыс-Кум на запад от р. Сары-Су и озера Теле-Куль на урочище Бубыным-Чуары за Каракумом, не в дальнем расстоянии от Коканской границы, на два дня конной езды от горы Хозрет-Ныль Кара-Тау в Туркестане. Причиною не скорого отыскания кочевьев Кенисары по показанию Яманчина было то, что он, узнав о сборе наших отрядов на линии, непрерывно делал передвижения и фальшивые кочевки, стараясь скрывать свои следы; остановясь днем на одном каком либо месте, он ночью уходил с него на другое, совершенно в противоположном первому направлении.

Кенисара, прочитав привезенные Яманчином бумаги и выслушав объяснения Яманчина, сделанные по данному ему при отправлении наставлению, изъявил готовность покориться Правительству и исполнить все требования, что и начал с

⁴⁰ Пометка : « 13 января 1845 г. ».

того, что приказал собрать пленных наших, размещавшихся по разным аулам и снабдил их на дорогу теплою одеждою, хорошею пищею, лошадьми и верблюдами.

Яманчин пробыл в аулах Кенисары 6 дней и на 7-мой, т.е. 11 ноября, получил ответные письма Кенисары и отпущенных с ним пленных наших 24 души мужского и 9 женского пола⁴¹, в числе которых были мальчик и девочка, родившиеся в ауле Кенисары, отправился обратно и 16 декабря прибыл в Орскую крепость, где сдал, за исключением двух умерших в пути, отпущенных Кенисарою пленных. Из них один, присланный в Оренбург с донесением от командира казачьего № 4 полка урядник Андрей Иванов, объяснил, что в день разграбления Екатерининской станции, находясь на пикете № 6 и узнав, что киргизы отбили лошадей у посланных за сыном с редута № 4 башкирцев, он с 8 казаками бросился в погоню за хищниками и. верстах 40 от линии настиг их шайку. Киргизы, заметя преследующих, тотчас напали на них* толпою и, не смотря на сильное сопротивление казаков, при котором два из последних убиты и один ранен, пересилили их большинством и увлекли в плен. В это время при Кениеаре. который сам предводительствовал шайкой, находилось киргизов до 2000 человек, в том числе вооруженных 500 человек. В тот же день вся шайка двинулась в глубину степи и. узнав о близости русской команды, начала уходить с поспешностью без отдыха. Не доходя Мугоджарских гор, участвовавшие в нападении на Екатерининскую станицу Дюрткаринцы, Джигалбайлыцы, Чумекеевцы и Алачинцы, разделив с Кенисарою добычу, разошлись по своим аулам, а он с 900 киргизами откочевал далее в глубь степи. В аул Кенисары из плененных с линии умерли 2 казака и 1 русский крестьянин⁴², двое отправлены в подарок к Хивинскому хану, а остальные где неизвестно. У Кенисары находится

⁴¹ По имеющимся в виду сведениям захвачено было в разное время всего 46 человек, из коих освобождены до настоящей посылки 4 человека, затем недостает 11 человек.

⁴² Крестьяне эти увлечены хищными киргизами 30 июня 1844 г. с рыболовства в степи на р. Таболе. при урочище Тепловском против Усть-Унекой станицы.

еще один русский пленный уже лет 20 с сибирской линии, за которым присматривают бдительно и которого обещаются отпустить, как скоро возвратят Султана его родственников, нами задержанных, - и беглый из Сибирского отряда солдат, который пользуется свободой, имеет двух жен и участвует во всех грабежах и хищничествах вместе с мятежниками. Сначала Кенисара намеревался отпустить с бием Яманчиным только половину пленных, а другую задержать до возвращения своих; по как Яманчин не решался ехать с половиною, а при том сестра Кенисариева настаивала об отдаче всех, дети же усиленно просили о возвращении матери их. захваченной Сибирским отрядом, то он и приказал собрать всех.

Урядник Иванов показывает также, что приезжавшие к Кенисаре Хивинцы торговали у его пленников, но он, отвечал, что не может продавать, имея своих в плену, что посланный в Хиву скот для промена на оружие пригнать обратно потому будто бы, что не перепущен через Сыр-Дарью, что в мятежные аулы наведываются постоянно киргизы из тех родов, кои были при грабеже Екатерининской станицы, и передают сведения о движении русских отрядов; что, по словам приверженцев Кенисары он давно бы покорился Правительству, если бы не удержал его страх наказания, и что все они вообще не годны на заселение новой линии, говоря, что лучшие их зимовые кочевья отняты русскими. Наконец, Иванов объясняет, что аулы мятежников разбросаны на пространстве 50 верст в длину, в каждой кибитке по 4,5 и 6; в самом ауле Кенисары 10, или 15 кибиток не более; всех приверженцев султана, кочующих вместе с ними и вблизи, около 1000 человек, включая женщин и малолетних; вооруженных пиками мало; мятежные шайки в самом бедном положении; лошади у них изнурены от беспрестанных поездок на баран ту. Месяца 2 назад Кенисара хотел, было перейти в Сибирские степи, но узнав, что снег там очень глубок, остановился и теперь, как слышно, намерен двинуться к Оренбургской линии на Тургай.

В привезенных Яманчином письмах, о которых выше сказано, Кенисара изъявил покорность воле Правительства, - в чистосердечии чего удостоверяет и Яманчин

в своем показании, между прочим, ходатайствует об отводе ему земли и об освобождении задержанных его родных и других ордынцев. Последнего он домогался и в прежних своих просьбах. Почему, сообщив о своем этом г. Управляющему Министерством Иностранных Дел, я препроводил к нему список задержанным из родных и приверженных Кенисаре ордынцев, всего 41 человек, на тот конец, что не будет признано возможным, если не вполне, то хотя в некоторой степени удовлетворить просьбу Кенисары и исходатайствовать на это Высочайшее соизволение, думая со своей стороны, что хотя и нельзя полагаться на искренность раскаяния Кенисары, вынужденного к тому, по всей вероятности, стесненным положением, в какое приведен действовавшими против него нашими отрядами, но в уважение того, что изъявляя свою покорность, он отпустил уже бывших у него наших пленных и снабдил всеми потребностями, еще следует отвергать его домогательства, в противном же случае отказ послал сего может утвердить его в недоверчивости к нашему правительству и ожесточить более прежнего. Поэтому в отзыве моем г. Вице-канцлеру я присовокупил мое мнение о разрешении в особенности возвратить Кенисаре находящуюся на Сибирской линии его жену, задержанного в Оренбурге заложником дядю султана Карабая Карачева с 3 киргизами и сосланного в Березов султана Габайдуллу или Абдулхана, которых выслать для этого в Орскую крепость, отсюда уже, по снабжении всем нужным, отправить в аулы Кенисары в сопровождении нескольких казаков при офицере генерального штаба и чиновнике пограничной комиссии с той целью, что первый, пользуясь этим случаем, будет иметь возможность обозреть местность, настоящее положение мятежников и разведать о действительных намерениях Кенисары, а это было бы весьма полезно для соображения, если повелено будет отправить в степь в будущем лете отряды войск. Для кочевания же Кенисары с его аулами, согласно Высочайшему повелению, объявленному ему в отзыве управлявшего Министерством Иностранных Дел действительного тайного советника Воронцова—Дашкова от 16 сентября 1842 г., назначить место, которое было определено бывшим председателем пограничной комиссии на

южной стороне Мукоджарских гор, и если не представится особенного неудобства привести его через офицера генерального штаба при чиновнике пограничной комиссии на верность подданства к присяге. В случае исполнения сего Кенисарю, даже и одном принятии место для кочевания, остановить дальнейшее его преследование, ограничась до времени одним наблюдением отрядами за всеми его поступками и намерениями.

О всем этом я имею честь почтительнейше донести до сведения Вашего Сиятельства, осмеливаясь представить Милостивому вниманию вашему положение возвращенных из плена войсковых обывателей, которые, быв совершенно ограблены мятежным скопищем, подвергались всевозможным недостаткам во время нахождения в мятежных аулах.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

Резолюция (на отд. листе):

«Государь Император, придворительно соизволяя на таковое пособие возвращенным о киргизов русским пленным, какое признанно будет справедливым. Высочайше повелел о мере сего пособия спросить генерала-от-инфантерии Обручева. 16 января 1845 г. Ген.-адъют. Князь Чернышев».

ЦГА РУз. Фонд 715.ОП 1. Д 6. Л 1-7.

№ 18

Граф Нессельроде Военному Министру; 12 января 1845 г.

№ 97.⁴³

Милостивый Государь, Князь Александр Иванович. Имею честь препроводить при сем Вашему Сиятельству, для прочтения подлинное донесение Председателя Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Ладыженского от 26 декабря № 264, а также записку, при коей донесение это было представлено мною Государю императору. Из означенных бумаг, которые

⁴³ Пометка: « 13 января 1845 г.».

по миновании надобности покорнейше прошу мне возвратить. Вы изволите усмотреть, что султан Кенисара Касымов обнаружил склонность к покорности Правительству. Хотя на искренность сего мятежника совершенно полагаться нельзя, тем не менее казалось бы, не бесполезным испытать еще меры убеждения, дабы положить конец беспорядкам в Орде, не прибегая к усиленным средствам, требующим больших жертвований и остающимся почти без полного успеха. Полагая, что продолжение способа внушений, столь благоразумно начатого генерал-майором Ладыженским, и обнадежение Кенисары в снисхождении правительства могут повести к желаемой цели прекращения враждебных его действий, не мешая, впрочем, принять и другие меры, если бы убеждения оказались безуспешными, я находил бы необходимым, чтобы генерал-майор Ладыженский написал от себя новое письмо к Кенисаре Касымову для вящего утверждения его в намерении покориться воле Правительства.

Вследствие чего я приказал изготовить в таком смысле проект отношения к Оренбургскому Военному Губернатору и буду иметь счастье представить оный на благоусмотрение Государя Императора.

О Высочайшем же повелении, какое по сему последует, я не премину сообщить Вашему Сиятельству, с приложением и копии с того проекта, если оный удостоится одобрения Его Величества.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Подпись: Граф Нессельроде.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 6. Л 8-9.

№ 19

Граф Нессельроде Военному Министру; 16 января 1845 г. №150⁴⁴.

Милостивый Государь Князь Александр Иванович. В дополнение к отношению моему от 12 января № 97, имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству копию с отношения, посылаемого мною с нынешнею

⁴⁴ Пометка: « 17 января 1845 г. ».

почтою по Высочайшему повелению к г. Оренбургскому Военному губернатору по делу о Кенисаре Касымове.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подпись: Граф Нессельроде.

Приложение: Копия с отношения господина Вице-канцлера к г. Оренбургскому военному губернатору от 16 января 1845 г. № 138.

Отношения Вашего Высокопр-ства от 26 и 31 декабря 1844 года №№ 1621 и 1657, из коих первое содержало известие о возвращении султаном Кенисарою Касымовым находившихся у него русских пленных, а в другом сообщены все подробности сего события, с приложением так же переводов писем Кенисары, я имел честь получить.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д . Л .?????

№ 20

Командир Оренб. Корп. Военному Министру; 31 января 1847 г. № 6. Оренбург
(секретно)⁴⁵

От 20 числа сего месяца за № 52, Ваше Сиятельство изволили предписать мне представить Вам, Милостивый Государь, мое сообщение относительно того, какое предпочтительно из двух предполагаемых укреплений в Киргизской степи на р. Темир, или р. Сыр-Дарье будет удобнее и выгоднее для возведения в настоящем году и вместе с тем доставить план укреплению на Сыр-Дарье с

⁴⁵ Пометка: « 9 февраля 1847 г. ».

подробною сметою издержкам, потребным как на возведение оногo, так и на устройство русского поселения; сверх того представить положительный отзыв касательно дошедшего до Его Императорского Величества сведения, что местность на р. Темир весьма не здорова.

На это приемлю честь почтительнейше донести Вашему Сиятельству, что означенные два пункта в отношении выгод, коих ожидать надлежит с устройством укреплений, я рассматривал с двух сторон, а именно: на реке Темире как пункте, прикрывающий богатейшие места степи в западной части Малой Орды, который, находясь в центре этой части и на одной линии с возведенными уже укреплениями, имея при этом совокупный круг действий с линиею и Уральским укреплением, представляет через это большое удобство для наблюдения за киргизами, кочующими в западной части Орды. Через устройство здесь третьего укрепления положится также преграда хивинцам приближаться к линии для сбора зякета с подвластных нам ордынцев, кочующих на верховьях Эмбы, Темире, Илеке, Ори и Сагизу: не менее того, оно будет иметь влияние на укрепление покорности к нам в значительном Адаевском роде, который еще не совсем признает над собою власть нашего правительства. Следственно укрепление на Темире во многих отношениях весьма важно; оно окончательно утвердит власть нашу в Киргизской степи и довершит спокойствие с ней и на линии.

Укрепление на Сыр-Дарье, по моему мнению, имеет большую выгоду только в политическом отношении, так как с этим мы стали бы твердою ногой близ устья той реки, упрочили бы действительным образом наше влияние на Среднюю Азию, облегчил бы торговые сношения и Аральское море в непродолжительном времени было бы в руках Его Императорского Величества. При том урочище Раим не только важно по политическим видам, но оно превосходно по особой своей местности и для укрепления; а по изобилию пресных вод и луговых мест есть богатейшее в Каракумах, Барсуках и по течению Сыр-Дарьи и в степи Оренбургского ведомства на 200 верст, так как дальнейшее

течение этой реки идет в Коканском и других среднеазиатских владениях. Все же вышеупомянутые места представляют безводные земли и скудную почву, заключающуюся в песчаных буграх и солончаках, отчего киргизы кочуют в этих местах только в зимнее время; и потому выгоды от укрепления на Сыр-Дарье в отношении наблюдения за спокойствием Малой Орды, далеко уступают укреплению на Темире, прикрывая только бедные кочевые места. При том на возведение укрепления в этом пункте (на Сыр-Дарье) потребуются значительные издержки, суммою на 133, 185 руб. Серебром в числе коих одна транспортировка разных предметов и продовольственных припасов составляет 45062 руб. сереб.; доставление оных по Каракуму на пространстве 130 верст весьма затруднительно. Сверх того расходы по расселению 50 семейств будут простираться на сумму 8355 руб. серебром.

Соображая все эти обстоятельства и принимая в основание мнение г. Государственного Канцлера Иностранных Дел, хотя и следовало бы, может быть, повременить возведением укрепления на Сыр-Дарье, но как урочище Раим, по своей превосходной местности, с незначительными фортификационными мерками составит сильный опорный пункт, как с нашей стороны в отношении областей Средней Азии, если будет находиться в наших руках, так и наоборот, если азиаты на нем укрепятся, то в последнем случае, в занятии нами этого важного пункта, могут представиться большие затруднения со значительными пожертвованиями разного рода. А как хивинцы теперь с недоверчивостью смотрят на водворение наше в глубине степи, то легко может случиться, что они обратят внимание на занятие урочища Раим, в чем также, вероятно, не упустят подстрекать азиатов англичане от политики коих, без сомнения, не ускользнет и Сыр-Дарья. В этих видах уже от усмотрения Вашего правительства, будет зависеть решить вопрос: нужно ли нам иметь укрепление на Сыр-Дарье ? или если признается необходимым там укрепиться, в таком случае я бы полагал не упускать удобного для того времени.

Обращаясь к тому, что местность на р. Темир по дошедшему до Его

Величества сведению весьма не здорова, я имею честь объяснить, что в выборе этого пункта я основывался на следующих данных: во первых, из чинов съемочных партий, находившихся по р. Темир в 1845 и 1846 гг., ни один не умер и не заболел; во вторых, также благополучно возвратился и отряд под начальством обер-квартирмейстера полковника Бларамберга, отправлявшегося прошлым летом для избрания места под третье укрепление; в третьих, наши купцы, постоянно ведущие торговлю в степи, свидетельствуют о Темире, как одним из лучших мест, какие им там известны; в четвертых, тоже самое подтверждают заслуживающие доверия ордынцы и в особенности султан-правитель западной части орды полковник Баймухамед Айчуваков, известный по своему благоразумию и особенной преданности правительству; наконец в пятых, генерал-лейтенант Толмачев, находившийся при войсках Хивинской экспедиции с самого начала и в последствии командовавший оными с 30 марта 1840 года (за отъездом генерал-адъютанта Перовского из степи) до возвращения их на линию удостоверюсь, что местность на Темире есть самая благоприятная. Если же доведенное до Его Величества сведение основано на смертности, происходившие в войсках во время Хивинской экспедиции, то причину этому не должно относить к р. Темир, куда впоследствии перешли войска, ибо Хивинский поход совершался в суровую зиму и находившиеся в нем войска подвергались всем нуждам такого времени года, можно сказать, под открытым небом, а следовательно и неизбежному изнурению; к тому же и местность Эмбенского укрепления была низменна и солоновата, что понудило впоследствии перейти из сего укрепления на Темир в расстоянии 30 верст от оногo и это передвижение было совершено со второй половины февраля, местность же на Темире возвышена, изобилует превосходною водой, тогда как в Эмбе она отчасти солоновата; почва на Темире представляет всю силу растительности. С выводом же войск из Эмбенского укрепления и с приходом на Темир смертность начала постепенно уменьшаться при всем том, что доставлено было туда больных 615 человек и окружности расположения войск находилось значительное число палых верблюдов и

лошадей, от чего воздух не мог быть тогда совершенно чист; относительно же постепенного уменьшения смертности, то Ваше Сиятельство изволите усмотреть из следующих сведений, взятых из отчетов того времени, что также служит подтверждением о выгоде местности на Темире.

В 1839 году, в конце которого выступили войска в экспедицию, состояло умерших: _____ 225.

В январе 1840 года _____ 202.

В феврале _____ 156.

В марте _____ 134.

В апреле _____ 177.

В мае _____ 104.

В июне до 9 числа _____ 004,

а больных на это число показалось _____ 612.

Его Императорское Величество изволил предпочесть возведение в настоящем году укрепления на Сыр-Дарье вместо Темира, в таком случае я полагал бы:

1) Избранную местность для опорного пункта на Сыр-Дарье укрепить по одному из трех представляемых у сего проектных планов, с тремя отдельными оборонительными башнями.

2) Гарнизон укрепления составить из 2 рот пехоты, 1/4 роты гарнизонной артиллерии и 300 Уральских казаков для подвижного резерва, для которых иметь по одной заводной казенной киргизской лошади, что бы в случае надобности можно было действовать с большой скоростью; пехота и артиллерия должны быть постоянные и потому назначить преимущественно из женатых уроженцев Сибирских губерний, так как они не пользуются бессрочными отпусками и тем еще более, что эти люди со временем могли бы составить поселение нового укрепления. Поэтому периодическая смена войск должна заключаться в одних казаках, которые будут прикрывать вместе и транспорты, идущие в укрепление, куда следование их в осеннее время не более может продолжаться 5 недель.

3) Для вооружения укрепления назначить 14 медных орудий, из коих для

главного укрепления, или ретраншемента б и особо полукруглой батареи на самом мысу полуострова Раима 2 и для трех отдельных оборонительных башен б. Калибр этих орудий, соображаясь с удобством следования по степи, должен быть: пушки 6 фунтовые и единороги 1/4 пудовые, тех и других по шести; и трех фунтовых единорогов для употребления при поисках против злонамеренных ордынцев 2. Сверх того снабдить это укрепление тремя - шестифунтовыми кегорновыми мортирами, 12 крепостными ружьями и 30 конгревовыми ракетами шести фунтового калибра; зарядов иметь на орудии тройной комплект, а боевых патронов на пехотные и казачьи ружья также и пистолеты два комплекта; сверх того необходимо иметь сигнальные ракеты. Всем этим, за исключением шестифунтовых пушек и 1/4 пуд. единорогов, может снабдить укрепление Оренбургский арсенал; а означенные орудия должны быть доставлены в Орскую крепость по особому распоряжению Артиллерийского департамента.

- 4) Продовольствие войскам и транспортным командам производить по примеру тому, как производился уже возведенных в степи укреплениях.
- 5) Лазарет в новом укреплении учредить на 60 человек; потребное для него количество мягких и металлических вещей можно будет получить из Оренбургского военного госпиталя, а медикаменты из здешней казенной аптеки.
- 6) Снабдить укрепление походной церковью, до высылки которой из С.-Петербурга, или Москвы, по распоряжению комиссариата можно будет перевезти таковую, оставшуюся после бывшего Уфимского казачьего полка, ныне помещающуюся в станице Велико-Петровской между старой и новой линиями.
- 7) Снабдить также гарнизон укрепления лодками, удобными для плавания не только по большим рекам, но и в море; а как оне должны приспособлены к удобству перевозки их по степи, то для устройства полезно бы было выслать из С.-Петербурга, знающих это дело мастеровых, так как в здешнем крае приискать таковых нет возможности; если уральцы покупают суда в Астрахани, а лодки на Волге.
- 8) Офицерам регулярных войск и чиновникам, назначенным в постоянный

гарнизон, выдать в пособие годовые оклады жалованья; офицерам же иррегулярных войск этого не потребуется, потому что они будут сменяемы ежегодно.

9) Для поднятия всех тяжестей и продовольственных припасов на одних башкирских подводах, в числе 1200, не представляется возможности, а народ в большом числе был бы уже слишком обременителен, падая на одни лишь прилинейные кантоны, несущие службу; так как башкиры сих кантонов дают постольку же подвод для каждого укрепления, т.е. Оренбургского и Уральского, почему необходимо прибегнуть к найму верблюдов до 3500, так как нужно будет поднять хлеба и овса 6783 четверти, в том числе муки 4450, круп 833 и овса 1500 четверти, платя киргизам сообразно вольной цене за каждого верблюда по 10 руб. сереб.

Что касается до поселения, то в первый год оно не может быть предпринимаемо, а надлежало бы приступить к тому уже во второй по устройстве укрепления, в котором поселенцы могли бы иметь необходимый в начале приют. Для такого поселения следовало бы назначить на первый раз не более 50 семейств, преимущественно из приволжских жителей Сибирской и Саратовской губерний, а если бы не было между ними желающих, то из вновь зачисленных в казаки Оренбургского войска, из коих иные не устроились еще надлежащим образом на новых местах, а другие вовсе к тому не приступали по недавнему зачислению. Поселенцам, с предоставлением льгот от всех повинностей, впредь до усмотрения надлежало бы выдать на обзаведение хозяйством по сто руб. серебром на каждое семейство. Сверх того, как они присудить на место поселения, по прошествии времени посева яровых хлебов и следовательно таковой может быть произведен ими только на другой год, то необходимо отпускать им для продовольствия в течение двух лет указанную дачу провианта из казенного заготовления. Поселение это со временем должно обеспечивать снабжение гарнизона укрепления провиантом и овсом по вольной цене, доставка которых с линии обходится казне слишком по высокой цене и именно по 6 1/2

руб. с четверти; и тогда на содержание укрепления потребуется несравненно менее; для большего же успеха в этом деле занимать возделыванием полей нижних чинов гарнизона, производя им за то плату и даже на тот же предмет нанимать киргизов.

К сему считаю нужным присовокупить:

а) Сумма сбора с башкир и мещеряков взамен командировок на службу в нынешнем году составит до 232,963 руб. серебром, а ежегодные расходы из этого сбора, как значится в прилагаемой при сем ведомости под лит. Д. простираются разрешенные на 103420 руб. и предполагаемые 50567 руб., всего 153987 руб. серебром; следовательно остается свободного капитала 78976 руб.

б) Для сообщения укрепления с линиею посредством киргизов, по прямому направлению через Уральское укрепление в Орскую крепость, потребуется времени весною, летом и осенью до 10 дней, а зимою около месяца, так как в настоящую зиму из Уральского укрепления в Оренбург доходили бумаги в 10 дней. Но если приказано будет устроить промежуточный пост из 30 казаков между Уральском укреплением и кр. Орской на р. Иргиз, то время сообщения сократится, ибо в таком случае переезд будет от Орска до промежуточного поста 203 верст и оттуда столько же до Уральского укрепления, а от него до Раима 312 верст; на каковом расстоянии удобно могут быть отправляемы и казаки о дву-конь по примеру киргизов.

Засим, согласно предписанию Вашего Сиятельства, имею честь представить при сем на Ваше, Милостивый Государь, благоусмотрение:

Генеральный план местности урочища Раима с означением, где предполагается возвести укрепление и три отдельные оборонительные башни. (Лист I).

План полуострова Раима с показанием линии главного управления. (Лист II).

Три проектных плана для укрепления полуострова Раима с означением на двух - всех вообще помещений. (Л. 3,4 и5).

План оборонительной отдельной каменной башни на 25 человек с двумя

орудиями для возведения в трех пунктах на местности Раима, означенных под литерами С,Д,Е. (их предположено сложить из камня на глине). (Л.6).

Подробную смету приблизительным издержкам, потребным по возведению укрепления и водворению русского поселения. (Л.Д.)

Краткую ведомость расходам, извлеченным из подробной сметы. (Л.Е.).

Перечневую ведомость о числе воинских чинов предполагаемого гарнизона укрепления и транспортной команды с означением повозок, лошадей и верблюдов. (Л. П).

Ведомость о ежегодном расходе денег из сбора, производимого с Башкиро-мещерякского войска, взамен службы, с разделением на разрешенные и предполагаемые. (Л.Е).

Сверх того, полагаю у сего для соображения Вашего Сиятельства.

План местности при впадении реки Темира в Эмбу, где предполагается возвести третье укрепление. (Л.7).

План местности бывшего Эмбенского укрепления.(Л.8).

В заключение я приемлю честь покорнейше просить Ваше Сиятельство почтить меня предписанием, следует ли продолжать делать дальнейшее распоряжение по возведению укрепления на р. Темир; заготовлением же потребных материалов я не останавливаюсь.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 8. Л 30-38.

№ 21

Командир Оренб. Корп. Военному Министру; 4 февраля 1847 г. № 188.

Оренбург⁴⁶

Вашему Сиятельству имею честь почтительнейше донести, что из полученных сведений с Начальников укреплений Оренбургского от 1-го января, а Уральского и Ново-Петровского от 15 того месяца, явствует, что во всех

⁴⁶ Пометка: « 14 февраля 1847 г. ».

укреплениях состоит благополучно; киргизы близ оных кочуют смирно и никаких происшествий не было.

В укреплениях:

Состоит больных к 1-му января. Умерших в первых двух с 15, а в последнем с 15 апреля 1846 г. по 1-е января 1847 г.

Оренбургском _____ 3 _____ 9

Уральском _____ 11 _____ 2

Ново-Петровском _____ 8 _____ 2

Вообще заметно, что воздух в Ново-Петровском укреплении благоприятен, ибо из 800 человек, составляющих гарнизон, в предложение 8 1/2 месяцев умерло 2 человека, из коих один офицер скоропостижно; равномерно и в остальных двух укреплениях смертность весьма незначительна при гарнизоне из 400 человек в каждом.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

Резолюция: «Его Величество изволил читать с удовольствием. 14 февраля 1847 г. Князь А. Чернышев».

Примечание. Содержание этой резолюции сообщено командиру отдельного Оренбургского корпуса от 14 февраля № 1665. Ред.

ЦГА РУз. Фонд 715. ОП 1. Д 8. Л 40-42.

№ 22

Командир Оренб.корп. Военному Министру; 22 февраля 1847 г. № 30. Оренбург. (Секретно).⁴⁷

Предписание Вашего Сиятельства от 12 февраля за № 144, с изложением

⁴⁷ Пометка: «3 марта 1847 г.».

Высочайших разрешений по предмету возведения укрепления и устройства русского поселения при впадении р. Сыр-Дарьи в Аральское море, на полуострове Раим, я имел честь получить с нарочным фельдъегерем 20 числа сего месяца.

Приступив теперь же к исполнению Высочайшей воли по этому делу, я спешу почтительнейше донести Вашему Сиятельству по тем предметам, по которым Его Императорскому Величеству благоугодно иметь от меня ныне же дополнительные сведения.

Во первых, где именно назначается место для водворения русского поселения: в объеме ли укрепления, или вне оногo?

Первоначальное поселение из 50 семейств предполагается устроить в объеме укрепления и на сей более конец считал я полезным укрепить эту местность ретраншементом, примкнутым флангами к берегам заливов Раима и Джалангача, имея на мысе полуострова полукруглую батарею. Это укрепленное пространство будет заключать длину 2 1/2, а средняя широта сего 1 1/2 версты. Впоследствии же, при дальнейшем развитии поселения, оно может быть распространяемо и вне объема укрепления далее от полуострова, по берегам обоих заливов, так как всю местность урочища Раим с окружающими его озерами предполагается укрепить тремя оборонительными башнями, как означено на генеральном плане, представленном Вашему Сиятельству при рапорте моем от 31 января за № 6, и таким образом поселение поставлено будет вне опасности от означенного нападения. Но приступить к поселению я считаю возможным не прежде, как в будущем году, по возведении уже укрепления и устройстве помещений для гарнизона, дабы с одной стороны назначенные для сего семейства имели время собраться к предстоящему им переселению, а с другой, чтобы по прибытии на место могли найти необходимый в начале приют в такой отдаленной части степи.

Во вторых, нужен ли промежуточный пост из 30 казаков на р. Иргиз между Уральским укреплением и кр. Орскою?

В настоящем положении ордынцев Оренбургского ведомства и по безостановочному сообщению по средством киргизов между Орской крепостью с возведенными в степи укреплениями на р. Иргиз и Тургай, необходимости нет в учреждении промежуточного поста между той крепостью и Уральским укреплением; а если бы впоследствии встретилась надобность в этом для ускорения сообщений, то без всякого затруднения, без излишних расходов и в самое короткое время можно будет устроить назначенный пост с принятием издержек на сумму, ежегодно определенную на Оренбургское и Уральское укрепления.

В третьих, какой батальон и с какого времени может быть устроен в составе 4 рот, из коих две назначаются для гарнизона укрепления на полуострове Раим, а другие две для укреплений Уральского и Оренбургского.

В составе гарнизона вновь назначаемого к возведению укрепления на р. Сыр-Дарья, равномерно в Оренбургское и Уральское укрепления, я предназначаю 4 линейный батальон, расположенный в кр. Орской, которая вместо того займется двумя комплектными ротами: одною от 4, а другою от 6 линейных батальонов, имея и батальонный штаб первого из сих батальонов в той же крепости; остальные роты 5 батальона будут находиться: две в Оренбурге и одна комплектная в Илецкой Защите; три же роты 6 батальона по прежнему останутся в г. Троицке.

В четвертых, кто будет назначен воинским начальником в укрепление на полуострове Раим.

Начальником укрепления на р. Сыр-Дарья я избираю подполковника Ерофеева, который ныне заведывает Оренбургским укреплением и которого по доказанной распорядительности в устройстве этого укрепления, опытности в степных походах, а также по благоразумному и ласковому обхождению с ордынцами, кочующими на р. Тургае, коих умел расположить к себе, заслуживает полного доверия и, надеюсь, оправдает свое назначение. Для командования же 4 батальоном назначаю командующего ныне 6 батальоном майора Базыкина, как

расторопного и надежного штаб-офицера, который притом знает и строительную часть, по служению в нижних чинах лейб-гвардии в саперном батальоне; а на его место в 6 батальон предписал я назначить командира 4 батальона подполковника Иванова, который по старости лета для степных походов не надежен.

В пятых, не признается ли необходимым, в случае устройства укрепления на полуострове Раим, возвести такое же на р. Темир, и в каковом разе, когда именно можно и нужно будет к сему приступить?

Возведение укрепления на р. Темир, я полагал бы за этим до времени отложить и предмет этот положительно может быть решен только впоследствии, смотря по тому, какое произведет влияние на западную часть Орды устройство укрепления на р. Сыр-Дарье и не прекратят ли через это хивинцы свои поиски для сбора зякета с подвластных нам киргизов, кочующих в этой части Орды, в особенности на верховьях Эмбы, Темира, Сагиза и Илека; а также в какой степени покорности к нашему правительству будет находиться значительный Адаевский род.

Усматривая из предписания Вашего Сиятельства, что артиллерийским департаментом делается распоряжение о высылке в крепость Орскую 14 орудий с лафетами и снарядами ящиками и имея в виду, что при Оренбургском арсенале находится 54 зарядных ящиков, я полагал бы в избежание денежных расходов взять из числа этих ящиков, в особенности от чугунных орудий, остающихся без всякого употребления, а в кр. Орскую доставить из других арсеналов, по усмотрению артиллерийского департамента, орудия с одними лафетами и принадлежностями. К какой же именно артиллерии принадлежат означенные 54 ящика, представляется при сем ведомость.

При этом имею честь повторить сказанное мною в рапорте от 31 января за № 6, о пользе высылки из С.-Петербурга мастеровых для постройки лодок, удобных к плавания по большим рекам и по морю; осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Сиятельство приказать, если можно, выслать на почтовых двух таковых мастеровых с Орды, которые могли бы также построить небольшие

лодки с палубой.

В заключение не излишним считаю присовокупить, что следующие в степь войска я полагаю двинуть по назначению из Орской крепости в исходе второй половины мая, если к тому времени прибудет артиллерия и успеют из глубины степи прикочевать к линии киргизы, отдающие в наем верблюдов; в то же время и я сам отправлюсь с небольшим отрядом прежде в Оренбургское укрепление, а оттуда в Уральское, где, сождав войска, назначенные на Сыр-Дарью, буду уже следовать к полуострову Раиму, выслав вперед из этого укрепления легкий отряд из 200 Уральских казаков, в оном находящихся, при двух орудиях, для предварительного занятия означенного пункта.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

Резолюция: « Собственноручная Его Величества резолюция каранбашом: «все дельно». 2 марта 1847 г. Князь А. Чернышев.».

ЦГА РУз. Фонд № 715. ОП№ 1. Д№ 8. Л№ 59-62.

Приложение. Ведомость о числе состоящих в Оренбургском арсенале орудий и при них зарядных ящиков.

22 февраля 1847 года.

	Число орудий.	При них зарядных ящиков.
Медных:		
Единорогов 1/2 пудовых	11	13
Единорогов 3 фунтовых	4	8
Пушек 12 фунтовых	10	11
Кегорновых мортир 6 фунтовых.	3	1
Чугунных:		

Пушек 6 фунтовых	13	13
Пушек 3 фунтовых	8	8
Итого	49	54

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГА РУз. Фонд И- 715. ОП 1. Д 8. Л63.

№ 23

Оренбургский воен. Губернатор Военному Министру; 24 января 1848 г. № 9.
Петербург.

Поспешаю почтительнейше представить Вашему Сиятельству полученную мною сего числа от командующего в отсутствие мое Корпусному генерал-лейтенанта Толмачева подлинную копию с донесения Начальника возведенного на р. Сыр-Дарье укрепления, подполковника Ерофеева за № 400, вместе со следующими к оному приложениями. Из рапорта этого Ваше Сиятельство, между прочим, изволите усмотреть, что скопище хивинцев и других азиатских народов, подвластных хивинскому хану, прибыв на р. Сыр-Дарью в числе более 7 тыс. человек и разделившись на несколько партий, переправились 20, 21 и 22 числа прошлого ноября в разных местах по льду означенной реки ниже и выше укрепления и потом, быстро проникнув в пески Кара-Кум, разорили там всех до основания кочующих киргизов, из которых одних убили, а других взяли в плен. Подполковник Ерофеев, получив об этом сведение, 22 того же ноября выслал в окрестные места Раима, под начальством войскового старшины Михайлова, отряд из 106-ти уральских казаков с должным числом обер-офицеров и урядников и одним горным единорогом, прикрытым 21-м человеком пехоты и, независимо сего, откомандировал к устью р. Сыр-Дарьи 40 человек пехоты, для усиления там команды, охраняющей наших рыбопромышленников. После сего, получая непрерывные одно за другим сведения о распространении грабежей и убийств в

песках Кара-Кум, подполковник Ерофеев вынужден был сформировать новый отряд из 100 человек воинских чинов с одной 6-ти фунтовой пушкой, отправился сам в Кара-Кумы по направлению к колодцам Сары-Булак и 26-го числа того же ноября, соединившись с отрядом войскового старшины Михайлова, примерно в 110 верстах от укрепления встретил около колодцев Истяк-Сапак и Бульпач до 1500 человек хивинцев и киргизов, которые хотя и бросились всей массой вперед на наш отряд, но произведенными на них выстрелами из 6-ти фунтовой пушки и горного единорогов были оставлены и приведены в совершенное замешательство, спасаясь потом бегством. При этом деле убито с их стороны более 70 человек, а с нашей ранено 2 уральских казака. 27 числа того же ноября отряд под начальством Ерофеева встретил другое скопище хивинцев и киргизов, заключающееся до 4 тыс. человек, но последние, как и первые, не смотря на превосходное число их, не могли, однако ж, нанести никакого вреда нашему отряду, а, напротив, при сделанном ими нападении обратились сами в бегство, быв преследуемы казаками далее 4-х верст. При этом последнем действии убито из них более 175 человек и захвачены два киргиза и множество убито и ранено лошадей, а с нашей стороны убит уральский казак и ранено 4 казака и 1 рядовой, из которых на другой день один умер. При самом же деле отбито нашим отрядом до 2 тыс. Баранов, несколько штук рогатого скота, лошадей и часть из товаров, ограбленных у оренбургского купца Деева.

Следствием действий наших отрядов было бы то, что скопище хивинцев и киргизов успело проникнуть в район укреплений Уральского и Оренбургского, куда оно имело намерение отправиться для произведения подобных же грабительств между кочующими там киргизами, но, не достигнув своей щели, принуждено было возвратиться на левый берег р. Сыр-Дарьи.

В заключение сего, представляя на благоусмотрение Вашего Сиятельства копию перевода письма, полученного на имя русского губернатора от предводительствующего шайкой хивинцев бия Рахмана, сына бывшего хивинского хана, в котором он объясняет причины похода своего в Кара-Кум,

честь имею доложить, что подлинное письмо препровождено вместе с сим от меня к г. Государственному Канцлеру Иностранных Дел графу Нессельроде. При сем также поставляю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства, что из последне-полученных из степных укреплений донесений видно, что в оных состоит все благополучно; больных и слабых находилось:

	В лазаретах	В околотке
В укреплении, возведенном при р. Сырдарье	27	20
В Уральском	11	1
В Оренбургском	9	5
В Ново-Петровском	7	13

Сведение об этом извлечено из донесений Начальников укреплений: первого - от 29 декабря, второго - от 31 декабря, третьего - от 20 декабря и четвертого - от 5 декабря 1847 года. Подпись: Ген-от-инф. Обручев.

Резолюция: «Государь Император изволил читать. 26 января.»

Приложение: Копия с рапорта начальника Раимского укрепления подполковника Ерофеева Командиру отдельного Оренбургского корпуса Генералу-от-инфантерии Обручеву, от 17 декабря 1847 г. за № 400. Укрепление Раимское на р. Сыр-Дарье.

После прекращения произведенных в августе месяце сего года грабежей и убийств хивинцами и враждебными киргизами, по правой стороне с. Сыр-Дарьи, в оде бия и батыра Джангажи Нурмухаммедова и взятия, при содействии на правой стороне Сыра, хивинского укрепления Джан-Кала, водворившееся здесь спокойствие снова нарушено было хивинцами и соединившимися с ними: каракалпаками, трухменцами, ордою хана Джангазы, изменившего Российскому Правительству султана Илекея и прочими, которые под предводительством хивинцев: Раимберды (сына бывшего хана Ильтезара), Ходжинияза (бывшего начальником хищников под Джан-Калою), самого Илекея и сына Джангазы

Алланазара, в числе более семи тысяч человек, прибыв на р. Сыр-Дарью и разделившись на несколько партий, переправились по льду в девяти местах 20, 21 и 22 числа истекшего ноября, быстро проникнули в район укреплений Раимского и Уральского, разорив до основания всех кочующих в песках Кара-Кума киргизов; множество из них погибли и взяли в плен, все вещественное, чего не могли увезти, предавали огню, а скот, который по каким либо причинам не в состоянии были угнать, убивали. Возвращавшийся от батыра Джангажи в Раимское укрепление султан Алтын Нурумов был схвачен на дороге и когда хивинцы, раздев его, производили дележ платья, то Нурумов, воспользовавшись оплошностью их и произошедшем между ними разговором, на их же аргамаке успел ускакать в одной рубахе и босой к батыру Джангаже, отморозив себе ноги, который, известясь об угрожающей опасности, откочевал с несколькими аулами от окрестностей залива Сары-Чеганак в пески Малые Барсуки, на урочище Зитикуль. В то же время я получил от бежавших разоренных киргизов сведение, что хивинцы намерены достигнуть Уральского и Оренбургского укреплений и произвести подобные же грабежи между кочующими там ордами, или, преклонив их на свою сторону, нанести вред всем возведенным в степи укреплениям.

Дабы предупредить изъясненное выше дерзкое намерение хивинцев и по возможности рассеять, разбить, или оттеснить скопища мятежников, я 22 ноября снарядил отряд из 106 уральских казаков, с должным числом обер-офицеров и урядников, придав к нему горный, с надлежащею прислугою при подпоручике Ремишевском, единорог, прикрытый 21-м человеком пехоты, под ведением подпоручика Топчевского. Весь означенный отряд поручил войсковому старшине войска Уральского Михайлову, предписав ему отправиться в окрестные Раиму места для отражения неприятеля. Того же, 22 ноября, откомандировал подпоручика Назарова с 40 человеками пехоты на аральскую пристань для усиления команды, охраняющей рыбопромышленность компании оренбургских купцов Деева и Путолова, приказав ему состоять в ведении есаула Попова и снабдил сего последнего подробной инструкцией о сохранении всякой воинской

предосторожности, равно и о действиях, в случае нападения на вверенный ему отряд; для обезопасения же находившийся на Сырдарьинской пристани флотилии и хивинских лодок, перевел оные к пристани Раимской, устроенной при самой подошве возвышения Раима. Затем, получая непрерывные сведения о распространении грабежей и убийств в Кара-Кумах, отколь потерпевшие бедствие киргизы огромными толпами в самом жесточайшем положении (полунагие и босые) прибывали к Раиму пешими, я счел необходимым сформировать новый отряд из 60 казаков Уральского, 17 Оренбургского (прибывших 18 ноября из Уральского укрепления с почтой при сотнике Калачеве) и с 6-ти фунтовой пушкой, прикрытую 20-ю человеками пехоты, 24 ноября выступил в Кара-Кумы, по направлению к колодцам Сары-Булак, где предполагалось у хищников сборное место, имея в виду обойти их и ударить с противоположной отряду войскового старшины Михайлова стороны, известив о сем и его, г. Михайлова; управление же крепостью и гарнизоном поручил Командиру линейного Оренбургского батальона № 4-й майору Базыкину. Оренбургских казаков с сотником Калачевым я решился употребить в эту командировку потому, что из них означенные 17 человек были все доброконные; во вверенном же мне Раимском укреплении, за командировкою отряда с войсковым старшиной Михайловым, оставались казаки с весьма худыми лошадьми, которые пришли в такое положение, как и прежде донесено мною было, от неимения хорошего корма (потому что здесь вместо сенокоса производится камышекос, от которого в настоящее время осталась одна дудка). Под своз же орудий назначены были часть оставшихся добропорядочных фурштатских и казенных лошадей, а для поднятия провианта и прочего, по добровольному согласию прикочевавших под защиту укрепления киргизов, взяты у них верблюды.

25-го ноября, в ночи, получив сведение, что бывшая некоторая часть хищников при Сары-Булаке, перешла к колодцам Бульпач, я туда же направил свой отряд и в эту же ночь соединился с отрядом войскового старшины

Михайлова при колодцах Истяк-Сапак, примерно от укрепления в 110 верст. 26-го ноября, во весь день, отряд наш на походе к вышеозначенным колодцам Бульпач был стережен неприятелем, который партиями от 5 до 15 человек в разных по возвышениям Кара-Кума местах наблюдал движение наше, а в 5 часов пополудни, вблизи от объясненных колодцев, встретил скопище до тысячи пятисот человек. Чтобы завязать дело и дать случай отряду своему, шедшему по бугристым пескам довольно медленно, приблизиться к толпе, для действия с большей пользой артиллерии, я снарядил на встречу неприятелю штабс-капитана Ерофеева с несколькими человеками охотниками из Уральских и Оренбургских казаков, к коим присоединились сотник Калачев, хорунжий Ротнов и прапорщик Богданович. Пока происходила между охотниками и неприятелем ружейная перестрелка, в то время отряд, под моим командованием, вполне достиг своей цели, а когда штабс-капитан Ерофеев быстро отступил назад, то хивинцы и киргизы бросившиеся всей массой вперед, на верном выстреле были встречены картечью из 6-ти фунтовой пушки и горного единорога, что привело их в совершенное замешательство и обратило в бегство, поражаемых в тыле сначала гранатами, а потом преследуемых казаками, которые кололи их пиками и рубили шашками на расстоянии более 3 верст. Дальнейшее преследование, по усталости лошадей и наступившей ночи, было приостановлено. При этом деле с неприятельской стороны убито более 70 человек, а с нашей ранены уральские казаки Нигмай Жумагильдин и Яков Коловертков, первый пиками и шашкой, а последний одной только пикой и у одного оренбургского казака пулей убита лошадь.

На 27-е число отряд имел ночлег при колодцах Бульпач, а скопище неприятелей вблизи оных. Причем со стороны хивинцев, во время ночи, были слышны довольно частые выстрелы; по утру же 27-го числа лазутчики донесли, что вся партия хищников отправилась на сторону на соединение с прочими шайками, для поражения русского отряда общими выстрелами и что выстрелы, производимые ими во время ночи, были условным знаком к сбору в одно место.

Вследствие такого известия, из находившихся при отряде моем киргизов часть было послана для открытия неприятеля, а сам отряд принял направление по вновь найденному вблизи следу хищников. В 11 часов того 27 ноября посланные шпионы донесли, что огромные силы неприятеля следуют за нашим отрядом. Вернув немедленно войска, я не далее как за 11/2 версты встретил скопище хивинцев и киргизов более четырех тысяч человек. Они, надеясь на превосходство сил, двигались на встречу русскому отряду, хотя неправильными, но довольно стройными тремя колоннами (полукружием), имея в средней (и вероятно в самой сильной) пять распущенных знамен. Подобно предшествовавшему дню, хотя это превосходнейшее в числе скопище и допущено было на довольно близкое к отряду нашему расстояние, однако же первоначальные выстрелы наши из орудий, сделавшие значительное в толпе смятение, не рассеяли неприятеля, который продолжал дальнейшее наступление и только усиленное действие артиллерии ядрами, картечью, гранатами, открытый пехотою батальный ружейный огонь и, наконец, пущенные в скопище конгревовые ракеты, видимо, поколебали неприятеля. Пользуясь сим случаем, бросившиеся, по приказанию моему, с криком « ура!», во фланги неприятеля, казаки и действие артиллерии в центр его, совершенно рассеяли хищников, которые, разделившись на многие партии, спасались бегством и были преследуемы казаками далее 4 верст. Причем отбито у хивинцев до двух тысяч баранов, несколько штук рогатого скота и часть лошадей; ими же брошено на месте до 400 котлов, несколько разбитых с постным маслом бочонков, два со спиртом, некоторая часть разбитых тюков, по остаткам в коих разных лоскутьев заметно было, что в них находились русские товары. В деле этом с неприятельской стороны убито более 175 человек, два киргиза захвачены пленными и множество побито и ранено лошадей, брошенных ими на месте; в войсках же, находившихся под моим начальством, из казаков Уральского войска: Иван Сиднев убит, пронзенный несколькими пулями и израненный пиками и шашками, Лукьян Ергучев по доставлении в отряд через час умер, Филипп Орлов

и Араслан Хайбуллин ранены; Оренбургского казачьего войска казак Таврило Шеметов тяжело ранен в голову шашками и в разные места пиками; сверх сего, во время натиска неприятеля, пикой же в грудь ранен рядовой линейного Оренбургского № 4-й батальона Петр Селиверстов. Наконец, с нашей же стороны убито 14 казачьих лошадей и 6 казенных. Все раненные нижние чины находятся для излечения в Раимском лазарете.

По расстоянию и удалении уstraшенного неприятеля, который принял направление к реке Сыр-Дарье, вверенный мне отряд по притуплении лошадей от совершенных значительных по без кормным и безводным пескам Кара-Кума переходов, от двухдневного отряду преследования без воды, не был уже в состоянии догонять хивинцев, тем более, что все без исключения хивинцы были на отличнейших аргамаках, а киргизы, большей частью, о дву-кон, имея, сверх того, запасные табуны награбленных лошадей, поддерживаемых также награбленным у киргизов просом и ячменем.

Означенными трудными переходами лошади в отряде до того изнурены были, что я вынужденным нашелся послать майору Базыкину предписание, дабы выслал на встречу овса для поддержания лошадей, по распоряжению коего посланный с надлежащим прикрытием, при прапорщике Халецком, транспорт с фуражом встретил меня 28-го числа.

В вышеизложенных делах 26 и 27 чисел ноября выпущено: пушечных и единорожных с картечью, ядрами и гранатами 52 заряда; крепостных патронов 77, ракет сигнальных 7. конгревовых 3; пехотных боевых патронов 725, а казачьих ружейных 1736 и пистолетных 108; сверх того, в действиях отряда войскового старшины Михайлова, о коих представляется при сем рапорте его в подлиннике, от 1-го декабря за № 447-м, употреблено зарядов ружейных 769 и пистолетных 55.

28 и 29-го чисел ноября командуемый мной отряд следовал обратно в Раимское укрепление, куда и прибыл к вечеру 30-го числа.

2-го текущего декабря мною получены от есаула Попова и подпоручика Назарова

донесения о том, что отряд охраняемый рыбопромышленность, находится в благополучном состоянии и что 40 человек пехоты, посланные на усиление оно, достигли к месту благополучно.

В ночи на 6-е число сего же декабря, преданные нам киргизы донесли мне, что хивинцы и действовавшие с ними заодно киргизы, как те, кои имели дело со вверенными мне войсками, так и оставшиеся еще в Кара-Кумах и получившие сведение о рассеянии не малых своих скопищ, возвратились за реку Сыр-Дарью, располагаясь со всем награбленным имуществом и скотом, для отдыха, при хивинской крепости Джан-Кала. Почему я наскоро сформировал отряд из 60-ти, по возможности доброконных казаков, 100 человек пехоты, при 1/4-пудовом одном горном единороге и 6-ти фунтовой пушке, в 2 часа пополудни означенного 6-го декабря выступил в поход вверх по р. Сыр-Дарье. Сверх сего, к отряду этому присоединено было до 200 человек-киргизов, которые в начале еще вторжения хивинцев на правую сторону Сыра успели перевести семейства свои и стада к самому Раимскому укреплению и тем, в числе оно 600 кибиток, избавились от бедственного разорения.

Избранным кратчайшим путем по камышам, которые высотой простирались до 3-х печатных сажень и по тропе не более как в одну лошадь, отряд достиг укрепления Джан-Кала 7-го числа в полночь. По прибытии на место, против укрепления Джан-Кала, командуемый мною отряд застал только задние пикеты хивинцев; главные же силы их, часть коих на рассвете была даже в виду наших войск, не далее как за 5 часов, отошли за р. Сыр-Дарью.

Не имея разрешения преследовать хищников за р. Сыр-Дарьей, я не мог предпринять никаких мер к возвращению награбленного ими имущества; бывшие же при мне киргизы преследовать неприятеля, по огромности силе его, не осмелились; тем более, что как по словам многих разоренных киргизов, так и по показаниям пленных хивинцев, у хищников были две пушки.

Причиной быстрого отступления грабителей от р. Сыр-Дарьи было получено от передавшегося к нам киргиза Чиклинского рода Джакеева отделения,

Чилимбая Тяджина, сведение о движении наших войск к Джан-Кала, как утверждают о том и схваченные по утру, оставшиеся в задних бикетах хивинского войск, два киргиза, которые также из числа шпионов, бывших неоднократно во временном мне Раимском укреплении, где и теперь содержатся вместе с прочими арестантами хивинцами и киргизами, под строжайшим караулом. Хивинцы и мятежные орды, по словам разоренных ими киргизов, спасавшихся около Джан-Кала в кустарниках и камышах, услышав о движении к оной русских и отступая с быстротою от р. Сыра, не успели увести с собою награбленного ячменя и проса более трех тысяч пудов. Хотя игенчи и вызвались доставить в наш отряд часть этого хлеба, но как не было средств к поднятию и доставлению его в укрепление, то но и был предоставлен мною в пользу тех игенчей. За сим, не имея в виду более никаких действий, потому что по полученным сведениям все хивинские войска, уstraшенные выступившими для преследования их русскими отрядами, после рассеяния их оными, не успев проникнуть к Иргизу и Тургаю, отправились за р. Сыр-Дарью, я возвратил отряд свой к Раимскому укреплению, в которое и прибыл 10-го сего декабря месяца. На возвратном пути один рядовой батальона № 4 от полученной простуды помер.

Донося о всем этом Вашему Высокопр-ству, я имею честь почтительнейше доложить, что предупредить вторжения хивинцев на правую сторону реки Сыр-Дарьи действием вверенных мне войск не было никакой возможности, потому что оно сделано совершенно внезапно и сведение об этом получено в укреплении именно в то время, когда они совершали переправу во многих местах по льду, выше и ниже Раимского укрепления, в значительных от оногo расстояниях; и, сверх сего, для удержания этих переправ хищников, по ограниченному числу в гарнизоне кавалерии, небезопасно было посылать отдельные партии в несколько мест, тем более, что слухи о намерении врагов были различны, ибо многие из киргизов и, наконец, впоследствии самые пленные хивинцы, объяснили, что хан их, снаряжая войско, приказал, сверх наказания мирных киргизов за преданность русским, непременно разбить и Раимское, даже если бы представилась

возможность и другие, возведенные в степи укрепления. Что же касается до невозвращения ныне от хищников ограбленным киргизам всего достояния сих последних через действие вверенных мне войск силою оружия, то к исполнению сего предстояли следующие важнейшие последствия:

1) Худое состояние лошадей у казаков вверенного мне Раимского гарнизона, на которых, как и выше объяснено, преследование доброконного неприятеля было совершенно невозможно по волнистой, песчаной местности Кара-Кум.

2) В нынешнее вторжение хивинцев бий и батыр Джангажа Нурмухаммедов, как изволите Ваше Высокопр-ство усмотреть из представляемого при сем письма его, не мог сказать мне ничем ни малейшего содействия, потому что по получении сведения об угрожающей опасности и по отправлении некоторых аулов своих в пески Малые Барсуки, он хотя и собрал до 500 человек киргизов, следуя с ними на соединение с русскими отрядами, но, услышав, сто мятежный бий Исет Кутебаров, действуя в тылу его, разоряет подведомственные ему аулы, обратился туда для отражения означенных скопищ Кутебарова, найдя уже разоренными более 20 аулов. Затем, батыр Джангажа не был уже в состоянии соединиться с нашими отрядами, потому что все Кара-Кумы наводнены были хивинцами, и

3) Хотя подобно тому, как в августе месяце при крепости Джан-Кала и предстояла ныне возможность возратить некоторую часть ограбленного у киргизов имущества, посредством действия артиллерии через реку Сыр-Дарью, на самом берегу коей располагались хищники и через преданных нам киргизов, следовавших с последне-оформированным к Джан-Кала отрядом, прибывшим туда внезапно; но возможность эта отнята изменою вышеупомянутого киргиза Чилимбая Тяджина и такового Чиклинского рода Куттукова отделения, Истеляу Байджанова и Гумер Идилова, передавших хищникам сведение о выступлении отряда к укреплению Джан-Кала. По обсуждении поступков выше поясненных двух изменников полевым судом, я полагаю, в страхе прочих, наказать их при

укреплении примерным образом.

В заключение имею честь представить при всем на благоусмотрение Вашего Высокопр-ства именные списки; первый, одному штаб-офицеру, 14 обер-офицерам; второй, 76-ти нижних чинам, почтительнейше донося, что все они заслуживают испрашиваемых наград сколько за отличие и храбрости, оказанных в делах против неприятеля, столько же и за неутомимые труды, понесенные при совершении трех поисков в песках Кара-Кума и к крепости Джан-Кала, при 15-ти и 20-ти градусах мороза, без юламсек и других необходимых, даже во время командировок, удобств, потому что все отряды выкомандировываемые были на легкой, чтобы не обременить и без того изнуренных лошадей никакими тяжестями и не соделать через то их негодными к преследованию неприятеля, а также и к возможно быстрым переходам по бугристым, без кормным и безводным пескам Кара-Кума; и в третьих, 18-ти киргизам, оказавшим услуги при поисках неприятеля; в особенности же заслуживают достойных наград султан Галий Тунгачин и лазутчик Сатыбай Кабанбаев, которые, кроме сопутствования в экспедициях, ласковым обращениям успели склонить многих киргизов к доставлению от себя верблюдов для поднятия в поход провианта и в последнюю командировку к крепости Джан-Кала содействовали принятию киргизам приглашение отправиться вместе с отрядом, для преследования неприятеля, что совершенно было необходимо в видах действий через них против хищников на левой стороне Сыра.

Подпись: Подполковник Ерофеев.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 9. Л 9-22.

№ 24

Приложение 2. Перевод с татарского (приложена именная печать бия Рахмана, сына умершего хана).

Русскому губернатору.

После усердных поклонов, да будет известно, что когда великий хан

Джагажа донес, что киргизы Алим (означает Чиклинцев и Дюрткаринцев), кочующие по ту и другую стороны Сыр-Дарьи, уклонились от повиновения пребывающего в милости Божьей своего магометанского хаварезмского хана, то для разузнания об этом был послан бий Ходжа Нияз, который подтвердил справедливость донесение упомянутого хана. После сего повелено послать войска для наказания достойно Алимов, желающих зла нашему могуществу и осмотрению места, удобного для пребывания магометанских войск; потом получено сведение, что часть русского отряда прибыла на Сыр-Дарью, построила укрепление. Повеление было такого рода, что если сами не нападут на наш отряд, то не беспокоить их, потому что между русским Царем и нашим Ханом дружба связана крепко; доказательством сего может служить то, что наши караваны находятся в руках ваших, а ваши у нас.

Упомянутых зло намерениях Алимова, которые наши подданные, наказать достойны и осмотреть места, мы нашли удобным для пребывания наших войск урочища Кара-Кум, оттуда возвратились назад. Вы на отделенные два наших отряда сделали нападение. Хотя это неприличный поступок произошел от Вас, но мы, по приказанию нашего хана, не сделали Вам никакого вреда. Через 9 дней получили известия от туркменцев, что двое из ваших купцов попали вместе с киргизами в наш отряд, товары коих утратились. Надеюсь на Бога, если между нами по прежнему будут сохранены условия дружбы, то подобные поступки можно счесть ничтожными, по той причине, что между двумя государями мир и согласие; однако ж сделанные Вами поступки умным людям очень не приличествуют. 22-го числа месяца Мхерам, в понедельник 1264 года по магометанскому летоисчислению (28 октября 1847 года).

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 9. Л 22-23.

№ 25

Приложение 3. Перевод с татарского. Достопочтенному полковнику Ерофееву.

После низжайших поклонов уведомляю Вас, что когда я имел кочевку со своими аулами на урочище Сары-Чеганак, получа сведение о прибытии 20 тыс. человек хивинцев, переправившихся в Сыр-Дарью в 9-ти местах направил свою кочевку к р. Иргизу и собрав около 500 человек подведомственных мне киргизов, вышел им на встречу, чтобы соединиться с Вами и прибыл на урочище Джувань-Тюбя, а султана Алтына отправил к Вам с известиями; но в тоже время получил сведение, что с противной стороны напала на моих киргизов шайка Исета Кутебарова, около 500 человек; поэтому я счел необходимым возвратиться в свои аулы; по прибытии же в свой аул увидел около 20-ти аулов совершенно разоренных исетцами; на другой день прибыл ко мне султан Алтын, говоря, что его на урочище Сары-Уй схватили 9 человек хивинцев, и что во время раздела его платья, он, севши на их лошадь, спасся бегством.

После того происшествия, я, будучи окружен врагами, не мог Вас известить. Кровожадные хивинцы разграбили киргизов, кочующих на пространстве от Сыр-Дарьи до Малых Барсуков в Кара-Куме между урочищем Калмос, Терек Уч-Узек-Муень, именно Дюрткаринцев и Чиклинцев; взяли в плен жен и детей, резали стариков, невинных детей оставляли в степи без матерей и одежды, многим из них резали головы и увозили; умершие дети от холода встречаются во множестве; касается до угнанного скота, то число оно не возможно определить; одним словом опустошили всю степь. Господин подполковник! Слух о выступлении Вашим с отрядом с трех сторон против хивинцев и разбитии их при урочищах Булпаче и Кичкина-Кара-Тюбе, весьма обрадовал меня и бедных моих киргизов более потому, что хивинцы, следовавшие схватить меня, услышав о движении русских войск, отступили назад и я спасся с несколькими своими аулами; все мы покорнейше просим Вас донести до сведения высшего начальства о таковых жестоких поступках хивинцев. Когда Вы с 200 человек русских мог ли прогнать 20 тыс. хивинцев, то могли с этим же отрядом взять и Хиву; поэтому вторично просим мы взять Хиву, потому что если она не будет взята, то они не дадут моим бедным киргизам уже давно кочующим

под покровительством русских, отказавшимся от хивинцев. В удостоверение чего султан Алтын Нурумов руку приложил и батыр Джангажа Нурмухаммедов и Саты Сактыбаев Тайкасин тамги приложили. Перевел Старший Переводчик Кострометинов.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 9. Л 23-24.

№ 26

Приказ по Оренб. Корп.; 9 января 1849 г. № 2. Оренбург.

Зная постоянную готовность Вашу содействовать правительству в делах Киргизской степи касающиеся и видя неоднократные усердия Вашего Степенства к службе и деятельности, коими всегда сопровождается исполнение возлагаемых на Вас немаловажных поручений, я остаюсь уверенным, что и в настоящем деле Вы окажете тоже самое усердие, а потому обращаясь к Вам с просьбой употребить все зависящие от Вас меры и влияние на киргизов неотлагательному найму со средней части орды вышепоказанного количества верблюдов, наемка коих должна произведена на следующих основаниях:

1) Верблюды должны быть наняты по выгоднейшей для казны цене со всей нужной для вьючки и прочими к ней принадлежностями, как-то седлами, арканами и проч. и с условием, чтобы на случай перемены могущих пасть, или заболеть в пути верблюдов, хозяева их имели необходимое число таковых запасных, отнюдь не менее, как на 20 верблюдов одного, без особой, впрочем, за сим последних плат; и так как число запасных верблюдов не ограничивается и за их особой платы не полагается, то иметь их более означенного количества совершенно зависит от Вашего усмотрения, что конечно, было бы весьма полезно, но уменьшить то число ни в коем случае не должно.

- 2) Арканы для лучшего обовьючивания должны быть волосяные, или из верблюжьей шерсти, каковых при каждом верблюде нужно иметь по два, а именно один длиною в 5 и другой в 8 сажень.
- 3) Сборным пунктом для верблюдов назначается кр. Илецкая Защита, куда они должны прибыть не позже 5 мая будущего 1850 года, откуда они уже и выступят по назначению.
- 4) В верблюжий транспорт сей назначить, по усмотрению Вашему, караванного начальника из благонадежнейших султанов, или других почтенных ордынцев, в ведение и начальство которого должны поступить и 250 верблюдов, нанимаемых из западной части орды; сверх того из благонадежных же ордынцев начальников отделений того каравана по одному на каждых 125 верблюдов и каждых 6 верблюдов должно иметь из киргизов по одному верблюдовожатому.
- 5) Продовольствие все вышеозначенные ордынцы должны иметь свое собственное, но им предоставляется, буде пожелают, получить муку и крупу из Илецкого продовольственного магазина по казенной цене.
- 6) Денежное же жалование имеет производиться только караванным начальникам и начальникам отделений верблюжьего каравана, первым по 25, а последним по 18 рублей серебром в месяц каждому, со дня выступления транспортов из Илецкой Защиты, по день прибытия в укрепление на Раим; откуда уже по складке тяжестей все ордынцы с верблюдами будут отпущены в свои аулы.
- 7) Независимо от сего должно быть наряжено из средней части орды на случай посылки с бумагами из транспортов на линию, или другие места, 2 человека посыльных о-двукон, а для указания пути при следовании транспортов по степи один вожак с наблюдением, чтобы сей последний, а равно и последние, знали совершенно все пути по степи между Илецкой Защитой и Раимом. Этим людям будет производиться каждому в месяц жалования по 5 руб. серебром и в каждые сутки по одному фунту мяса и два фунта круп. Сверх того за каждую исправную доставку бумаг по назначению имеет быть выдаваемо награждение по 5 руб.

каждому, вожаки, по благополучном прибытии транспортов к месту назначения, получают по 10 рублей серебром каждый.

8) Об успехе по сему важному делу я прошу Ваше Сиятельство уведомить меня, если нельзя ранее, то отнюдь не далее первых чисел января 1850 года в подробности с пояснением самой низшей цены, по которой Вы найдете возможным произвести по вверенной Вам части найму верблюдов.

В заключение считаю нужным уверить Ваше Степенство, что быстрое и успешное исполнение настоящего поручения, удовлетворив пользам казны, доставит мне удовольствие при первом удобном случае о Вашем усердии и деятельности свидетельствовать перед вашим начальством, которое, я надеюсь, останется признательным к Вашим заслугам.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГАРУз. Фонд №И-715. ОП № 1. Д № 10. Л № 85-87.

Для соображения вашего прилагается при сем карта Киргизской степи с означением на ней пути следования вашего; по миновании в ней надобности и по прибытии в Раимское укрепление предписываю Вам представить оную обратно в генеральный штаб вверенного мне корпуса.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 10. Л 38-41.

№ 27

Приказ по Оренб. Корп.; 11 февраля 1849 г. № 37. Оренбург.

В дополнение приказа, от 16 ноября 1848 года за № 338-м, предписываю: внести воинским чинам в формулярные списки нижеследующие походы и действия. Движение подвижного резерва Раимского укрепления в 1847-м году, и преследование значительных скопищ хивинцев, переходивших на правую сторону р. Сыр-Дарьи и разбитие хивинского укрепления Джан-Кала, 25-го числа августа. С 6-го по 17-е марта 1848 года, преследование хивинских шаек,

покушавшихся на разбитие Раимского укрепления. Движение двух сотенного отряда Уральских казаков под командованием сотника Пупыкина, с Правителем Западной части орды, на р. Кайнаре близ р. Эмбы, со 2-го сентября по 15-е октября 1848 года, при чем была стычка с непокорными киргизами Тазлярского рода до 1500 человек 18-го сентября того же года.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 10. Л 11.

№ 28

Командир Оренб. Корп. Уральского каз. Войска войсковому старшине Бороздину;
8 мая 1849 г. №481.

Ваше Высокоблагородие назначается начальником подвижного резерва в Раимское укрепление, чины коего должны прибыть в крепости: Орскую к 10, а в Илецкую Защиту к 8-му мая и выступить из Илецкой Защиты около 10 тыс. Месяца, в Раимское укрепление, соображаясь при следовании туда по возможности с прилагаемым у сего маршрутом. В отряде этом имеют состоять 4 обер-офицера, 11 урядников и 200 казаков при транспортной команде из 656 верблюдов, под начальством вашим, а отряд из 2 обер-офицеров, 5 урядников и 100 казаков, при транспортной команде из 1294 верблюдов под начальством уральского казачьего войска есаула Донского выступит из кр. Орской около 16 мая. Вообще все войска и команды, направленные ныне в Уральское и Раимское укрепления, состоять во время похода в команде г. Генерал-майора Федяева с которым Вы должны соединиться в Уральском укреплении.

Вследствие чего предписываю к исполнению следующее:

1) По прибытии вашем в Илецкую Защиту принять в ведение ваше один горный единорог, с назначенным от г. Генерал-майора Фреймана числом зарядов, уложенных в передке и особо в ящике и для упряжи 4 казенных лошадей с сбруей, также 5 нижних чинов 14-й гарнизонной артиллерийской бригады.

2) Принять приготовленные запасы и продовольствие для вверенного Вам отряда на время следования до Раимского укрепления от поручика Невраева; также принять на свое ведение верблюдов с седлами и бурундуками, при караванном начальнике, начальниках отделения, вожаках и посыльных из киргизов Средней и Западной частей Орды, от султанов правителей сих Орды в том числе, как о сем с подробностью объяснено в предписание моем тем месяцем.

3) Продовольственные припасы навьючить таким образом, чтобы на каждого верблюда было положено не менее 16-ти пудов. Вообще относительно приемам, размещению и перевозке продовольственных и других припасов, назначенных в Раимское укрепление равно и раздаче оных для продовольствия воинских чинов на пути, сохранение и сдача остальных по прибытии в Раим. Вы имеете руководствоваться в точности данным Вам мною предписаниям от 30-го числа прошлого месяца за № 1302.

4) В день выступления из Илецкой Защиты представить мне строевую ведомость по прилагаемой у сего формы о числе воинских чинов и киргизов вверенного Вам отряда, с подразделением оного по роду оружия, означив при том число лошадей, верблюдов и повозок.

5) Во время следования соблюдать все воинские предосторожности, дабы не подвергнуться нечаянному нападению со стороны хищников, руководствуясь в точности правилами, у сего приложенными, с тою только разницею, что во вверенном Вам отряд верблюжий транспорт должен строиться в две колонны по прилагаемому для соображения Вашего плану походной колонны в Киргизской степи, составленному из казаков и верблюдов.

6) Строго наблюдать, чтобы во время похода никто из воинских чинов и состоящих при отряде киргизов в аулы не заходили, в случае же надобности приглашать чиновных и других киргизов к себе в отряд, но не под каким видом никаких оскорблений никому из них не делать, до скота и имущества их самовольно не прикасаться, никаких приношений не принимать: вообще же во всех сношениях с ордынцами соблюдать осторожность, ласку и правосудие.

Вменяется Вам в непрременную обязанность постоянно во всех случаях сообщать о сбережении здоровья воинских чинов, почему обратите особенное внимание на то, чтобы люди получали здоровую и сытную пищу, были расположены по возможности с удобствами и имели всегда исправную одежду, лошадей и верблюдов, ежедневно были бы хорошо накормлены и напоены; для сего предмета иметь постоянно в виду, чтобы отряд имел на привалах воду, изобильный и сытный подножный корм. Малое число больных воинских чинов и лошадей будет лучшим доказательством попечительности Вашей в этом случае.

Служба в отряде должна производиться на общем основании полевой службы в военное время. Вообще же наблюдать, чтобы в отряде существовала строжайшая дисциплина и порядок, не допуская ни малейшего от оных отступления и неупустительно исполнялись бы каждым относящиеся до него обязанности по установленному порядку.

Также предписываю Вам строго наблюдать за сохранением всех продовольственных припасов от подмочки во время дождя, или переправ через реки, и чтобы никто не был допускаем своевольно пользоваться какой-нибудь частью оных, а равно не было продаваемо, или на что-нибудь меняемо кому бы то ни было: порох, свинец, или оружие.

Состоящим же при отряде киргизских вожакам и посыльным производить ежедневно по одному фунту мяса и по два фунта круп каждому; жалования же ежемесячно по 5 рублей серебром каждому.

Не доходя двух переходов до форта Карабулака Вы имеете отправить нарочного киргиза к начальнику сего форта с уведомлением о благополучном Вашем следовании, а по достижении с вверенным Вам отрядом уроч: Мана-Улье, Вы обязаны отправить посыльного киргиза к начальнику Уральского укрепления, майору Лобакову, с уведомлением о следовании вашем с отрядом, сообщив ему сведения как о численности отряда и транспорта и числе лошадей, так и о времени, в которое Вы, по расчету Вашему, достигнете укрепления.

По изволению этому майор Лобаков обязывается назначить место для

временного расположения вверенного Вам отряда и даст по требованию Вашего Высокоблагородия, в случае крайней надобности, пособие в следовании вашем до Уральского укрепления; к этому времени непосредственным начальством которого Вы имеете следовать далее к Раимскому укреплению.

Во время похода по пескам Кара-Кум, при очистке колодцев, которые обыкновенно бывают, между песчаными буграми весьма удобными для скрываются шаяк неприязненных ордынцев, принимать самую строгую военную осторожность, дабы не быть подвергнутому нечаянному нападению.

Вообще же при следовании по колодцам усугубить заботливый присмотр, чтобы все лошади и верблюды были досыта напоены, ибо преимущественно в этих местах воинские чины, утомленные трудностью марша, менее заботливо присматривают за скотом.

По прибытии же в Раимское укрепление испросить разрешение у начальства одного о сдаче овса и других продовольственных припасов и об отправлении верблюдов и орудий с прислугой обратно на линию, а сами с командой Уральских казаков поступите в состав гарнизона Раимского укрепления.

Во время следования с вверенным Вам отрядом до Раимского укрепления имеете доносить мне о благополучном следовании с урочища Ак-Тюбе, из форта Карабутакского и Уральского укрепления; ежели же случится что либо заслуживающее особой важности, то доносить мне немедленно.

№ 29

Командир Оренб. Корп. Военному Министру; 9 августа 1849 г. № 808.

Оренбург.

Представляя при этом на благоусмотрение Вашего Сиятельства копию с рапорта ко мне начальника описной экспедиции Аральского моря, флота капитан-лейтенанта Бутакова, от 1-го июля сего года за № 212, имею честь почтительнейше донести, что капитан-лейтенант Бутаков, после 56 дневного плавания в течение нынешнего года окончил первый свой рейс по Аральскому

морю и в предположение этого времени успел обозреть восточный и вторично южный его берега.

Выйдя в первых числах мая из устья р. Сыра двумя шхунами, из которых одна «Константин» находилась под непосредственным его начальством, а другая «Николай», под начальством корпуса флотских штурманов прапорщика Поспелова, 8-го числа он отделился от шхуны «Николай» и, направляясь к югу, описывал части восточного берега, мели, заливы и острова. 18-го числа во время стоянки на якоре настиг его жестокий шторм, от которого лопнул канат даглистова якоря, что привело шхуну в крайнюю опасность. 21 и 24-го числа были им открыты два песчаных острова. 29-го мая он достиг до восточного устья р. Амударьи, называемого Джалпак, где был задержан противными и северными ветрами. После того он направил путь свой к острову Токмак-Ата, лежащему при западном устье Амударьи, называемый Галдык-Дарья, куда прибыл 11 июля и запасся там свежей водой, в которой экипаж имел крайнюю нужду. 21-го на обратном пути к устью Сыр-Дарьи встретился на северной стороне одного из сказанных песчаных островов с шхуной «Николай» под начальством корпуса флотских штурманов прапорщика Поспелова, который донес ему, что 18 мая, во время жестокого шторма, он также был в опасности. Не смотря на множество препятствий, прапорщик Поспелов успел, однако, окончить почти всю съемку порученной ему части восточного берега Аральского моря и, между прочим, удостоверился, что в устьях Куван-Дарьи, которых два, вовсе нет воды; остались только одни пересохшие русла.

Оставив прапорщика Поспелова оканчивать съемку восточного берега, капитан-лейтенант Бутаков возвратился в устье р. Сыр-Дарьи 30 июня; при чем первую половину пути он прошел при попутных, хотя и тихих, ветрах, а другую усиленной лавировкой.

Капитан-лейтенант Бутаков для дальнейших работ имеет в виду следующие предположения: прапорщик Поспелов, окончив съемку восточного берега моря, возвратится в устье Сыр-Дарьи, где запасшись свежей водой и провизией,

окончит недоснятый участок съемки по южную сторону Кос-Арала и потом отправится в северную часть моря для промера; а сам капитан-лейтенант Бутаков, по окончании при устье р. Сыр-Дарьи наблюдений, пойдет к полуострову Куланды, где имеются прииски каменного угля, для подробнейшего исследования оных, откуда доснимет западный берег моря, не оконченный в прошедшем году, проверит прошлогодние астрономические пункты, сделает промер у Царских островов и несколько полос морского промера, а перед окончанием кампании зайдет в северную часть моря для наблюдений и геологического описания берегов.

Вообще работы капитан-лейтенанта Бутакова в первую половину нынешней навигации весьма замедлились постоянными свежими северными ветрами и бурливыми погодками. По замечанию его, плавание от N к S в Аральском море всегда легко и может совершаться скоро на парусных судах; но за то путь от юга к северу, при господствующим северным ветрам, весьма труден, в особенности на судах плоскодонных.

В заключение начальник экспедиции доносит, что на шхунах «Константин» и «Николай» состоит все благополучно и больных нет, а вместе с сим свидетельствует об особенном усердии экипажа обеих шхун, состоящего из 38 нижних чинов, из коих 15 откомандированы из 4 Оренбургского линейного батальона, никогда не бывших в море, но весьма успешно исполняющих обязанности матросов.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГАРУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 10. Л 51-53.

№ 30

Приказ по Оренб. Корп.; 25 августа 1849 г. № 11. Ново-Петровское укрепление.

Осмотрев в Ново-Петровском укреплении, все произведенные через нижних воинских чинов постройки, крепостные верки, жилые и холодные строения и

другие работы, - я к совершенному удовольствию моему нашел все в хорошем состоянии и, самые работы сделаны тщательным образом; кроме сего в укреплении встретил примерную чистоту и во всем исправность. Также находящиеся близ укрепления ущелья, где произрастают тутовые деревья обращены в сад для прогулки воинских чинов, а состоящие при укреплении мореходные суда и лодки содержаться в должной исправности. Чины же гарнизон укрепления составляющие имеют вид здоровый, бодрый, хорошо выправленный и на произведенном смотре найдены в должном порядке. Относя все это к неусыпной заботливости и попечению Исправляющего должность Коменданта Ново-Петровского укрепления подполковника Маевского, я вменяю себе в приятный долг изъявить ему мою полную и совершенную благодарность, оставаясь уверенным, что г. Маевский будет с одинаковым рвением и на будущее время заботиться о состоянии вверенного ему укрепления. Также изъявляю мою благодарность всем Штаб-и Обер-офицерам содействовавшим в устройстве укрепления и содержания гарнизона в той исправности, в которой они найдены. Нижним же чинам выдать по чарке водки не в зачет положенной порции и сверх того в продолжении месяца, с отдания настоящего приказа, не употреблять в работе, исключая перевозки провианта и фуража с пристани в укрепление, исправление необходимых ремонтных работ в строениях - соблюдение чистоты в укреплении, устройство делаемых для поливки пашен и огородов чигирей и окончания штукатурки, в строениях, так как для последних двух предметов наняты по контракту вольно наемные из Астрахани мастера, которые должны иметь работников из нижних чинов, дабы не вовлечь казну в излишние расходы. О чем и делаю известным по вверенному мне корпусу.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГАРУз. ФондИ-715.ОП 1. Д 10. Л 56-57.

Приказ по Оренб. Копр.; 24 октября 1849 г. № 198. Оренбург

Господин Военный Министр, при предписании от 23-го числа минувшего сентября за № 88-м, препроводил ко мне Высочайше Государя Императора Указ, последовавши на имя мое 21-го числа сентября, следующего содержания: « Усмотрев из представленного мне донесения Вашего, что нижние чины, составляющие Гарнизон Укреплений: Раимского на р. Сыр-Дарье и Ново-Петровского на полуострове Мангишлаке, делают значительные побегии за эту реку и в хивинские пределы, - признаю необходимым: 1-е) Принять строгие меры к пересечению этих постыдных и позорных преступлений и в следствие того повелеваю: при поимке таковых дезертиров, кои сделали побег или отлучку с оружием или без него, судить их на основании Полевых Военно-Уголовных Законов, почитая в сем случае таковой побег и отлучку в хивинские пределы, или кочующим в степи племенам, побегам отлучкам к неприятелю и над теми из сих нижних чинов, кои окажутся виновными и зло намеренными, приговор суда, для примера другим приводить в исполнение с утверждения Вашего. 2-е) Мэру эту распространить и на другие укрепления, в глубины Киргизских степей находящихся: Оренбургское на р. Тургае, Уральское на р. Иргиз и промежуточные степные посты». Таковой Высочайший Указ объявляю по вверенному мне Корпусу, предписываю: Начальствующим лицам и заведующим укреплениями и отдельными частями войск, прочесть сей приказ в ротах и командах, дабы каждый из нижних чинов знал о том наказании, которому беглец из упомянутых укреплений и постов себя подвергают, и внушить им сколь постыдны и позорны такие преступления, присягу нарушающие и посрамляющие звание Русского солдата.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГА РУз. Фонд И-715.ОП 1.Д 10. Л 79.

Оренб. Воен. Губернатор, султану-правителю Средней части Орды
воинскому старшине Араслану Джантюрину; 5 ноября 1849 г. № 1365. Оренбург.

Для довольствия гарнизона Раимского укрепления должно быть отправлено туда нужное количество продовольственных припасов, под перевозку коих, по сделанному соображению, необходимо нанять во вверенном Вам средней части орды 500 верблюдов.

Господин Военный Министр, от 24 декабря прошлого 1848 года, за № НВоенный Министр, от 24 декабря прошлого 1848 года, за № 14,406-м, уведомил меня, что Государь Император по всеподданнейшему докладу рапорта моего, о возведении при р. Кара-Бутак промежуточного форта между Уральским укреплением и крепостью Орской. Всемиловейше пожаловать соизволил: Дивизионному Квартирмейстеру 23-й Пехотной Дивизии Генерального Штаба Штабс-капитану Герну, под наблюдением коего возведен означенный форт, Орден Св. Анны 2-й степени. О таковой Монаршей милости делая известным по вверенному мне Корпусу, предписываю: пожалованную Штабс-капитану Герну, награду внести в формулярный о службе его список.

Подпись: Ген.-от-инф. Обручев.

ЦГА РУз. Фонд И-715. ОП 1. Д 10. Л 1.

№ 33

Приказ по Оренб. корп; 21 августа 1852 г. № 181. Оренбург.

Вследствие Высочайше утвержденного предположения о производстве во время текущего лета геодезических работ во вверенном мне крае, выступили весною из укреплений: Уральского, Оренбургского и Аральского, для производства рекогносцировок в степи Оренбургских киргиз, три съемочных отряда. Один из них, под начальством Корпуса Топографов прапорщика Голова, направлен был по правому берегу Сыр-Дарьи, от Аральского укрепления вверх по течению. Отряд благополучно достиг до урочища Кизил-Джангил, но здесь

посланный от Начальника Кокандского укрепления Ак-Мечети, расположенного на нашем берегу, предупредил Прапорщика Голова, что дальнейшему следованию отряда Кокандцы будут противиться силою. Пр. Голова, находясь с 80 человеками за 400 вер. от Аральского укрепления и соображаясь с данным мною предписанием, избегать всякого неприязненного столкновения с Кокандцами, ограничил свою рекогносцировку урочищем Кизил-Джангил. По получении об этом сведения, я немедленно распорядился о довершении еще в нынешнем году Высочайше предписанного рекогносцирования Северного берега Сыр-Дарьи, вплоть до Кокандского укрепления Ак-Мечеть. С этой целью в начале июля месяца в Аральском укреплении составлен был отряд из 225 уральских казаков, 100 человек пехоты, при двух 1/4 пудовых единорогах, одной 6 фунт. пушки и двух кегорновых мортирках; начальствование над отрядом вверено Обер-Квартирмейстеру Отдельного Оренбургского Корпуса, Полковнику Бларамбергу, на кого возложено кроме довершения рекогносцировки, наказать Кокандцев за их дерзость и грабительства, если к тому представится случай. 3-го июля отряд выступил из Аральского укрепления и несмотря на чрезмерный зной, доходивший до 35 градусов по Ромюру в тени, на крайне тягостное следование от трудности пути по густым камышам, частому гребенщику и многочисленным канавам, остаткам прежнего хлебопашества равно как от бесчисленных комаров и мошек, не дававших покоя ни днем, ни ночью, - он 18-го июля благополучно достиг озера Бер-Казань и Бабистин-Куль, которые облегают Ак-Мечетское укрепление с северной стороны. Здесь Полковник Бларамберг нашел все низменности затопленными, вследствие прорыва сделанного Кокандцами в плотине, обыкновенно удерживающей течение вод из р. Сыр-Дарьи в озеро Бер-Казань. Усматривая в этом явное намерение Кокандцев помешать дальнейшему движению наших войск, полковник Бларамберг счел нужным доказать им бессилье этой попытки и не оставить ее безнаказанною. При всей трудности переправы, в особенности через пятый рукав в 2 слишком аршина глубины и до 60 саж. ширины, она к 9-ти часам вечера совершена была благополучно и на

другие сутки т. е. 19-го июля вечером после утомительного перехода среди затопленной и камышистой местности, войска расположились под стенами Восточного фасада Ак-Мечети. Кокандцы, не показываясь, заперлись в крепости. В ночь с 19-го на 20-е число полковник Бларамберг велел бросить в крепость несколько гранат из кегорновых мортирок и 1/4 пудового единорога. Кокандцы немедленно отвечали огнем из 3-х фунт. фальконетов, поставленных на барбетах цитадели и выстрелами из крепостных ружей, которыми ранен 1 урядник. 20-го числа Артиллерии Поручик Рамишевский, меткими выстрелами из орудий сбил неприятельские фальконеты с барбетов, разрушил ядрами ворота внешнего укрепления и уничтожил ряд зубцов на нем, а вслед за тем в 6-ть часов утра Полковник Бларамберг повел войска на приступ в двух колоннах, по 100 человек в каждой. Первая колонна, под начальством 4-го Линейного батальона Поручика Богдановича, с помощью мотыг и топоров перелезла через ров и стены крепости, а вторая, под командою Есаула Буренина, ворвалась через разбитые ворота. Таким образом, менее чем в 10-ть минут наружные укрепления были в руках наших храбрых войск, а неприятель заперся в цитадели. Так как толстые глиняные стены цитадели нельзя было разбить ядрами малого калибра, а по высоте стен в 4 1/2 сажени невозможно было, одолеть их штурмом без помощи длинных лестниц, для изготовления которых не доставало ни материала, ни времени, то Полковник Бларамберг, решился ограничиться сожжением всех строений, находящихся около цитадели; тем более, что совершенно укрытые в ней Кокандцы, стреляя из бойниц почти в упор, по осаждающим наносили большой урон, без значительного для себя вреда. Два раза наши удалцы пытались сжечь ворота, перебрасывая через стенку перед ними устроенную, зажженный камыш и рогожи: ворота загорались, но в тоже время, гарнизон заливал пламя водою и каждая из этих попыток стоила нам людей. По первому сигналу отбоя, солдаты и казаки, невзирая на сильный перекрестный огонь, с примерным мужеством бросились через ров под самую стену и вынесли всех убитых и раненых, а несколько охотников оставшись внутри укрепления, зажгли

все там находившееся. Пожар продолжался всю ночь. Кокандцы спускавшиеся со стен цитадели для спасения своего имущества, были убиты. Неохотно отошли от Ак-Мечети наши храбрые воины. Все они, солдаты и казаки, неотступно просили дозволения взлесть на стену, и добраться до рукопашной с запертыми в цитадели неприятелем. На сей раз невозможно было исполнить этого желания, но я обещаю доставить им случай рассчитаться с Кокандцами, за падших товарищей. Потеря наша состоит убитыми: солдат 5, казаков 10 человек, раненых и контуженных: из батальона 23, из казаков 25, артиллеристов 9 человек; храбрый Поручик Рамишевский ранен на вылет в живот, а Есаул Буренин два раза контужен. Все чины отряда, по свидетельству Полковника Бларамберга, оказали примерную бодрость во время похода, а под Ак-Мечетью достойные всякой похвалы храбрость и самоотвержение: Начальник отряда особенно упоминает о Поручике Рамишевском, Есауле Буренине и Прапорщике Голове. По получении от Полковника Бларамберга дополнительных сведений я поставлю себе священным долгом, ходатайствовать о Всемилостивейшем награждении отличившихся Г.г. офицеров и нижних чинов. 21-го июля отряд продолжал рекогносцирование. Кокандцы не показывались. От возвышения воды в Сыр-Дарье и на затопленных низменностях следование войск и более всего переправа через 5 рукавов Беш-Арын, были еще затруднительнее, чем в передний путь. Несмотря на это, 24-го июля войска благополучно расположились к Западу от означенных рукавов и приготовились к дальнейшему следованию. О чем даю знать по вверенному мне Корпусу.

Подпись: Ген. - адъют. Перовский

ЦГА РУз. Фонд. И - 715 ОП 1, Д. 13, Л 231-234

№ 34

Управляющий Военным Министерством Командиру Оренб. корп.; 2 Октября 1852
г. № 8737. С. Петербург.

Государь Император, прочитав с удовольствием донесение Вашего Высокопревосходительства от 3 -го сентября, № 1782, о действиях отряда посланного для рекогносцировки пространства между Аральским укреплением и Кокандскою крепостью Ак-Мечетью и отдавая полную справедливость мужеству и храбрости всех чинов отряда в означенной экспедиции участвовавших, согласно представлению Вашему от того же числа за № 1718, Всемилостивейше пожаловать соизволит им награды в прилагаемом у этого списка о значении.

Вместе с тем Его Величеству благоугодно было повелеть доставить в распоряжение Вашего Высокопревосходительства, вместо и спрашиваемых 10-ти, 25-ть знаков отличия военного ордена, для раздачи наиболее отличившимся нижними чинами, независимо от знака особо пожалованного Унтер-офицеру Вернеру, в прилагаемом списке означенному.

О таковой Монаршей милости, имея честь уведомить Ваше Высокопревосходительство, обязываясь присовокупить, что о производстве упоминаемых в списке лиц в следующие чины будет вслед за ним отдано в Высочайшем приказе; пожалованный же Поручику Богдановичу Орден Св. Анны 4 ст., а равно знаки отличия военного Ордена, как Унтер-офицеру Вернеру, так и 25-ть для раздачи прочим наиболее отличившимся нижними чинами, имеют быть доставлены по получении оных из капитула Орденов. Относительно же денежных наград как Офицерам, в том количестве, какое в списке обозначено, так и нижними чинами по Вашему усмотрению, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство, согласно Вашему отзыву в представлении о семи изъясненному, выдать таковые из чинов, которым ВСЕМИЛОСТИВИЙШЕ пожалованы награды за экспедицию к Кокандскому укр. Ак-Мечети.

№	О значении лиц, которым пожалованы награды	Что именно пожаловано
---	--	-----------------------

1.	Начальнику отряда Обер-Квартирмейстеру Отдельного Оренбургского Корпуса Полковнику Бларамбергу 2-му.	Чин Генерал-майора.
2.	Корпуса Топографов Прапорщику Голову.	Следующий чин.
3.	Прикомандированному к Корпусу Топографов, состоящему по Армии Прапорщику Христофорову.	Полугодовое жалование 107 р. 50 коп. сер.
4.	Состоящему при Штабе Отдельного Оренбургского корпуса 1-ой полуроты № ,4 роты Топографу 2- го класса унтер-офицеру Осипу Недозорову.	Чин Прапорщика, с оставлением в Корпусе Топографов.
	Оренбургского Линейного № 4 батальона:	
5.	Поручику Богдановичу.	Орд. Св. Анны 4 ст. с надписью за храбрость
6.	Прапорщику Борейше.	Следующий чин.
7.	Унтер-офицеру Фоме Вернеру.	Знак отличия военного Ордена.
8.	14-й Гарнизонной Артиллерийской бригады Оренбургского Округа артиллерийских гарнизонов Поручику Ремишевскому.	Следующий чин.
9.	Находящемуся в Аральском укреплении в звании младшего Врача, ординатору Оренбургского военного Госпиталя Лекарю Олешкевичу.	Годовой оклад жалованья 250 р. 95 коп. сер.
	Уральского казачьего войска.	
10.	Есаулу Буренину.	Следующий чин.

11.	Сотнику Осипову.	Следующий чин.
12.	Сотнику Бородину.	Годовой оклад жалованья 88 р. 80 коп. сер.

Подпись:

№ 35

Приказ по Оренб. корп.; 9 октября 1852 г. № 219. Оренбург.

Предписываю Г. г. частным Начальникам внести в формулярные списки чинов находившихся в настоящем году в состав рекогносцировочного отряда под Начальством Корпусного Обер-Квартирмейстера Полковника Бларамберга, поход и военные действия в следующем порядке: Движение вверх по Сыр-Дарье до Коканского укрепления Ак-Мечети с 3-го по 19-е июля; 20-го числа взятие приступом внешнего укрепления Ак-Мечети; 31-го июля и 1-го августа разрушение укрепления Кош-Кургана; 4, 5 и 6 взятие приступом и разрушение Шим-Кургана на берегу Ямень-Дарьи; 7-го сожжение укрепления Кумыш-Кургана на берегу Чиргайли; и обратное следование до Аральского укрепления с 12-го по 22-е августа.

Подпись: Ген. - адъют. Перовский.

ЦГА РУз Фонд И-715 ОП 1, Д. 13, Л 266-269

Председатель Оренб. пограничной комиссии Оренбургскому ген. губернатору; 18 декабря 1852 г. № 20566. Оренбург.⁴⁸

Ваше Высокопревосходительство, из донесения моего от 29 мая этого года № 8608, изволите быть известны, что начальник 46 киргизской дистанции Дженгабыль Тюлегенев и Япаские бии Басыкара и Муса, лично выразили бывшему нынешним летом, по делам службы, в глубине степи попечителю при линейных киргизах Первухину сетование на поборы Ак-Мечетского бека, добавили, между прочим, что они уже готовы ходатайствовать перед высшим начальством о избавлении их от этого постройкою в тех местах укрепления, в которое обязались бы даже доставлять безвозмездно. После того управляющий восточной частью орды, представляя ко мне поданное ему родоначальниками киргизов Япасского и Алтынского родов прошение совершенно одинакового содержания с поданными теми же ордынцами на имя мое и представленным Вашему Высокопревосходительству, при донесении 2 июля за № 10115, где они и точно жаловались уже на претерпеваемые ими постоянно стеснения от беков Ак-Мечети, Чим-Кургана и Кумыс-Кургана объяснял, что прямое желание просителей, сколько ему, управляющему, известно состоит в том, чтобы правительство устроило на р. Сыр-Дарья укрепление и что ордынцы, в случае исполнения их желания, готовы оказать помощь и услуги, какие потребуются.

Дабы иметь более положительные подтверждения о действительности заключения управляющего Восточной частью орды на счет просьбы помянутых киргизов, прежде чем представлять это исключение Вашему Высокопревосходительству, ибо в самой их просьбе они домогались только, избавить, их, от стеснений кокандских, беков, чтобы, всегда, могли, быть, готовыми, к нашим услугам по мере сил, я предписывал сотнику Джантюрину и попечителю Первухину дознать с осторожностью, точно ли настоящая цель

⁴⁸ Пометка: "Получ. 24 марта 1853 г."

просьбы есть выразить начальству желание кочующих при Сыр-Дарье ордынцев о возведении там русского укрепления, какие в утвердительном случае подразумевали они пособия при этом и вообще, не могут ли дать по известности просителям мест около Ак-Мечети, ближайших относительно первого предмета сведений.

Впоследствии этого управляющий восточную часть орды и попечитель Первухин, основываясь на отзывах просителей, донесли следующее:

Непомерные действия со стороны кокандских властей на самом деле вынудили влиятельнейших киргизов послать начальству вышеприведенную жалобу и они убеждены, что постройка русского укрепления около Ак - Мечети, или совершенное уничтожение последней, есть единственное средство к спокойному кочеванию там ордынцев; безызвестность же потребностей начальства, в случае непрямого уничтожения кокандской крепости или возведения русского укрепления дают просителям возможность представить благоусмотрению правительства на этот раз: во-первых, готовность выставить для перевозки тяжестей от крепости Орской до Ак-Мечети. 1000 верблюдов, с платой по 7 рублей серебром, и от Троицка или Николаевского укрепления до того же пункта и по 6 руб. сер., во-вторых, представить из собственного достояния просителей и от всего народа, куда и когда приказано, будет начальством до 2000 руб. серебром.

Касательно места на Сыри Удобнейшим под постройку там укрепления было бы то самое, где ныне Ак-Мечеть, как по хорошему грунту земли для хлебопашества и свойству глины для устройства жилищ, изобилию топлива, разных пород рыб, птиц и животных, так и потому, что через Ак-Мечеть проходят на линию караваны из Ташкента, Коканда и др. азиатских владений; хотя же вверх по течению Сыр-Дарьи и от Ак-Мечети, примерно в 35 верстах, есть и другое место, называемое Бир-Казак и имеющее те же удобства и выгоды, но будет ли оно соответствовать во всех отношениях устройству там укрепления, все

предварительного осмотра людьми сведущими, положительного ничего сказать нельзя.

Необходимый к устройству укрепления на Сыри лесной материал, если оно будет велико, может быть получен из Наурузумского бора, находящегося в 200 верстах от Оренбургского укрепления, куда удобно доставить этот лес на телегах, но когда бы для укрепления потребовалось леса много, тогда Наурузумский бор едва ли мог удовлетворить без оскудения, этой потребности и лесной материал приходилось бы по необходимости брать из Аман Карагайского бора, богатого строевым лесом и отстоящего от Наурузумского во 100, примерно, верстах. В окрестностях же Ак-Мечети, по обеим сторонам Сыра до Джулека, хотя и растут некоторые породы мелких кустарников: туранчи, джиде и др., однако редкий имеет в толщину более 2 1/2 вершков и годен лишь на топливо, впрочем, на строения там употребляется глина, весьма добротная и она, при улучшенном способе и подготовке и тщательной обработке, может, кажется, заменить и дерево; Во всяком случае, только кирпичами по незнанию дела и неимению необходимых орудий, нельзя было бы принять на себя ни вырубку, ни вывозки леса, особенно за совершенную невозможностью устроить на верблюжий вьюк длинных отрубков дерева.

Провиант и другие потребности в укреплении при Сыри, если их почему - либо признано было бы неудобным доставлять через Аральское укрепление до этого существующим ныне порядком, а оттуда и водою по Сыру, когда бы он оказался для него способным, можно направлять и прямо из Оренбургского укрепления на Ак-Мечеть по той самой удобной для прохода 3000 и более верблюдов и даже к перевозке тяжестей на телегах дороге, о которой я имел честь доводить до сведения Вашего Высокопревосходительства в донесении 19 июня этого года, а самым удобным к тому времени следует считать начало осени или точнее с августа до нападения снега, когда Аргыны и Яппасцы, сближаясь от линии к своим зимовкам, первые на р. Турген, а вторые на Сыр-Дарью, имеют свободных верблюдов и, по сподручности за умеренную цену, возмет на себя

доставку тяжестей в Ак-Мечеть, ибо и без того ходят в Бухару, Ташкент и Коканд по торговым оборотам и для найма под извоз товаров весною; в апреле путь этот удобен только в продолжение не более месяца, после того от разлития реки делается затруднительным, летом же по причине несметного количества насекомых, сильной жары, недостатка в воде и корме для скота, и зимою по случаю глубоких снегов и буранов, едва ли возможен; с линии до Оренбургского укрепления транспортировку тяжестей всего удобнее производить с мая по август, когда верблюды, отдаваемые Яппасцами и Аргынами под извоз тяжестей азиатским торговцам, по складке товаров в Троицке возвращаются к хозяевам; ибо при этом условии последнее всегда возьмутся с охотою из Троицка или Николаевского укрепления, откуда, поэтому и всегда было бы выгодные для казны отправлять транспорты, перевозить тяжести в Оренбургское укрепление на порожних верблюдах, что исполнят не более, как в 12 дней.

О чем долгом поставляю почтительнейше донести на усмотрение Вашего Высокопревосходительства; со своей же стороны полагаю, что если и нельзя рассчитывать при уничтожении Ак-Мечети, и устройстве на Сыре нового русского укрепления, на слишком важную со стороны претендующих на зимовья там места киргизов помощь, то, во всяком случае, можно с достоверностью рассчитывать на выгоднейших у них, против ныне существующего, наем верблюдов под извоз тех тяжестей, которая бы поднять при этом потребовалось, особенно когда самый своз их будет приноровлен к удобнейшему для него времени, на которое указывают просители в нынейших своих пояснениях.

Подпись: Генерал Ладыженский.

ЦГА РУз. Фонд И-715 ОП 1, Д. 13, Л 297-300.

№ 37

Топографическое описание укреп. Ак-Мечети и его окрестностей. 1852 г.

Кокандское укрепление Ак-Мечеть, по словам туземцев, получило название свое от белой мечети, находящейся в цитадели этой крепости; оно находится на острове, окруженном водами: озером Бабыстан, протоком Сагозы до устья с Сыром и Сыр-Дарьей и расположено на правом берегу последней на глинистом и песчано-иловатом грунте, укрепленное двумя стенами; из которых I имеет вид четырехугольника, высоты I, а толстоты I сажень, с тремя воротами, обращенными на север, юг и восток, она с наружной стороны окружена рвом, наполненным водою из р. Сыр-Дарьи, которого глубина до 7 фут, а ширина I сажень. 2 цитадель неправильного осьмиугольника с 7 бара бетами и одной башней, имеет высоты при бара бетах от 4 до 5 сажень, а толстоты при основании, по словам туземцев до 5 сажень, с одними воротами, обращенными на юг; в самой же стене, а также и бар бетах сделаны бойницы, расположенные в одну, а в некоторых местах в две и три линии, параллельных основанию вала, окруженного двумя рвами глубиною до 7 фут, наполненными водою, которая берется не из Сыра, но вероятно сочится из земли, что легко может быть, судя по низменности места, на котором расположена Ак-Мечеть, в чем более убеждают и слова жителей о мелкой глубине колодцев, находящихся во внутри цитадели.

К обеим внутренним сторонам стены Ак-Мечети в некоторых местах устроены глиняные сакли, покрытые камышом и вымазанные глиною, из которой состоят лачуги и самая стена укрепления.

Окрестность Ак-Мечети, составляющая острова, кроме небольших песчаных холмов, представляет совершенную плоскость, частью покрытыми кустарниками саксаула, джиды и чингила, а частью камышом, но к самому укреплению плоскость эта вся изрезана канавами с водою, проведенными из р. Сыр-Дарьи в разных направлениях различной глубины и ширины, для орошения пашен и огородов, имеющих в весьма достаточном количестве.

Судя по многочисленности хлебопашества, утвердительно можно предполагать, что местность, окружающая Ак-Мечеть с поливом, весьма удобна к произрастанию.

Проток Биш-Арна.

Проток - Арна по переводу означает пять канав, находящихся в 15 верстах от Ак-Мечети на северо-востоке, некогда проведенных киргизами из озера Бер-Казань, для орошения пашен, но от времени их существования, сильным приливом воды при разлитии р. Сыра, они в настоящее время образовали из себя протоки, которые простираются на 5 верст длины и соединяют собою озера Бер-Казань и Бабыстан.

Один из главных притоков Биш-Арны, находящийся ближе к Ак-Мечети, имеет ширину до 80 сажень, а глубины от 3 до 5 фут.

Путь, лежащий по правой стороне р. Сыра из бывшего укрепления Кош-Кургана в Ак-Мечеть, необходимо должен проходить через Биш-Арну, где устроены плотины, посредством которых есть возможность направлять все истоки в один рукав и тем облегчать переправу, а также удерживать стремление воды из озера Бер-Казань, имеющей влияние вредить пашням, лежащим в окрестностях Ак-Мечети.

Подпись: Прапорщик Недорезов.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 13, Л 304-305

№ 38

Обер - Квартирмейстер Оренб. кор. Командиру Оренб. корп.: 28 января 1853 г. № 106. Оренбург. (доклад).

На основании составленного в генеральном штабе предложения об экспедиции нынешнего года для взятия и устройства Ак-Мечети и возведения Казалинского форта, почтительнейше представляются на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства соображения по этому предмету.

Отряд, предназначаемый для взятия и занятия Ак-Мечети и составления части гарнизона Казалинского форта, выступит с линии двумя колоннами.

Правая в составе двух сотен Уральских казаков, 2 орудий, взятых из Оренбурга с 20 человеками прислуги из конно-артиллерийской бригады Оренбургского войска и двумя комплектами зарядов, 25 троеконных подвод Ак-Мечетской сенокосной команды с продовольствием ко времени следования до Аральска на верблюдах, выступит из Елецкой Защиты 22 апреля на Карабутак.

Левая⁴⁹ в составе одной роты пехоты (3-я рота 4 батальона), 10-ти орудий (из Оренбурга и креп. Орской) с 60 человеками прислуги из конноартиллерийской бригады Оренбургского казачьего войска и 2-мя комплектами зарядов, 1 1/2 сотни Оренбургских казаков для замены пехоты в Карабутаке и Уральском укреплении, сотни конных башкир и 375 трое конных подвод Ак-Мечетской и Казалинской сенокосных команд с продовольствием на время следования до Аральска на верблюдах, выступит из Орской крепости 1-го мая на Карабутак.

17 апреля сотня Оренбургских казаков выступает из Орской крепости на Оренбургское укрепление для замены расположенной там пехоты и прибывает туда к 8 мая.

Правая и левая колонны соединяются 9-го мая в Карабутаке.

Отряд этот оставляет в форте 1/2 сотни Оренбургских казаков и, присоединив к себе пехоту, там расположенную, выступает на Уральское укрепление 11-го мая и прибывает туда 18.

15 мая туда же прибывает 1/2 4-й роты, выступающая из Оренбургского укрепления 8/10.

Отряд, присоединив к себе 4 роту, с продовольствием на время следования до Аральска и оставив в Уральском укреплении сотню Оренбургских казаков, выступает 20 на Аральское укрепление и прибывает туда 4-го июня.

Между тем раннею весною по убыли воды в Сыре, выступит из Аральского укрепления отряд в состав 1/2 роты пехоты, 1/2 сотни уральских казаков при

⁴⁹ При этой колоне должны находиться офицеры: Генерального штаба, саперный с командою, мастерские, равно инженеры, переводчики; священники, ветеринары, медики, и проч. Полагаемые в гарнизонах Ак-Мечети и Казалы по ведомости № 3; кроме того при обеих колоннах по 1 вожаку и по 2 посыльных.

одном орудии с 10 человеками, прислуги гарнизонной артиллерии и 2 комплектами зарядов на орудие с продовольствием на 3 месяца и лесными материалами на урочище Казалы, где приступает к возведению форта на избранном пункте.⁵⁰

В Аральском укреплении к Ак-Мечетскому отряду присоединяются: 8 орудий с 2-мя комплектами зарядов при 10 чел., гарнизонной артиллерии; продовольствие отряду на время следования до Ак-Мечети и на 6 месяцев гарнизонам Ак-Мечети и Казалы; сенокосной команде на 2 1/2 месяца пребывания в Ак-Мечети и Казалы и следования туда и обратно; и другие тяжести.

Пробыв в Аральске 3 дня, отряд выступает 8 июня и 11-го делает дневку на урочище Казалы. Здесь он оставляет 4 орудия, прислугу гарнизонной артиллерии, 50 конных башкир, 100 подвод сенокосной команды и все тяжести, предназначенные для форта.

12-го июня отряд выступает на Ак-Мечеть, куда прибудет 25-го.

Часть строительных материалов для Ак-Мечети и Казалы будут доставлены в Аральск на воловых подводах Оренбургских казаков. Они выступят из Оренбурга 10-го мая и следуют под прикрытием Уральских казаков, сменяющих подвижный резерв Аральска в Карабутак, соединяются с сенокосными командами, выступающими из Орской 20-го мая в степные укрепления, по обыкновенному порядку.⁵¹

Кроме того, башкирская транспортная команда из 200 пароконных подвод выступает в половине мая из Николаевского укрепления в Наурузумский бор и по вырубке там нужного количества леса доставит его в Оренбургское укрепление. В прикрытии ей назначаются Оренбургские казаки из кордонной стражи. Две сотни Оренбургских казаков наряжаются для конвоирования тяжелого Ак-Мечетского транспорта, выступающего из Николаевского укрепления в августе месяце.

⁵⁰ Все тяжести, принадлежащие этому отряду могут быть перевезены на пороходах.

⁵¹ Купеческий транспорт с тяжестями, принадлежащими ныне существующим укреплениям, выступить 20 июня и конвоируется казаками Оренбургского войска, сменяющими подвижной резерв уральского укрепления.

Подробный состав и передвижение войск, равно предстоящее к наряду на нынешний год число чинов иррегулярных войск, видны из прилагаемой при семи ведомости № 1.

При отрядах, выступающих с линии из Уральского и Аральского укрепления, должны быть взяты следующие тяжести:

1. При отряде, выступающем с линии из Елецкой Защиты.

а) по снабжению войск.

По два комплекта зарядов на два орудия.⁵²

Продовольствие на время следования до Аральского укрепления (46 дней).⁵³

Овес на всех лошадях в обоих отрядах на время следования по Каракумам.

Бударны с разобранною настилкою для паромы и канатами различной толщины.

Порох.

Сотня сигнальных ракет.

б) по снабжению укреплений.

Овес на 6-ти месячное довольствие 50-ти лошадей Ак-Мечетского подвижного резерва; 300 четвертей в запас для Ак-Мечети и 100 четвертей для Казалинского форта.

2.) При отряде, выступающем из Орской крепости.

а) по снабжению войск.

Гальваническая батарея.

Конгревовы ракеты.

По два комплекта зарядов на десять орудий.

Продовольствие на время следования Оренбургских казаков до Уральского и Оренбургского укрепления и Карабутака (18, 22 и 10 дней), а остальных людей до Аральска (35 дней).

⁵² При перевозке заряды укладываются в деревянных с железною оковою ящиках, весом с поклажею в 7 пуд. каждый; следовательно могут вестись на верблюдах;

⁵³ Скот для мясной порции должен следовать при отрядах.

б) по снабжению укреплений.

Шанцевый, плотничный и сенокосный инструменты для Ак-Мечети и Казалы.⁵⁴

95 кибиток для Ак-Мечетского и 25 для Казалинского гарнизона.

Лазаретные вещи для Ак-Мечети и для Казалинского форта, равно лазаретные припасы и медикаменты.

700 бревен, 1,5 и 2-х сажень длиною, от 5-ти до 8-ми вершковых толщин.

Часть строительных материалов и железные вещи для зданий Ак-Мечети и Казалы.

3.) При 4-ой роте, выступающей из Уральского укрепления.

Продовольствие на время следования до Аральска (18 дней)

4.) При отряде выступающем раннею весною из Аральска на уроч. Казалы.

а) По снабжению войск.

Продовольствие на три месяца.

Два комплекта зарядов на орудия.

Кибитки.

б) По устройству форта.

Строительные материалы, имеющиеся в Аральске с надлежащим количеством инструментов.

5.) При отряде, присоединяющимся к Ак-Мечетскому в Аральске.

а) По снабжению войск.

По два комплекта зарядов на 8 орудий.

Продовольствие для людей, назначенных в Казалинский форт на 3 дня, для сенокосной команды, на время пребывания в Ак-Мечети и Казалы и следования туда и обратно (2,5 месяца), для остальных чинов отряда на время следования до Ак-Мечети (16 дней).

Лесные материалы, приготовленные для предстоящих при штурме Ак-Мечети работ: разобранные лестницы (каждая по 2,5 сажени длины), брусья для

⁵⁴ Инструменты эти в потребном количестве вызывается поставить почетный гражданин Путолов.

длин длиною 1,5 саж. толстые доски и проч., холщевые мешки для земляной работы и проч.

б) По снабжению укреплений.

Шестимесячное продовольствие Ак-Мечетского и Казалинского гарнизонов, из запасов Аральского укрепления.

Приблизительное определение веса всех этих тяжестей и числа потребных для поднятия их верблюдов и подвод, закладываются в прилагаемой при этой ведомости № 2, а количество шанцевого и сенокосного инструмента, железных вещей и других строительных материалов, равно лазаретных вещей в ведомостях А, Б, В и Г.

Тяжелый транспорт для Ак-Мечети с запасом продовольствия на 1854 год и всеми остальными предметами, потребными для укрепления, будут доставлены из Николаевского укрепления на верблюдах ордынцев Япасского и Алтынского родов в августе месяце.

Средства для перевозки тяжестей имеются в виду следующая:

а) При правой колонне, выступающей из Илецкой Защиты.

Для упряжи под орудия при перевозке их из Оренбурга и следовании до Ак-Мечети и для других надобностей - 20 лошадей из числа предназначенных к покупке для гарнизонов Ак-Мечети и Казалы.

Для поднятия разобранного парома и канатов: 20 подвод сенокосной команды.

Для поднятия спирта: 5 таковых же подвод.

Для поднятия остальных тяжестей: провианта, овса, зарядов и проч. 597 наемных верблюдов.

Для непредвиденных тяжестей и имущества лиц, следующих при отряде, 50 наемных верблюдов.

б) При левой колонне, выступающей из креп. Орской.

Для упряжи под орудия при перевозке их из Оренбурга и Орской в Ак-Мечети и для других надобностей: 60 лошадей, предстоящих к покупке для Ак-Мечети и Казалы.

Для поднятия лесных материалов 300 подвод сенокосной команды.

Под спирт, медикаменты и другие вещи, неудобные для выючки 75 таковых же подвод.

Под остальные тяжести: заряды, продовольствие, строительные материалы, кибитки, лазаретные вещи, инструменты: 613 наемных верблюдов; из них 10 следует в Оренбургское укрепление.

Под непредвиденные тяжести и имущество следующих при отряде лиц 100 верблюдов.

При 4-й роте, выступающей из Уральского укрепления для поднятия продовольствия на время следования от Аральска послужат верблюды отряда, следующего с линии, освободившиеся от употребленного на довольствие войск провианта.

При отряде, выступающем раннею весною из Аральска на уроч. Казалы.

Продовольствие, заряды, лесные материалы, кибитки могут быть доставлены исподволь местными средствами на судах бичевую и с помощью пароходов.

При Ак-Мечетском отряде, выступающем из Аральска.

Для упряжи под орудия казенные лошади из числа 80 означенных выше.

Лесные материалы, взятые с линии, следуют далее до Ак-Мечети на подводах сенокосной команды.

Под продовольственные припасы на время следования войск в Казалинский форт и Ак-Мечеть и сенокосной команды на 2 месяца, холщевые мешки и тяжести доставленные с линии для Ак-Мечети и Казалы, потребуется 2080 наемных верблюда.

Для поднятия непредвиденных тяжестей 100 наемных верблюдов.

Лесные материалы для работ под Ак-Мечетью, спирт и предметы, которые не могут быть навьючены на верблюдов, перевезутся на судах, буксируемых пароходами; если же предметы эти будут слишком в большом количестве, то часть лесных материалов, взятых с линии, останется в Аральске и предметы эти будут доставлены в Ак-Мечеть на освободившихся подводах сенокосной команды.

Доставку в Аральске лесных материалов из Оренбурга (10 мая) вызываются произвести Оренбургские казаки на 280-ти подводах с платою по 1 рублю серебром за пуд.

Перевозку тяжестей при отрядах, выступающей из Илецкой защиты и креп. Орской на подводах и верблюдах, принимает на себя почетный гражданин Путолов за плату по 80 коп. серебром с пуда, т. е. 12-ти руб. серебром с верблюда; для перевозки же тяжестей из Аральска до Ак-Мечети необходимо нанять, по крайней мере, до 1250-ти верблюдов в Аральск, в том предположении, что значительных тяжестей может быть доставлено в Ак-Мечеть на пароходах; под своз же остальных можно согласить киргиз, доставляющих тяжести с линии на Аральск.

Почтительнейше докладывая о всем нишеизложенном на благоустройство Вашего Высокопревосходительства, имею честь испрашивать разрешения благоугодно ли будет приказать сделать распоряжения.

1. О укомплектовании 3-й и 4-й роты, о наряде по представленному расчету иррегулярных войск на текущий год и о передвижении команды по ведомости № 1-го.

2. О заготовлении продовольственных припасов, строительных материалов, снарядов, инструментов, кибиток и проч. на надлежащих пунктах к определенным срокам по ведомости № 2-го А, Б, В и Г.

3. Об устройстве переправ в надлежащих пунктах на линии.

4. О заключении условий с поставщиками: перевозных средств, мясных порций и разных предметов.

5. О найме мастеровых : 12 каменщиков и 8 кирпичников, необходимых при возведении укреплений, равно о командировании разных лиц и нестроевых чинов, долженствующих состоять при отрядах и в гарнизонах Ак-Мечети и Казалы - по ведомости № 3-го.

Подпись: Ген-м. Бларамберг

ЦГА РУЗ, Фонд 715 ОП 1, Д. 14, Л 37-44.

№ 39

Приказ по Оренб. корп., 26 января 1854 г. № 69. Петербург.

Неудачный поход кокандцев к форту Перовский в августе месяце прошлого года не послужил для них достаточным уроком. Они еще раз решились попытать свою силу против русских. Новое войско собрано было в Ташкенте, припасы и снаряды заготовлены для него в Туркестане. Выступив из последнего города в конце ноября, и распространяя между киргизами письменные воззвания что идут с твердым намерением завладеть нашей крепостью, они действительно 1-го декабря были уже близ Кокандского укрепления. Джулека, в 120 верстах от форта Перовский вверх по течению Сыр-Дарьи. Кокандцы твердо надеялись на помощь киргиз, зная из опыта их бесчеловечное с ними обращение, не вверились их мирными обещаниями и заблаговременно откочевали вниз по реке под защиту наших укреплений. Кокандцы подвигались вперед осторожно, малыми переходами, желая может быть выманить гарнизон наши подалее от форта и напасть на него в несоразмерном превосходстве силе и артиллерии. Только 12-го числа неприятель приблизился к переправе Сагазы, в 27 верстах от форта Перовский, занимаемый обыкновенно на этом пункте укрепленный пост был нами оставлен еще при первой вести о приближении неприятеля, однако же кокандцы выдвинули всю свою артиллерию и после нескольких выстрелов по стене редута, убедившись что она ни кем не занята, тотчас отправили гонцев в Коканд с известием об овладении русскою крепостью. 13-го декабря были слышны залпы

их орудий, которыми они вероятно возвещали о своем приближении 14-го декабря кокандцы, имея при себе 17 орудий, огромный обоз и множество верблюдов, перешли по льду на левый берег Сыра и в виду форта расположились в 2,5 верстах от этого в числе 12 или 13 тысяч человек. Первое действие неприятеля в тот же день состояло в попытке обойти форт с левой и правой стороны; для этого выступил из лагеря сильный отряд конницы, подкрепленный огнем 6 оруд. направленных с левого берега на форт, на пароходе и на цепь наших защитников. Но действием нашей артиллерии со стен крепости и с парохода неприятельская кавалерия с значительным уроном принуждена была в беспорядке возвратиться в лагерь, вместе с орудиями. 15-го декабря с обеих сторон не было действия. 16-го числа кокандцы пошли опять в обход форта, но уже вне выстрелов, орудия же свои выставили ближе к берегу реки и в 8 часов утра открыли из них сильный огонь, обращенный на пароход и на форт. Ядра и гранаты их хотя и падали в укрепление, но никакого вреда не причиняли, пароходу же нанесено было незначительное повреждение. Меткими выстрелами артиллерии форта, парохода, и береговых батарей, неприятельские орудия были сбиты с позиции и принуждены возвратиться в лагерь. 17-го декабря, кокандцы с тем же неуспехом повторили тоже движение. Между тем подполковник Огарев, каждую ночь обзирал свои аванпосты и приближался к неприятельским, вследствие чего удостоверившись в оплошности последних распустил посредством киргиз слух, что по причине многочисленности кокандского войска, гарнизон наш не может выйти из форта, вместе с тем подполковник Огарев решился сделать неожиданное на неприятеля нападения. Для этого, выслав 18-го числа за несколько часов до рассвета 350 человек пехоты и 190 казаков при 4-х орудиях и 2-х ракетных станках под начальством Оренбургского линейного № 4-го батальона майора Шкупа, он приказал этому штаб-офицеру с рассветом атаковать кокандский лагерь. Майор Шкуп, перейдя реку, подошел к неприятельскому лагерю на расстоянии 400 сажень, не будучи замечен и занял находящуюся на этом месте песчаную возвышенность: орудия и ракетные станки расположил посредине, по

обеим сторонам поставил по два взвода пехоты в ротных колоннах и по одному взводу стрелков выслал в цепь, фланги занял казаками, а для прикрытия орудий оставил три взвода пехоты, поместив киргиз наших в овраге близ нашей возвышенности. В 6.30 часов утра он открыл беглый артиллерийский огонь по неприятельскому лагерю, и не успел сделать по пяти выстрелов, как неприятель начал действовать из 14-ти, не весьма однако же удачно; в след за тем кокандцы густыми массами начали бросаться на отряд наш с фронта и с флангов, в особенности с правого, но начальствовавший артиллерией войсковой старшина Харитонов и ракетною командою поручик Корнилевский, меткими выстрелами, каждый раз заставляли неприятеля отступать, с значительным уроном от нашей картечи и от огня застрельщиков. После нескольких неуспешных атак, неприятель окружил наш отряд со всех сторон, напирая особенно с тыла и с фланга; возвышениями занятыми нашей и неприятельской артиллерией, рассыпал густую цепь пеших стрелков и тем открыл возможность своей артиллерии снова действовать. Это вынудило майора Шкупа, выслать в стрелки большую часть нашей пехоты и казаков, которые удерживали непрестанно возобновляющиеся натиски превосходного в числе неприятеля. Огонь артиллерии кокандцев наносил нам менее вреда, чем засевшие в оврагах стрелки их по которым наши орудия не могли действовать успешно. Положение нашего отряда сделалось самое затруднительное; окруженный со всех сторон неприятелем в двадцать раз сильнейшим, он не мог долго выдержать постоянного его напора; Майор Шкуп, решился дать делу другой оборот; заметив, что число кокандцев при артиллерии их и в лагере значительно уменьшилось, он ударил сбор и, приказав штабс-капитану Андрюкову и прапорщику Котуреньке и есаулу уральского войска Шапову, с 3 взводами пехоты, (110 челов.) и сотнею казаков, оставаться на позиции и удерживать неприятеля, остальным 6 взводам пехоты, в (230 человек) и сотни казакам скомандовал: "Ура! на штыки ..., артиллерия на передки, марш-марш!", войсковой старшина Харитонов, поручики Корнилевский и Сливинский и есаул уральского войска Михайлов, быстро двинулись вперед и с

присоединившимися киргизами под начальством султана Искандерова и старшины Курака стремительно ударили на неприятельских стрелковых, опрокинули их, бросились на орудия так быстро, что кокандцам не удалось сделать ни одного выстрела. После нескольких выстрелов картечью по лагерю, неприятель обратился в совершенное бегство, оставив в наших руках все орудия, артиллерийский парк и весь свой обоз. Оставленная на позиции часть отряда должна была между тем выдержать сильнейший ружейный огонь, и даже вступить в рукопашный бой; но ободряемые примером неустрашимых прапорщика Котурьенко и есаула Щанова, (последний получил 7 ран в голову шашкою), солдаты и казаки отбивались, не уступая ни шагу, пока кокандцы, устрешенные пламенем заженного нашими лагеря их, и атакованные высланными на помощь из форта двумя отрядами под командою штабс-капитана Пагурского и гарнизонного инженера-прапорщика Алексеева, каждый из 80 человек пехоты и матросов при одном орудии, не отступили поспешно и в беспорядке. Дело, начавшееся в 7-м часу утра, кончилось в 12-ть часов совершенным поражением. Неприятель был преследуем более 4-х верст казаками, башкирцами и 4-мя сотнями преданных нам киргизов под начальством башкирского войска сотника Карамышева, кокандцы потеряли до 2-х тысяч человек убитыми весь лагерь, 17-ть орудий медных, из которых: две 12 фунт. калибра, четыре 6 фунт. калибра, девять 3-х фунт. единорогов и две мортиры одно-пудовые, большое количество снарядов и пороха, 4 бунчука и 7 знамен. Наша потеря в этом условном деле заключается в 2-х раненых обер-офицерах, в 18 убитых и 47 раненых нижних чинах. По доведении до сведения Его Императорского Величества о блистательном подвиге гарнизона форта Перовский и примерной распорядительности начальника этого, Государь Император Всемилостивийше соизволит наградить подполковника Огарева производством в полковники и из полковников в генерал-майоры со старшинством с 19-го декабря⁵⁵, всем участвовавшим в деле офицерам пожаловать следующие чины, а

⁵⁵ Высочайший приказ 20 января 1854 года.

нижним чинам по два рубля серебром на человека и тридцать знаков отличия военного ордена для раздачи наиболее отличившимся. Сверх того Государь Император, принимая отеческое участие участие в воинских чинах, раненых в этом деле, Высочайше повелел выдать им единовременное пособие сообразно с тяжестью рань. Объявляя по вверенному мне корпусу, и сих щедрых милостях Царя-Отца нашего, с любовью отличающего каждый подвиг на службе отечеству, поздравляю мужественного начальника и храбрых защитников форта Перовский с достойно заслуженною ими наградю, Слава Всевышнему! Слава вам русские воины, верные сыны родимой земли, преданные слуги Государя, на спрашивайте и впредь о числе врагов, считайте их после поражения. Генерал-майору Огареву предлагаю доставить мне без замедления: 1) список гг. офицеров, участвовавших в деле 19-го декабря с означенным при какой части войск каждый из них находился; 2) такой же список офицерам особенно отличившемся; 3) перечневую ведомость нижним чинам бывшим в деле и 4) именные списки раненым офицерам и нижним чинам, с означением ран и лекарским засвидетельствованием о степени их опасности и о разрядке к кому принадлежать.

Подпись: Ген. адъют. Перовский.

ЦГА РУЗ, Фонд 715 ОП 1, Д. 15, Л 69-73

№ 40

Начальнику укрп. войск левого фланга Сыр-Дар. Линии Оренбургскому ген.-губернатору; 31 января 1854 г. Форт Перовский⁵⁶.

По полученным мною от лазутчиков сведениям известно, что в Туркестан прибыло до 2000 войск, в Ташкенте же и Коканде велено откормить к весне по 8000 лошадей годных к походу. Кокандцы убеждены, что русские пойдут в

⁵⁶ Пометка: Получ. 11 марта 1854 года.

Туркестан и Ташкент, поэтому готовят большое войско для защиты, если же русские не пойдут в Туркестан; то кокандцы по словам их вновь будут пытаться овладеть фортом, а если и это будет не возможно, то намерены ограбить и разорить наших киргиз.

О чем Вашему Высокопревосходительству имею честь почтительнейше донести.

Подпись: Подполк. Огарев.

ЦГА РУЗ, Фонд И-715 ОП 1, Д. 15, Л 86

№ 41

Зам. Товарища председателя Оренб. погран. Комиссии И. д. Оренбургского ген.-губернатора: 22 февраля 1854 г. № 60. Оренбург⁵⁷.

Управляющий восточную частью орды, от 12 февраля, доносит товарищу председателя пограничной комиссии, что посланный для собрания сведений о положении дел в Коканде и Ташкенте, зауряд - Хорунжий Султан Маусумбаев, по возвращении ныне в правительскую ставку, сообщил следующее.

Ташкентский бек Сабдан за неудачные действия против русских 24 августа близ форта "Перовский" был, по воле Худояр - Хана, отставлен от должности и опозорен публично перед народом, к чему способствовал преимущественно Касым-бек, по неприязни к Сабдану, между тем сам Касым-бек, после разбития русскими, 19-го декабря, под фортом двенадцати тысячного кокандского войска, им предводимого, боясь подобной же участи, по возвращении в Ташкент с остатком этого войска, большая часть на обратном пути разбрелась по разным направлениям, отправил к Худояр-хану просьбу о помиловании за эту неудачу, приказав посланному передать при этом, что если с ним, Касым-беком, намерены

⁵⁷ Получено 23-го февраля 1854 года.

поступить также, как с Сабдан-Ходжею, то уйдет из Ташкента в Бухару к Канагадчи-Беку; но об ответе на эту просьбу неизвестно.

Якуб-бек, бывший правитель Ак-Мечети, жив и начальствует в Кокандской крепости Ходжент, он был выслан Худояр-ханом с подкреплением из 2-х человек к Касым-Беку, однако, встретив по эту сторону Ташкента его скопище, бежавшее от форта, после нанесенного 19-го декабря поражения, и сам ушел назад.

Рассказывают, по секрету, что с войсками Касым-Бека следовал некоторое время, к форту "Перовский" Хивинский посланник, имя которого не знают, находившийся перед тем у Худояр - Хана, с целью убедиться на деле о действительности отправления кокандцев к форту, ибо с этим только условием владетель Хивы обещал дать им помощь; потом, услышав о поражении кокандцев под фортом, поспешил восвояси.

Неудачи кокандцев против русских подали повод кочующим при вершинах реки Сары-Су, около кожанских укреплений: Такмак и Псекент, дикокаменным киргизам отказаться от платежа закята Кокандцу.

В Ташкенте теперь Куш-Бегием Сары-Бек Даурен-беков, в Туркестане Магдазим-бек.

В заключение сотник Султан Джантюрин, принимая во внимание труды и потери, понесенные означенным Маусумбаевым, при выполнении этого поручения, равно и посланным с ним киргизом Аргинского рода, Чакчакова отделения Буксунбаем Тугузаковым, просит разрешения войти об них с ходатайством.

Имея честь почтительнейше представить о вышеизложенном Вашему Превосходительству, долгом поставляю повернуть также благоусмотрению Вашему и просьбу султана Джантюрина, относительно ходатайства за сообщивших настоящие сведения ордынцев, награждение их за нынешнюю поездку, действительно сопряженную с многими, в зимнее время, неудобствами, могло бы послужить поощрением и для других к подобным услугам на будущее время.

Подпись: А. Плотников.

Резлюция: "О награждении киргиз за доставленные ими из соседних Средне-Азиатских владений сведения не нужно предварительного ходатайства; судя по важности, достоверность и скорость получаемых этим путем известий надлежит в тоже время представлять о выдаче соразмерный денежных наград или подарка. 2 марта."

ЦГА РУЗ, Фонд 715 ОП 1, Д. 15, Л 120-121

Примечание

Перевод с татарского. Донесение Умбед-Али Урманова Приставу при киргизах Большой орды.⁵⁸ 1854.

Настоящего 1854 года, в 13 день января, к нам пришло от начальника Пишпекского укрепления, Баба-Джана, письмо, из которого видно, что против Суфи-бека, ходившего войной на русских, находящихся в Ак-Мечети, выступило русских с урочища Бир-казань 800 человек, что Суфи-бек, сражаясь с ними, одержал победу, пощадил обратившихся в мусульман, умертвил не принявших мусульманизм и что сам Суфи-бек находится в Ак-Мечети. Этого же 1854 года, в 29 день января пришло письмо от самого Суфи-бека. Из письма видно, что Суфи-бек ходил под Ак-мечеть, осаждал это укрепление одну неделю и наконец открыл его. Из города Истырхан и укреплений: Кумуш и Чим выступило и пришло на

⁵⁸ Копия с копии

соединение тысячи три-четыре солдат и тысяч 10 или 15 киргиз, которые и вступили в бой. Мы также, говорит он, немедленно ополчились и с четырех сторон начали войну. Мы так умерщвляли кяфиров, что через трупы их невозможно было пробежать лошади. Сам я благополучно вышел из боя и в добром здоровье возвратился в город Азрет-Султан, сообщив хану нашему известие, что с 4 тысячным войском мы ходили на многочисленного войском врага нашего.

1854 года, февраля 8 дня от Суфи-бека снова получили письмо, из которого видно: наш хан, вступив в дружеские и мирные отношения с Бухарским Государем и в сношении с ханом Хивинским, заключили самые строгие и крепкие условия выступить, по открытии весны, с трех сторон против русских и пойти до гор. Кызыл-Яра (Петропавловска) на войну с русским Белым Царем. Вместе с тем мне, Суфи-беку, повелено ханом отправиться на войну с русскими, идущими с Илийской стороны, для чего я и выступлю с многочисленным войском к Или.

Этого же 1854 года, февраля 19 дня получили мы письмо от старшего начальника (агабашлык) Ташкента Мирзы-Ахмета Мухамед-Амин-Оглы. Из этого письма также видно, наш хан, вступив в дружбу и мир с Бухарским Государем, заключил прочное условие и прочел благословение, чтобы тотчас по открытии осени, хан и государь, с войсками своими, оба прибыли для личного свидания в г. Туркестан, чтобы соединив свои головы, идти войною до Кызыл-Яра на русских.

Доставивший нам письмо Мирзы-Ахмета Юз-баши (сотник) устно говорил, что от владетеля Турции, или Турецкого Императора к ханам: Бухарскому, Хивинскому и Кокандскому пришло известительное письмо, о том, что он с своей стороны выслал многочисленное войско, для войны с русскими и предлагает этим ханам, не допуская близко к своим городам и владениям русских, вышедших в степи воевать с ними. Вот ныне слышанные и виданные нами новости. Один Бог да знает их ложь, или справедливость.

Об этом извещая Вас, мы послали человека. Впрочем обо всем, вероятно Вы имеете от своего главного начальства известие.

Сообщите нам эти известия письменно через нашего посланного, и да исполнится письмо Ваше разными хорошими словами, для того, чтобы народ, узнав правду, или лживость этих известий, сложил свои сердца и мысли в одно место. Не посылая к Вам писем ташкентцев, мы удержали их у себя, а что они действительно получены, то в удостоверении манап Умбед-Али Урманов прилагает свою печать.

Что письма пришедшие от сартов ясно читал и известия, говоренные устно Юз-башею ясно слышал, подписью утверждает Тагир-Танин.

1854 года, февраля 20 дня. Послано с вершин р. Чу, с уроч. Кутур-Булак.

ЦГА РУЗ, Фонд 715 ОП 1, Д. , Л

№ 42

Командир Сиб. Корп. Начальнику штаба Сиб. Корп; 22 апреля 1854 г. № 285,
Петербург.⁵⁹

Из предложений моих от 8 и 12 чис. этого месяца Ваше Превосходительство известны уже о распоряжениях моих, какие я указал сделать на случай нападения Кокандцев на Заилийский отряд.

Сообщив о распоряжениях и принятых мерах Военному Министру я присоединил в отзыв своем, что в случай надобности предполагаю и остальной взвод конной батареи № 21 в Семиполатинске находящийся вместе с штабом этой батареи переместить из Семипалатинска на Копал; для резерва же левого фланга отправить в Семипалатинск один взвод батареи № 20 из Омска. А чтобы усилить левый фланг пехотою если того потребуют обстоятельства, то перевести из Омска в Семипалатинск две роты, а в крайности и целый батальон из числа расположенных в Омске 3 батальонов 1 бригады 24 пехотной дивизии.

⁵⁹ "Получено 10 июля 1854"

Ныне Военный Министр уведомил меня, что предположения и распоряжения мои к усилению Заилийского Высочайшего утверждения.

Почему поручаю Вашему Превосходительству теперь же сделать распоряжение о переводе из Омска в Семипалатинск двух рот батальона № 6, которые в прошлом году не имели движения и одного взвода конной артиллерии батареи № 20, а между тем все сведения какие будут получены с левого фланга степи и от подполковника Перемышльского о намерениях и действиях кокандцев доложить мне с нужными соображениями тотчас по моему возвращении или отправить на встречу мне в г. Тюмень с нарочными.

Начальнику Заилийского отряда подполковнику Перемышльскому и самому отряду внушить, что как бы не были многочисленны скопища кокандцев не терять доверия к превосходству нашего оружия и заменить храбростью недостаток численности; для этого не считать неприятеля, а бить его где встретится. Чем более врагов, тем сильнее должна быть наша мзда и кара по законам войны.

Если бы подтвердился положительный слух, что кокандцы собираются сделать нападение на Заилийский отряд, то взвод конной батареи № 21 отправленный из Семипалатинска в Аягуз отправить на Копал, а о передвижении вместо этого в Аягуз остального взвода этой батареи находящегося теперь в Семипалатинске ожидать особого моего распоряжения, а между тем сделать соображения какие имеются в Аягузе помещения для штаба конной батареи № 21 который должен быть туда перемещен вместе с остальным взводом.

Подпись: Ген.- адъют.- инф. Гасфорд

ЦГА РУз, Фонд 715 ОП 1, Д. 15, Л 176-177

Приложение 1

Манап Умбед-Али Урманов-приставу подполковнику Перемышльскому.
(перевод с татарского)

Письмо Ваше, писанное 22 марта этого года за № 94 вместе с донесением об Ак-мечети я получил и прочел его отцу моему Урман-батырю, всем манапам Сары-багыш и народу. Через разъезжающих киргизов к султанам и джангарач Ишкаджин узнал об этом и по его просьбе, мы с означенного письма списали копию, прибавили от себя несколько слов и через Байкабула послали к нему. Байкабул, передав письмо, возвратился. Когда здешние киргизы услышали слова Вашего письма, то у всех пробудились сердца и видно, что они хотят направиться на ум и исправиться.

Нынешнего года в 20 день апреля ташкентец Тумалак Ходжа к нам привез письмо от Ташкентского Мирзы-баши Мухамед-Юсуфа-Бай-Мухамедова. Из этого письма видно, что ташкентцы, немедля будут советоваться, касательно войны с русскими. Доставивший это письмо, Тумалак-Ходжа, рассказывал, что в Хазрети-Ауле-ата уже собрано 7 тысяч войска находятся наготове. По приглашению Мирзы баши, приехать к ним, мы посоветовались со своим народом и определили послать туда сына Джантая, который и отправился к Мирзе-баши с Тумалаком. Он узнает о силе и средствах ташкентцев и как справедливо это; когда он приедет, мы обо всем Вам сообщим.

Новости следующие: 25 апреля этого года ташкентский бий Рахманкули-Оглы выехал с 15 человеками и роздает народу при письмах подарки от имени Кокандского Хана и Мин-юаши Касыма. В письмах они просят, чтобы народ опоясав крепко свои поясницы, не ввергая их в стыд, по возможности захватили бы русских в плен и выдали им. Развозящий подарки бий Рахманкули говорить, чтобы Дикокаменные киргизы вступили в войну с русскими, находящимися на Исыке и привели бы их к ташкентцам. По всем этим случаям и обстоятельствам и по другим делам, султы, Сарыбагыши и другие волости собрались на совет, и мы рассылаем всюду известия. Хотя теперь же Мулла Тагир и хотел ехать к Вам, но я оставил его до получения результатов совета и до прибытия посланных к ташкентцам, от которых будут известия; о них я также сообщу Вам и пошлю его.

Что будет нового с Вашей стороны напишите все это яснее, в виде рассказа, и сообщите нам через посланного к Вам с этим письмом Байкала, которого возвратите к нам немедленно.

Еще вот что: наших волостей манап Тюрегильды Габайдуллин входит во все мои советы и наставления, касательно России, и приложил здесь свою печать, что и удостоверяю я своею печатью.

Письмо Мирза-баши мы прилагаем, а кокандское письмо оставили у себя, но я его ясно читал и сам разговаривал с Тумалак-Ходжею и приехавшим из Коканда бием Рахманкулы-Тагир Танин. 1854 года, апреля 29 дня. Послано с правой стороны Чу, с уроч. Кос-Тюбе, где скончался мятежный султан Кенисары.

Что я обязываюсь слушаться во всем когда бы ни было касательно России, и следовать советам манап Умбед-Али Урманова, то в удостоверение прилагаю печать. Манап Т.регильды Абайдуллин.

Приложение 2

Вольный перевод с Бухарского.

Отцу нашему бию Баубеку, Адылбек-Хафзы, Биенбаю, Байсербеку, Чума и прочим почетным и преданным друзьям нашим.

Усерднейшим, преданнейшим, справедливо думающим, имеющим добрую веру по засвидетельствовании премногих приветствий и поклонов и извещаний о нашем спокойствии, скажем, что, благодаря Всемогущего Бога, мы со всех сторон и во всяком случае всем довольны. Затем следующее извещение: волею и славою Всевышнего и Всемогущего Бога, и по повелению высокостепенного хана нашего, управители собрали с волостей закят. Для большого спокойствия и чести, мы выступили с двух тысячным ополчением храбрых всадников и в доброе время и час, в десятый день месяца, день джумы (недельный), вступили в Аулие-Ата; высокостепенный парваначи также со своей стороны, в скором времени за нами

приедет сюда с сильным военным отрядом, о чем мы, как дети, сыновним путем, извещаем Вас, высокопочтенные отцы.

Вам следует тотчас по получении этого письма; с истинным направлением мусульманина, дать наставление всем сынам, ближним и дальним; носящим имя мусульманина, присоединить их к себе и узнавать и блюсти о справедливости, добро преданности и намерениях их с чистою правдою. Сами же Вы с совершенною преданностью мусульманина приежайте к нам в Аулие-Ата и сообщите нам, что знаете и слышали Вы со своей стороны. Пусть все узнают и услышат и о наших делах, словах и советах! Между нами, высокопочтенные, и Вашим киргизским народам нет различий. С давних пор Ваша честь считается нашею честью. Если же Вы это время приедете к нам на свидание, то добро и Ваше золотое внимание будет известно высокостепенному парванчи и Вы узрите, доселе не виданное, наше внимание и покровительство. Носящие имя мусульман, соединившись в одно целое, выступили против кяфиров, чтобы приобрести почтение, направляя в них стрелы наши. Отобрать и разделить мусульман с мусульманами, кяфиров с кяфирами, будет видно и тех, и других. Назвавшие себя мусульманами, слугами Бога и поданными Государя да соединятся с Вами и увидят нас! Тех же, которые, отвратя лицо свое от ислама, будут помогать кяфирам и не одобрять слов Ваших, оставьте отдельно; с помощью Божею, мы будем иметь дело уже с ним. Покровительствуя Вам, мы посылаем каждому по одежде. Остальное услышите от Бек-Мухаммеда; вникните и верьте! Да будет мир с Вами!

ЦГА РУз., Фонд 715 ОП 1, Д. 15, Л. 203-206

№ 43

Командир Оренб. корп. Генерал-губернатору Зап. Сиб. 9 июля 1854 г. № 1023

Оренбург.⁶⁰

⁶⁰ "Получено 20 июля 1854"

Имея в виду, что станица Улутаусокая вверенного Вашему Высокопревосходительству края, составляя крайний военный пункт со стороны кокандских владений по отдаленному положению своему как от Кокана так и от форта Перовский не имеет средств получать своевременные сведения о замыслах кокандцев, на означенный пункт, и на форт Перовский, я предписал начальнику укреплений и войск левого фланга Сыр-Дарьинской линии, полковнику Барону Фитингофу чтобы он, в случаях того заслуживающих, постоянно уведомлял начальника Улутауского отряда есаула Обходцева о намерениях кокандцев и вообще о замечательных происшествиях на р. Сыр-Дарьи.

О чем считая долгом довести до сведения Вашего Высокопревосходительства, имею честь покорнейше просить не оставить с своей стороны вменить в обязанность начальнику Улутауской станицы доносить о всех выжных случаях и известиях получаемых со стороны кокандцев; и дать ему по возможности для этого средства.

Подпись: Ген-адъют. Перовский.

ЦГА РУз, Фонд 715 ОП 1, Д. 15, Л. 258

№ 44

Приказ по Оренб. корп; 15 февраля 1855 г. № 25 Оренбург.

Государь Император, во внимании к засвидетельствованию моему о примерном усердии и трудах лиц участвовавших в прошлом 1854 году в возведении укреплений на Сыр-Дарьинской линии, Всемилостивейше пожаловать соизволил, следующие чины: Адъютантам моим Уланского его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полка ротмистру Барыкову 2-му и Состоящему по Кавалерии Поручику Кутлеру, с зачислением первого и оставлением последнего по Кавалерии. Оренбургского Линейного № 4-го батальона Командиру этого и Начальствующему фортом "Перовский" Майору Скалимовскому, с оставлением в настоящей должности и Полевому Инженер-Подпоручику Сильману.

Высочайший приказ 26 января 1855 г. Годовой оклад жалованья. Полевому Инженер-Поручику Антоневичу по полугодовому окладу жалованья. Оренбургского Линейного № 4-го батальона: Начальнику форта № 1-го Капитану Булатову, Прапорщику Недорезову и Гарнизонному Инженер-Поручику Васильеву. О таковых Монарших милостях делаю известным по вверенному мне Корпусу, к надлежащему исполнению и сведению.

Подпись: Ген.- адъют. Перовский.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 42

№ 45

Приказ по Оренб. корп; 24 апреля 1855 г. № 95. Оренбург.

Объявляю по вверенному мне Корпусу, Высочайший Всемиловитивейший Рескрипт, которым Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить меня: Копия. "Граф Василий Алексеевич. Состоя с 1816 года при почившем в Бозе Августейшем Моем Родителе, вы были одним из ближайших свидетелей пламенного стремления Его на благо и славу России. Воодушевленные высокими Его побуждениями, вы с юных еще лет приобрели Его доверенность и сохранили ее до самой Его кончины. В первом Турецком походе, Вы оказали, под стенами Анапы и Варны, мужество и самоотвержение важна, уже подвизавшегося с честью в достопамятном 1812 году. За тем, многие важные поручения и в особенности устройство Оренбургского края открыли обширное поприще вашему просвещенному и неутомимому усердию. Незабвенный Мой Родитель, любя вас, как верного сподвижника первых Своих трудов, уважал ваши заслуги и ценил вас как одного из самых ревностных исполнителей благотворных Его указаний. В постигшей нас горестной потере, Мне утешительно повторить Вам выражение чувств, которым Наш Благодетель отвечал на вашу к Нему неограниченную преданность. В ознаменовании этих чувств и в изъявление личной Моей

признательности за достохвальное служение ваше Престолу и Отчеству, Я возвел Вас Указом, данным этого числа Правительствующему Сенату, в Графское Российской Империи достоинство". "Пребываю к вам навсегда неизменно благосклонный и искренно доброжелательный". На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано "Александр". С.-Петербург 17 апреля 1855 года.

Подпись: Ген.- адъют. граф Перовский.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 69

№ 46

Командир Сиб. Корп. Консулу в Кульдж 30 апреля 1855 г.

№ 494.⁶¹

По рассмотрению рапорта Вашего Высокоблагородия от 18 этого апреля с № 9, я нахожу соображения Ваши относительно усиления охран консульства под предлогом перевода почты в Кульджу, совершенно основательными, но признаю более удобным к избежанию вопросов и опасений со стороны китайского в Кульдже начальства, а также к устройению затруднения в посылке экстренных известий с Копала, отправить ныне для сопровождения Вас только 1 урядника и 1 казака из числа назначенных для посылки с почтою в Кульджу 4 человек присоединив к ним 1 конвойного казака этих трех человек представляю Вам удерживать в Кульдже, до прибытия точно таким же образом 2 сметы, которая в свою очередь должна ожидать возвращения с Копала 1 сметы. Вследствии такого распоряжения консульства будет иметь в своем распоряжении постоянно сверх состоящих в нем 2 урядников и 2 казаков еще 1 урядника и 2 казаков подробности приведения этого распоряжения в исполнении изложены в предписании моем командиру 10 казачьего полка полковнику Абакулову от 30 апреля с № 495 с которого копию для сведенья и руководства Вашего при этом прилагаю.

⁶¹ Копия с копии.

Впоследствии если бы обстоятельства потребовали охраны консульства могло бы быть усилена командированием еще 2 строевых казаков под тем же предлогом перевода почты, о чем представляю Вам войти в свое время с представлением.

Что же касается 2 пункта соображений Ваших о вероятности отступления маньчжуров из Кульджи, то я сообщил о них с моим заключением Министерству Иностраннных дел.

Подпись: Ген.-от- инф. Гасфорд.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 72

№ 47

Начальник форта Перовский в штаб Оренб. корп.; 11 мая 1855 г. № 2039. Форт Перовский.⁶²

Господин Командующий линиею, выступив 8 числа этого мая с 32 казаками Уральского войска при 1 штаб-офицере и 1 обер офицер к урочищу Бер-Казань, 9 числа этого же месяца предписал за № 1 выслать на это урочище по военным обстоятельствам отряд из 150 человек пехоты при 1-м 3 фунтовом орудии и 1 ракетном станке, вследствие чего этого же числа выступил из форта под командою штабс-капитана Сосиновича отряд с 7 дневным продовольствием, состоящий из 2-х обер офицеров, 12 унтер офицеров, 4 музыкантов, 150 рядовых линейного Оренбургского № 4 батальона при одном 3 фунтовом орудии и 1 ракетном станке с 15 ракетами при 2-х фейерверкерах и 9 артиллерийских, 1 нестроевого, 1 посыльного, 1 вожака.

О чем штабу отдельного Оренбургского корпуса имею честь донести.

Подпись: Подполк. Сколимовский.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 73-77

⁶² "Получено 7 июня 1855 года".

№ 48

Начальнику форта Перовский в штаб Оренб. корп.; 20 мая 1855 г. № 2148. Форт Перовский.⁶³

В дополнение рапорта моего от 11 мая за № 2039 имею честь донести штабу отдельного Оренбургского корпуса, что командующий Сыр-Дарьинской линеею генерал-майора Барон Фитингов с лтрядом 13 числа этого месяца с дороги от урочища Бер-Казан в форт Перовский прибыл.

Подпись: Подполк. Сколимовский.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 78-79

№ 49

Начальник форта Перовский Командующему Сыр-Дарьинской линией; 11 июня 1855 г. № 1350. Форт Перовский. (Секретарь).⁶⁴

Начальник Бурюбайского поста рапортом от 11 июня за № 9, полученным того же числа в 5 часов утра донес, что кокандцы, в числе 1500 человек, появились на левом берегу р. Сыр-Дарьи, против того поста, грабят кочующих там подведомственных нам киргиз, захватили старшину Курака, киргиза Байгильду и некоторых других и что даже с поста слышны выстрелы, это подтвердил киргиз Джаппаского рода Мусамбай Турких, сбежавший с места грабежа к посту Бурюбай и прибывший с казаком доставившим упомянутое донесение за № 9.

Немедленно по получении этого донесения составлены два отряда: первый под начальством прапорщика Денбского, из 38 человек, 6 казаков при одном ракетном станке с прислугою, который выступил в 7 часов утра на подкрепление поста Бирюбай, а другой под начальством подполковника Деменева, состоящий из трех обер-офицеров, 127 унтер-офицеров и 200 рядовых пехоты, 50 казаков при одном

⁶³ "Получено 13 июня 1855 года".

⁶⁴ "Получено 15 июня 1855 года".

офицере, одного ракетного станка и 1 трех фунтового орудия с прислугою, переправлен на противоположный берег Дарьи, против форта, откуда отправился в час по полудни по тому берегу вверх по реке для прекращения грабительства неприятеля.

Между тем, этого же дня в 11 часов утра, я получил от него же, начальника Бурюбаевского поста, другой рапорт за № 10, в котором доносит, что скопища киргиз и кокандцев на развет в виду поста за Дарьею ударили на киргиз преданных нам, начали их грабить; тут завязалась ними драка, которая продолжалась не более получаса, при чем 5 человек убито и множество ранено, поэтому киргизы, переправившись к посту, просили прислать лекаря для необходимой перевязки раненных. Начальник поста имея малочисленный отряд, из 25 казаков, из которых только 5 конных, не в состоянии был подать помощи ограбленным киргизам и потому еще, что не имеется у него перевязочных средств, почему он приказал своим казакам стрелять с берега за реку в скопище, и это так подействовало.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 97.

№ 50

Товарищ Министра Иностр. Дел Генерал-губернатору Зап. Сиб.; 13 июня 1855 г. № 1361. Петербург.⁶⁵

Отношением от 3 минувшего апреля, № 496, Ваше Высокопревосходительство, вследствие поступившего к Вам представления от консула нашего в Кульдж, изволили ходатайствовать о переводе Копальской почты в Кульджу, т. е. Чтобы шесть человек для этого назначенные, имели жительство в Кульдже при нашем там консульстве, что даст возможность консулу делать иногда экстренные посылки когда обстоятельства будут того требовать, не ожидая для него срочных в Россию отправлений: прибавка же к ассигнуемой ныне на содержание

⁶⁵ "Получено 6 июля 1855 года".

помянутой почты сумме, в случае перевода почты в Кульджу, будет составлять, по учиненному расчету 281 руб. 93 коп. сер. в год, как изволили также о нем уведомить в помянутом отношении.

Министерство Иностранных дел по этому предмету входило с докладом к Государю Императору, и Его Императорскому Величеству благоугодно было на вышеизясненную меру изъявить Высочайшее соизволение. Вследствии чего Министерство не оставит учинить надлежащие распоряжение, чтобы означенные добавочные 281 руб. 93 коп. сер. С 1856 года были также отпускаемы в введение Вашего Высокопревосходительства. Что же касается до суммы, какая по расчету причтется из этих добавочных денег за нынешний год, то я покорнейше прошу меня об этом уведомить для учинения надлежащих распоряжений к ассигнованию Вам и этой суммы.

Подпись: Сенявин.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 98-99.

№ 51

Командир Сиб. Корп. Военному Министру; 15 июня 1855 г. № 33. Город Аягуз.⁶⁶

По прибытии моем в город Аягуз, я встречен был командиром 4 бригады Сибирского линейного казачьего войска, полковником Хоментовским, который доложил мне следующее:

Усиление Заилийского отряда войсками, им на помощь подполковнику Перемышльскому приведенными распространившимся тотчас между киргизами молва о движении с Копала, Аягуза и Семипалатинска значительных масс войск и о личном моем выезде из Омска в Заилийский край не только одобрило наших киргизов Большой Орды, но навело страх на самих кокандцев, которые поспешно оставили равнину Или и стянулись на р. Чу. Те и другие в наших распоряжениях

⁶⁶ "9 июля 1855 года.

убедили твердое намерение наше не покидать ни под каким видом прав российского правительства на полное владение Заилийской долиной. Хотя причиною внезапного своего отступления к р. Чу кокандцы выставляют плохое состояние своих лошадей, весьма много потерпевших от дальнего и продолжительного перехода и хотя они распускают между киргизами большой Орды, нам преданными, слухи, что останутся на Чу только до осени, но этому совершенно верить нельзя и может быть только западней для наших киргизов: ибо в тоже время враждебные их к нам действия выражаются в воззваниях к этим-же киргизам действовать вместе с ним заодно против нас; сбором через вооруженные команды ясака с дикокаменных киргизов и принуждением присоединиться также к ним, о чем к манапам Урыану и Джантаю были посланы от имени Кокандского Хана особые повеления.

По сообщении мне полковником Хоментовским этих сведений, я оставил в полной силе все распоряжения сделанные мною к обороне Заилийского края, известные Вашему Сиятельству из предыдущих моих отношений, и продолжаю свой путь далее в укрепление Верное, по прибытии куда новые известия о состоянии здешних дел и личное удостоверение укажут мне те меры, какие нужно принять к обороне этого укрепления и вообще Заилийского края.

Укрепление Верное, верки которого, как известно Вашему Сиятельству, начали воздвигаться только во второй половине прошедшего года, не имеют еще самостоятельной обороны, а потому я распорядился усилить работы в этом, посланною в добавок 3 ротой 8 батальона и увеличить число орудий отправлением к находящимся ныне в Верном двум мортирам и двум 3 фунтовым пушкам (независимо от полевых 4 орудий конно-артиллерийской казачьей № 21 батареи, назначенных собственно для действий в поле) из Семипалатинска 3 крепостных чугунных орудий с крепостными лафетами и с Копала 2 полупудовых единорогов на нарочито приготовленных для первых особых повозков; ибо хотя для обороны укрепления Верного и присланы по распоряжению артиллерийского департамента в начале нынешней весны 10 орудий, но орудия эти доставлены без

лафетов, приготовление которых в Омск по ограниченным средствам Сибирского окружного арсенала не может быть скоро сделано, как об этом донес мне начальник артиллерийских гарнизонов Сибирского округа.

Считаю долгом довести также до сведения Вашего Сиятельства, что при настоящем проезде моем, я встретил назначенные по Высочайшему повелению к переселению за Или, на Лепсу и Урджар, долженствующие переселиться в нынешнем году казачьи семейства, которые найдены в хорошем состоянии и в скором времени придут к своим местам. Из них водворение следующих за Или при настоящих смутных обстоятельствах требует особенных мер ограждения их безопасности и потому я предлагаю назначить для этого особый отряд из числа тех войск, которые посланы мною для подкрепления Заилийского отряда, дабы не остановить этого водворения.

Подпись: Ген.- от- инф. Гасфорд.

Резолюция: "Доложено Его Величеству. 8 июля 1855 г. Князь Долгоруков".

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 100-101

№ 52

Командир Сиб. Корп. Военному Министру; 21 июня 1855 г. № 41 г. Копал.⁶⁷

После остановки моей на некоторое время в городе Аягуз для распоряжений к совершенному изгнанию с наших земель китайских золотопромышленников, которые, как известно Вашему Сиятельству из отношения моего от 6 июня этого года № 27, заняли почти все пространство от Копала до дороги в Чугучак и для принятия других мер к охранению общей безопасности края, я прибыл ныне в город Копал, где узнал, что в Заилийском крае по настоящее время все спокойно и

⁶⁷ "Получено 20 июля 1855 года".

благополучно. Кокандцы озадаченные движением наших войск и видя, что киргизы Большой Орды, несмотря на обещание и старание изменника Тоучубека и его партии не спешат пристать к ним, остаются в своих крепостях и близ р. Чу и не решились предпринять ничего ни против укрепления Верного, ни против наших киргизов Большой Орды, из которых прикочевавшие к р. Или, или перешедшие даже за ободренные нашими распоряжениями подвинули кочевья свои вперед по Заилийской долине.

Я до этого времени не мог получить положительных сведений о численной силе и составе кокандского отряда. Поэтому я подозреваю, что число его было преувеличено в первоначальных донесениях подполковника Перемышльского, основанных на показаниях киргизов, находившихся под влиянием страха. От Омска до р. Чу слишком 2000 верст; удостоверение в истине медленно.

Между тем враждебная к нам действия кокандцев достаточно обнаруживаются из усиления ими пограничных своих крепостей; сбора независимо от того особого отряда; посылки команд для взимания зякета (ясака) с дикокаменных киргизов и склонения как их, так и подведомственных нам киргизов действовать с ними заодно против нас.

Войска наши находящиеся в укреплении Верном, не предпринимали также ничего против Кокандцев, не имея повеления двинуться к р. Чу, но между Адбанами (одним из родов Большой Орды) происходили с передовыми постами Кокандского отряда, который как видно состоит на половину из скопищ мятежного Тоучубека, некоторые стычки, доказывающие преданность нам этого колена.

Теперь я отправляюсь далее в укрепление Верное, чтобы во - первых по ближайшим местным удостоверениям распорядиться временною обороною впредь до окончательного устройства предположенных в нем по Высочайше утвержденному плану крепостных верков, во-вторых собрать всех киргизских султанов и родоначальников Большой Орды и дикокаменных манапов как рода Богу, поступившего в наше подданство, так и других по особому приглашению,

чтобы им выставить на вид все коварство Кокандского правительства, которому они, как не подвластные, не обязаны платить ясака, а напротив того, вразумить их и дать им твердое убеждение, что их спокойствие и благосостояние ожидать должны только от покровительства всероссийского Государя, законного и великодушного покровителя свободы и безопасности всех киргизов. А вместе с тем я намерен достойнейших и преданнейших нам султанов и старшин поощрить небольшими наградами и подарками. Власть кокандцев на верховьях р. Чу, отдаленных на весьма значительное расстояние от Ташкента, а собственно от Кокандских владений совершенно отделенных снеговым хребтом гор, весьма шатка в этой стране и отчуждение от них всех, кочующих здесь колон киргизов, ее сделает еще более шаткою и не верною, и наконец в-третьих удостовериться лично принятием указываемых военною опытностью распоряжений в числе, силе и намерениях неприятеля и какие с нашей стороны подлежат принять меры к совершенному успокоению этой страны и к ограждению наших в этом водворении.

Подпись: Ген.- от - инф. Гасфорд.

Резолюция: "Доложено Его Величеству. 19 июля 1855 г. За Военного Министра генерал-адъютант Катенин".

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 105-106.

№ 53

Оренб. ген.- губернатору Управляющему Министру Иностранных Дел; 11 декабря 1855 г. № 2011. Оренбург.⁶⁸

Местный Начальник над киргизами Адаевского рода, кочующими около Ново-Петровского укрепления, Баймухаммед Маяев, доставил к коменданту этого укрепления присланные из Хивы к киргизким старшинам Адаевского рода, три

⁶⁸ Копия с копии.

подлинных возвания, из которых одно от имени хана Мухаммед-Кутлумурата, а остальные два от Султана Каип-Галия Исан-Галипа.

В бумагах этих, объявляется всем почетным и влиятельным биям Адаевским, о вступлении на престол нового Хана Кутлумурата повелевается напасть на Туркменов Джалмудкского племени, отложившихся от Ханской власти, и наказать их за беспорядки и грабежи, производимые в пределах Хивы.

Сообщая об этом Вашему Превосходительству, я имею честь присовокупить, что Адаевские Старшины, как доносит Комендант Ново-Петровского Укрепления, не изъявляют никакой склонности следовать внушениям Хивинского Правительства.

Подпись: Ген.- адъют. Граф Перовский.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 16, Л 235.

№54

Оренб. ген. губернатору Управляющему М.И.Д; 29 января 1856 г.

Относительно событий в соседних нам Среднеазиатских владениях и положения тамошних дел в последнее время, честь имею сообщить Вашему Превосходительству о нижеследующих, заслуживающих внимания обстоятельствах.

В Кокандском Ханстве в настоящее время все спокойно. Внутренняя язва этого владения, кипчаки не предпринимают ничего... Старший брат настоящего Кокандского хана Мулла Бек, года три тому, в следствие неудачного восстания против Худояр-Хана, бежавший из Ташкента в Бухару, ныне возвратился оттуда в Коканд, и братья примирились. При таком благоприятном для Ханства положении дел, надлежало бы ожидать возобновления замыслов против укреплений наших на

Сыре: но об этом покуда ничего не слышно только туркестанский бек и Яны Курганский Калондер, по-прежнему всеми силами стараются ограбить, разорить и заставить тем перейти к себе, кочующие в Районе форта - Перовский Киргизский аулы.

В Хивинских владениях напротив внутренние раздоры дошли до крайности. Теперь три хана оспаривают там власть друг у друга. По смерти Обдуллы Хана, убитого в деле с туркменами при крепости Казыль - Текирь, Ханом в августе прошлого года провозглашен был племянник покойного Мухаммеда - Гали Хана, 18-летний Кутл Мурад.

Война с туркменами продолжалась между тем с прежним упорством и большими для них успехами: по последним известиям, все города и крепости Хивинские, кроме Хивы, Пидняга и Адаруза, находились в руках туркменов, которые, в числа 15000, начали даже и осаду Хивы, где у Кутлу - Мурада есть более 2000 защитников. Вслед за туркменами восстали и Каракалпаки; вместе с киргизами, провозгласили они Ханом Карапалпака Зарлик - Тюрю, тогда как туркмены, со своей стороны, ханом объявили почетного туркмена из племени Яумуд, отделения Эмрели, по имени Атанияз. Говорят, впрочем, что наскучив войною и раздорами, все три партии хивинцы, туркмены и каракалпаки - обратились уже к Бухарскому эмиру с просьбою принять их под свое покровительство. Принять Эмиру это предложение или нет и присоединиться Хиве к Бухарским владениям добровольно или присоединение Эмиром будет силою орудия, во всяком случае настоящие раздоры в Хиве для Бухары имели уже то выгодное последствие, что более 2000 семейств бухарцев увезенных в плен покойным Мухаммед - Гали Ханом и поселенных ими около городов Хивы и Пидняка, возвратились теперь обратно на родину.

По отношению к нам беспокойств в Хиве тем, что начальствовавшие в крепости Ходжанияз Хивинец Ирджан, получил из Хивы от родственников какие-то важные известия, бежали туда 40 человеками гарнизона из Каракалпаков, оставив укрепление на руки Ходж Абдул - Халику. Узнать об этом, зимующие в

окрестностях киргизы Чумекеевского и других родов, которые прежде не ладили с Иржаном ворвались в оставленную крепость, расхитили все находившееся в ней имущество, переломали крепостные ружья и изрубили лафеты от двух пушек, которые по тяжести взять не могли. Абдул-Халик принужден был бежать в остальную часть гарнизона и имея родственников между нашими Ходжами, в район форта Перовский, кочевал к ним, после чего явившись к г. Осмоловскому лично подтвердил ему обстоятельства Ирджанова бегства и разорения Ходжанияза киргизами.

На первое время последствием оставления Хивинцами Ходжаниязовской крепости было только усиление грабежей между нашими киргизами со стороны тамошних. Прежде, более или менее удерживал их от этого начальник крепости: оставленные - же теперь на собственный произвол, и одобряемые безналичием в самой Хиве, киргизы, кочующие по Куван-дарье, без сомнения не замедляя проявить свою независимость какими-либо еще большими беспорядками: в предупреждение этого, посылаю им, для угрозы, в окрестности Ходжанияза небольшой отряд: вместе с тем, по поводу изложенного случая считаю обязанностью обратить внимание Вашего Превосходительства на положение Ходжанияза, пространство между правым берегом Сырдарьи и протоком Чиргаила или Кувана составляет, отделенный от них безводный Кызыл-Кум на несколько сот верст.

Между Сыром и Куваном камыш в изобилии, люди приходят ежегодно зимовать в большом числе киргизы наши Чумекеевского и других родов. Этою же полосой должны следовать из Бухары в Россию и обратно все значительные караваны бухарские. Понимая важность Кувано-Сырской полосы, хивинцы лет десять тому устроили здесь на самом Куване, в 160 верстах на западе от Ак-Мечети, ныне форт Перовский и всего в 85 верстах к юго-западу от урочища Кармакчи где ныне форт наш № 2 укрепление, по имени основателя своего получившее название Ходжинияза. Гарнизон здешний смотря по обстоятельствам состоявший от 50 до 200 человек, поддерживает владычество хивинцев над

окрестными киргизами, получает от них закят, наблюдает за действиями русских и кокандцев на Сыре, более всего собирает с мимопроходящих бухарских караванов транзитную пошлину, состоящую немаловажный источник доходов Хивинского Правительства.

Если, это весьма возможно и вероятно, Эмир Бухарский присоединит тем или другим образом, Хивинские владения к своим собственным, а Ходжинияз между тем не будет занят ни нами, ни кокандцами, то крепость эта также сделается достоянием бухарцев. До сих пор мы с Бухорою находились в мирных отношениях и одною из главных тому причин была разделенность пределов наших от бухарских. Когда мы войдем с бухарскими владениями в непосредственную сопредельность, то вместе с тем возникнут неизбежные между пограничными жителями ссоры, которые в свою очередь доводят до неприятных отношений между правителями. Своевременным со стороны нашей занятием брошенного хивинцами Ходжанияза возможность подобных столкновений с бухарцами была бы устранена если не совсем, то в весьма значительной степени: этим уничтожилась-бы сопредельность с Бухарой, ибо как замечено выше, от Хивинского и Бухарского владений по р. Аму, Ходжинияз отделяется безводными и необитаемыми песками на несколько сот верст. По пескам этим трудно и почти не возможно пройти значительным военным силам с тяжестями потому и в военном отношении песчанная пустыня эта представляла бы весьма выгодную и безопасную для нас границу. Во всяком случае, если не займем Ходжанияха мы, так без всякого сомнения, зная выгодное положение овладеют им кокандцы, что нисколько не послужит нашей пользе. Наконец занятие Ходжанияза русским гарнизоном не вовлекло бы нас и в неприятности с Хивою, предполагая, то что там может водвориться какой-нибудь порядок, и сохраниться независимость этого владения: тогда возвращение Ходжанияза хивинцам, если бы это, по обстоятельствам, сочтено было нужным, не могло бы.

Подпись: Ген. адют. граф Перовский

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП1, Д17, Л 29-32.

№55

Командир Сиб. Корп. Исправляющему д. Пристава при киргизах Большой орды;
9февраля 1856г. № 126

Вследствие рапорта Вашего Высокоблагородия от 23 декабря 1855 года за № 780, я имею честь Вас уведомить, что я совершенно одобряю все предположения ваши относительно высылки весною текущего года небольшого отряда казаков на Иссык-Куль для возведения там укрепления в кочевьях дикокаменных киргизов рода Богу; но в отношении продовольствия нужно принять такие меры, которая бы обеспечивала отряд независимо от пособий богинцев. Предполагаемое укрепление должно быть возведено в небольшом размере; помещение для казаков внутри его построить также временное, ибо на первых порах достаточно будет оставить отряд на одно лето, возвратив казаков к зиме на свое место. В отношениях наших к Тезеку не выказывать никакой перемены впредь до поры и времени, лаская его одной и страшая другой рукой и надобно сказать правду, что его вражда с кокандцами нам до сего времени была полезна и он не отказывался содействовать нам усердно за то что даны ему золотая медаль и почетный султанский халат, но чин он получит не прежде, покуда я совершенно буду им доволен. Следить тайно за его замыслами и предприятиями-необходимо. Приписано г. корпусным командиром: "богинцы могут пособить лошадьми, чтобы не изнурить казачьих, казакам же не засыпать".

Подпись: Ген.-от-инф. Гасфорд.^x

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 17, Л. 60

№56

^x Копия с копии.

Записка неизвестного с критическим разбором проектов относительно наших действий в Закавказье, Персии,

Средней Азии.

28 февраля 1856 г.

В содержании записки Барона Торнау говорится что, Англия для ограждения своего владычества в Ост-Индии, употребит все усилия, чтобы отторгнуть от России Закавказские владения и водворит свою власть на южном берегу Каспийского моря.

Эти замыслы врагов наших не замедлят осуществиться не далее, как в предстоящую кампанию, если с нашей стороны не будут приняты безотлагательно самые решительные меры противодействия. Владычеству нашему в Закавказье угрожает опасность с разных сторон:

1) От Черного моря и Турецкой границы можно ожидать вторжения значительных союзных сил, появление которых может произвести внезапный переворот во всем населении Закавказского края; на верность грузин мы еще менее можем полагаться, чем на сочувствие к нам татарского племени.

2) В случае успеха врагов наших в Грузии, мы едва ли не будем иметь возможность сохранить главное сообщение наше по Военно-грузинской дороге, и будем принуждены очистить все посты расположенные по границам Дагестана. Единственный путь отступления нашим войскам останется к берегам Каспийского моря.

3) Между тем и этот путь отступления может быть угрожаем Персиею, которая недолго останется нейтральной, угрозой и настоянием западных держав, поддержанные присылкой тысяч 30 войска из Индии в Персидский залив, увлекут Персию и принудят ее идти против нас.

Таким образом войска наши, угрожаемые со всех сторон, будут поставлены в самое опасное положение; в одну кампанию мы потеряем все Закавказские владения, а с ними вместе влияние на Среднюю Азию, и установленное

последствием трактатом с Персиею, исключительное наше господство на Каспийском море.

Для отвращения столь пагубных последствий, признается крайне необходимым теперь же, без малейшего промедления, принять следующие меры:

1) Устранить все преграды, как физические, так и нравственные, препятствовавшие доселе развитию сообщений по Каспийскому морю которое должно служить нам главным базисом, путем сообщения и даже операционной линией.

2) Усилить сколь возможно на Каспийском море нашу военную флотилию, так, чтобы она была в силах противодействовать всяким покушениям врагов наших утвердить владычество свое на южных берегах моря, или постройкою судов, или возведением крепостей. Мы должны быть всегда готовы поддержать силою исключительное наше господство на этом море, не позволяя появляться на нем никому иному флагу, кроме русского.

3) При паражодной флотилии должно быть достаточное число транспортных судов, для внезапной перевозки войск куда окажется нужным.

4) Главным опорным пунктом нашим морским силам на западном берегу моря должен быть Баку. Необходимо обратить этот приморский город в первоклассную крепость, которая вмещала бы до 10.000 гарнизона и служила бы главным складом для Закавказских наших войск. В случае даже не благоприятного оборота дел на Грузии, высылаемый из Баку отряд тысяч в 5 или 6, может держать в спокойствии и повиновении все восточные и мусульманские области.

5) С другой стороны в юго-восточном углублении Каспийского моря следует нам занять Ах-Кале, лежащий на границах Персии с землями туркменцев, в плодородной стране, близ морского берега (между р. р. Гурган и Карасу). Возведение здесь крепости вмещающей от 10 до 20000 тыс. войска, доставило бы нам грозное положение, как в отношении Средней Азии, так и самой Персии. Отсюда войска наши могли бы в 4 дня занять богатейшие области Персидские (Гилян, Мазандеран, Астрабад), а в 15 дней достигнуть самого Тегерана. Через это

мы держали бы Персию в постоянном страхе и не позволили бы ей передаться на сторону врагов наших; с другой стороны англичане уже не осмелились бы послать в Персию часть Ост-Индской армии своей; ибо крепость наша в Ах-Кале была бы для них постоянным страшилищем.

6) Для охранения Закавказских наших владений со стороны Персии, предполагается на границе с нею, близ Ордубата, устроить лагерь, в котором постоянно иметь тысяч 7 или 8 войска. Отряд этот достаточен для удержания Персии от разрыва с нами; ибо он мог бы в 6 дней подступить к Тавризу. В случае же вторжения самих персиян в наши пределы, тот же отряд мого бы удержать первый натиск врага до прибытия подкреплений из Баку или из главного Кавказского корпуса. Таким образом лагерь Ордубатский служил бы, так сказать звеном, для связи главной нашей Закавказской армии с депо ее в Баку.

7) Наконец для предупреждения внутренних восстаний, предполагается объявить во всеобщее сведение что за переход на сторону неприятеля подвергается строгому наказанию не только личной виновный, но и семейство его и вся община, к какой он принадлежит. Мера эта совершенно согласовалась бы с духом и обычаями стран.

Все изложенные меры, по мнению составителя записки, дадут возможность главным силам нашим в Закавказском крае действовать свободно против внешнего врага, не опасаясь за свои сообщения и от внутреннего восстания. Впоследствии же нам откроется вернейшее средство и к торговым нашим отношениям, и к утверждению политического нашего первенства в Азии.

В заключении записки повторено, что предполагаемые меры удержат за нами Каспийское море и спасут наше владычество на Кавказе только под тем неременным условием, чтобы исполнение сих мер совершилось безотлагательно.

Содержание записки Ген.-Майора Бларамберга.

Отечеству нашему предопределено развиваться не на западе, а на востоке. В эту сторону должна обратиться вся деятельность России и торговая, и нравственная, и политическая. Но здесь неизбежно встречаем мы соперничество Англии, и несмотря на то, что доселе, во избежание столкновений с нею, мы добровольно отказывались от неотъемлемых выгод нашего положения, однако же постоянная боязнь, с которую Британское правительство взирало на каждый наш шаг в Азии была побуждением к настоящей ожесточенной войне.

Зато отныне действия наши на востоке не должны уже быть стесняемыми никакою уступчивостью перед отъявленными нашими врагами. "Пусть Россия обратится к Английской Индии, потому что здесь именно самая "уязвимая для нас сторона Великобритании". Англичане сами что знают и высказывают открыто в печати и в речах парламентских.

"Завоевание самой Индии"- продолжает генерал-майор Бларамберг "есть химера, о коей и нечего думать; но поколебать здесь Великобританское могущество - Россия имеет все средства".

Мнение это составитель записки подкрепляет с одной стороны - объясняемым положением владычества Британского в Индии, где все народонаселение ожидает только благоприятного случая, чтобы свергнуть иноземное иго, с другой стороны указанием влияния России на Персию, при чем генерал-майор Бларамберг, как самовидец, удостоверяет, что для нас весьма легко было бы преобразовать персидские войска, "дабы сделать их страшными для всякого нашего врага в Азии". Армия персидская, обученная и предводимая русскими офицерами и генералами, поддержанная не более, как одною русскою дивизиею, "могла бы смело двинуться в Афганистан, не встретив там никакого сопротивления: сами афганцы, белуджи и сейки присоединяться к армии, чтобы идти на Индию, куда дорога им уже известна, и куда издревле влечет их богатство страны".

Исполнение подобного предприятия, не встретило бы, по мнению генерал-майора Бларамберга, никаких препятствий местных. Для персидских войск

лучший путь от Тегерена через Шагрудь, Нишапур, Мешхед и Герат в Кандагар; - русские же войска, высаженные в Астрабадском заливе, следовали бы вдоль северного склона Альбургских гор на Мешхеде, где соединялись бы с персидскою армиею. На всем означенном пути есть леств, корм и вода; климат умеренный, даже найдутся достаточные средства для предовольствия всей армии. Составитель записки лично знает эту дорогу, по которой он сопровождал персидскую армию при ее возвращении от Герата. Расстояние от Астрабада до Герата - 840 верст (от 40 до 45 переходов): от Герата до Кабула столько же: следовательно весь путь - до 1700 верст.

Однако же, прежде чем предпринимать предлагаемое наступательное движение, составитель записки считает полезным предварительно отправить к владетелям Афганистана торжественное посольство, под конвоем 3 тыс. войска, и со всем великолепием, необходимым на востоке. Молва о следовании этого посольства распространится с быстротою до самой Индии, восточное воображение удесятерит силу нашего отряда и может случиться, что достаточно будет одной этой демонстрации, чтобы миллионы сейков, индусов и мусульман, встrepенулись под тяжким Британским игом. Афганцы без сомнения все единодушно восстанут по одному мгновению Русского Императора, и в таком случае, можно будет даже обойтись без содействия персидской армии.

"Во время следования посольства в Кабул, крайне необходимо будет занять какой-нибудь пункт на юго-восточном берегу Каспийского моря в окрестностях Астрабада. Урочище Ах-Кале, на р. Гурген", в верстах в 25-30 от моря, было бы очень удобно для возведения форта. Через это мы приобретем первый этап коммерческого, а равно и военного пути через Хорасан". Около этого пункта должен будет собратьяс и русский отряд, еслиб решено было предпринять движение к границам Индии.

Местоположение Ах-Кале, по свидетельству ген.- майора Бларамберга, вполне благоприятствует устройению здесь крепости и расположению войск. В

средствах же перевозки сих последних по Каспийскому морю, недостатка не будет

В заключение записки сказано: "Каспийское море исключительно принадлежит нам; но до сих пор Россия не извлекала еще из него выгод, которые представляет оно для торговых отношений с центральною Азиею. Форт, о коем выше сказано было бы к этому первым шагом... Кажется настало время, когда король, свыше предназначена Россия, должна исполниться. Чтобы внести в центральною Азиею светильник образованности и развит там торговлю свою и влияние, мы должны сперва стать твердою ногою на восточном берегу Каспийского моря".

Содержание записки Генерал-лейтенанта Хрулева.

Россия может потрясти могущество Англии возбуждением восстания в подвластных ей народах Ост-Индии. Для сего ген.- лейтенант Хрулев предлагает:

1) Упрочить нейтралитет и дружбу Персии, обещанием ей уступки городов Кербелая и Неджева на Ефрате, принадлежавших ныне Турции и почитаемым священными для персидского народа. Этим средством мы предупредим усилия Англии и Франции ниспровергнуть наше влияние в Тегеран. Что же касается до афганцев, то ненависть их к Англии служит уже ручательством готовности их содействовать нашим войскам.

2) Занять в 14 верстах от Астрабада и в 20-от морского берега бывшую крепость Ах-Кале, в стране населенной туркменами, весьма благоприятной по здоровому климату и плодородию. Изобилие леса поблизости дает средство построить не только жилища 3-х тысячному гарнизону, но и деревянные рельсы для удобнейшего своза на берег.

3) С другой стороны, для удержания в спокойствии кокандцев и бухарцев и для развития торговых с ними отношений, устроить на левой стороне р. Сырь-Дарьи, выше форта Перовский, еще два укрепления, каждое на 1500 чел. гарнизона. Этим средством утвердится наше преобладание в Средней Азии и

вместе стем откроется возможность получать от хивинцев, бухарцев и кокандцев весь хлеб, потребный для гарнизона нашей Сырь-Дарьинской линии.

4) Возведение означенных новых укреплений, с одной стороны близ юго-восточного берега Каспийского моря, с другой на р. Сырдарье обеспечит с тылу и с фланга наступательное движение, которое мы должны предпринять с 30-тыс. войска от Астрабадского залива, через Герат и Кандагар к границам Индии. Путь этот вполне удобен для следования и продовольствования означенных сил. От Ах-Кале до Герата войска наши достигнут за 35 дней; дорога в Кандагар также не представляет никаких затруднений. Отсюда же можно отправить посольство в Кабул, чтобы окончательно склонить афганцев на нашу сторону, для ниспровержения английского владычества в Индии.

Общее заключение. Сличая рассмотренные записки (за исключением последней, которую сам сочинитель называет полуделовую, полушуточную), находим в них с одной стороны много общего относительно главных мыслей: с другой же стороны, значительное развитие в самом развитии предположений.

Общие черты всех трех записок заключается в следующих главных мыслях:

1) Что Россия, встречая в Азии упорное соперничество Англии, может и должна принять ныне же решительные меры для поддержания своего преобладания на востоке.

2) Что главным основанием и путем наших действий должно быть Каспийское море.

3) Что необходимо близ юго-восточного берега этого моря, на границах Персии с Туркестаном, занять урочище Ах-Кале, где возвести крепость с постоянным гарнизоном.

4) Что занятие этого пункта будет действительным средством для удержания Персии в дружбе и союзе с нами, для утверждения нашего влияния и торговых сношений в Средней Азии, наконец для того чтобы угрожать британскому владычеству в Индии.

Затем, различие между рассмотренными записками в самой цели предположений:

1) Барон Торнау - обращает главное и почти исключительное внимание на положение наше в Закавказском крае, и все предлагаемые им меры клонятся лишь к тому, чтобы владения сии удержать за нами, а вместе с тем обеспечить исключительное господство наше на Каспийском море. Для того он признает необходимым обратить Баку в первоклассную крепость и главный складочный пункт: на границе Персии, близ Ордубата устроить лагерь; сделать самые строгие распоряжения чтобы отвратить восстание туземного населения; наконец и самое занятие Ах-Кале имеет преимущественно целью обеспечение Закавказского края со стороны Персии.

2) Напротив того, генерал-майор Бларамберг и генерал-лейтенант Хрулев предлагают занять Ах-Кале, как опорный пункт для наступательного движения к границам Индии, с той целью, чтобы потрясти там британское владычество. В обеих записках указывается для сего движения один и тот же путь; в обеих объясняются выгоды его и удобства; но самое осуществление предприятия предлагается в двух различных видах:

По мнению генерал-майора Бларамберга следует предварительно отправить в Кабул торжественное посольство, под конвоем 3.000 чел. Русского войска, а впоследствии уже, если б эта демонстрация не повела к важным результатам, предпринять наступление с помощью персидской армии, которую предворительно образовать, устроить и поддержать только одною русскою дивизиею.

По мнению генерал-лейтенанта Хрулева предварительное отправление посольства не принесло бы пользы; ибо успех предприятия зависит от быстроты и внезапности исполнения, дабы англичане не предупредили нас в Хорасан. Генерал-лейтенант Хрулев предлагает двинуть прямо от Ах-Кале 30 тыс. русского войска в Герат и Кандагар, откуда уже отправить посольство в Кабул. С этим предложением он связывает другое - о занятии двух новых пунктов на левом

берегу Сырь-Дарьи; мера эта, по словам его, обеспечить с фланга предполагаемое движение наше к Индии.

Нельзя отвергать, что в рассмотренных записках заключается много мыслей дельных и полезных: но если изложения в них предложения разобрать с точки зрения практической, то можно опровергнуть иные в самих основаниях.

1) Главный недостаток этих предложений состоит в том, что они не основаны на определенном и точном расчете времени и средств. С одной стороны представляется неотлогательная необходимость предлагаемых мер, при настоящих же военных обстоятельствах барон Торнау даже настаивает, чтобы его предложения были приведены в исполнение до открытия предстоящей компании, предсказывая, что в противном мы лишимся в нынешнем же году всех Закавказских наших владений и господства на Каспийском море. С другой же стороны, для отвращения столь близкой опасности, предлагаются такие меры, которые требуют огромных средств и многолетних приготовлений. Так например, чтобы удержать Персию от нарушения ее нейтралитета и не дозволить англичанам перевезти войска из Индии в Персидский залив - предлагается занять Ах-Кале; для занятия же этого пункта естественно требуется развитие судоходства и морских сил на Каспийском море, что, без сомнения, не может быть исполнено в течении одной зимы и даже в течение целого года.

2) Если цель занятия Ах-Кале заключается в том, чтобы угрожать Персии и держать ее в страхе, то можно ли предполагать, что Тегеранский двор, более еще подозрительный, чем дворы Европейские, и подстрекаемый притом враждебными нам державами, уступит нам добровольно столь важный пункт в своих владениях. Хотя генерал-майор Бларамберг и объясняет, что Персия не воспротивится занятию нами Ах-Кале в том соображении, что русский форт оградит жителей западного Хорасана от набегов туркменов; однако-же едва ли можно с этим мнением согласиться; и во всяком случае исполнить подобное предприятие можем мы не иначе, как имея уже достаточные средства на

Каспийском море, что может быть достигнуто разве только в несколько лет с самых энергичных усилиях.

3) Еще более потребовалось бы времени для осуществления предположений генерал-майора Бларамберга, т.е. для преобразования и устранения персидской армии, с тою целью, чтобы с помощью ее предпринять наступление к Индии. Само сабою разумеется, что на это потребовалось бы многие годы, в продолжение которых Англия, конечно, не ожидала бы в бездействии пока мы готовили бы оружие против нее. При том, какими приманками удалось бы нам обратить Персию в столь послушную и постоянную союзницу нашу? Достаточно ли для этого, по предложению генерал-лейтенанта Хрулева, обещать ей два турецкие города, которыми мы притом располагать не можем. Прежде чем мы достигли бы предлагаемого преобразования персидской армии, много совершилось бы перемен в положении дел, даже и в том случае, если настоящие мирные переговоры не положат еще конец войне.

4) Кроме того, предположение генерал-майора Бларамберга вызывает против себя и другое возражение: можем ли мы надеяться произвести выгодное для нас впечатление, в Афганистане появившись там с персидскою армиею, тогда как между афганцами и персиянами существует вековая религиозная ненависть, о чем и сам генерал Бларамберг упоминает в своей записке. Посольство в Кабул может быть и доставило бы само по себе благоприятные результаты, однако ж не стою целью, чтобы вслед за тем предпринять решительное наступление к границам Индии. В случае подобного намерения, предварительное посольство скорее испортило бы дело, в чем вполне согласиться с мнением генерал-лейтенанта Хрулева.

5) Что касается до проекта самого генерал-лейтенанта Хрулева, то он также требует, чтобы настоящая война продлилась еще много лет, в течение которых мы успели бы подготовить достаточные перевозные средства на Каспийском море; чтобы при том во все это время Персия оставалась совершенно

нам верною и послушною. Предполагаемое же устройство новых двух укреплений на Сыр-Дарье, едва ли даже может иметь связь с мыслью о походе в Индию.

б) Наконец, в обоих в предложениях как генерал-майора Бларамберга, так и генерал-лейтенанта Хрулева, вся надежда на успех предлагаемого похода, основывается на то гипотезе, что одного появления нашего в Афганистан, достаточно, чтобы поднять весь этот край против англичан. Следовало бы, кажется ближе убедиться, в какой мере подобная надежда основательна.

Итак из рассмотренных трех записок можно извлечь окончательно только следующее:

1) Употребить все средства и усилия, чтобы утвердить наше господство на Каспийском море, развитием на нем судоходства и усилением военной нашей флотилии. Мысль эта уже вошла в виды правительства и к осуществлению ее приступлено.

2) Вместе с судоходством по Каспийскому морю, стараться и об улучшении сообщений от морского берега во внутрь Закавказского края; когда эти пути сообщения будут устроены, тогда только можно обратить Баку в главный складочный пункт Закавказского войска.

3) Когда в Баку будет свезен значительный запас военных и продовольственных средств что можем делать, не возбуждая преждевременно никаких подозрений, тогда только откроется возможность, пользуясь первыми благоприятными обстоятельствами, внезапно перебросить войска наши на юго-восточный берег Каспийского моря, и стать твердою ногою на границах Персии с Туркестаном.

4) Если настоящей суждено продолжаться еще многие годы, то может быть мы успеем в продолжение этого времени развить до такой степени судоходства на Каспийском море и учредить такие склады запасов в Баку, что в свое время действительно будем в состоянии решиться на какое-либо предприятие против британских владыний в Индии. Но к этому отважному предприятию, необходимо готовиться многие годы, сохраняя притом приготовления наши в

совершенной тайне. В настоящее же время такое предположение может быть признано совершенно неисполненным.

ЦГА РУз, Фонд И-715ОП 1.Д17,Л 67-77.

№ 57

Исправляющий должность пристава при киргизах Большой Орды командиру
Сиб. Корп.; 10 мая 1856 г. № 228.

Укр. Верное.

По выслушании напутственного молебствия, отряд предназначенный на Иссык-Куль выступил сего числа, под моим начальством из укр. Верного, в составе, показанном в прилагаемой при сем ведомостию

Донося о сем Вашему Высокопревосходительству, имею честь присовокупить, что к отряду присоединены мною для разных разведок: поручик Султан Аблес, Джалаиловские бий: Булек Тасыбаев, сын бия Тленчи Байгузы, бий Джайнак Темирбеков, а из рода Богу вызваны вожатыми три бия.

Подпись: Полковник Хоментовский.¹

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 17, Л.127

№ 58

Командующий Сыр-Дар. Линиею Командиру Ореб.корп.; 21 июля 1856 г. № 1389.

Форт Перовский.^x

В дополнение рапорта моего 18 июня за № 44, я имел честь донести Вашему Сиятельству, что 28 числа июня срытье Ходжа-Ниязского укрепления было окончено, все тяжести первезены и отряд 12 числа сего июля благополучно возвратился в форт Перовский. Для разрушения башен употреблено пороху кокандского шесть пудов двадцать пять фунтов и стопина сорока восемь золотников.

¹ Пометка: "Получено 24 мая 1856 года".

^x Пометка: Получ. 16 августа 1856 г.

Подпись: Ген. М. Барон Фотингоф.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 17, Л. 188

№ 59

Начальник Шт. Сиб. корп. Командующему всеми войсками в укр. Верном
расположенными: 13 сентября 1856 г. № 832.

Рапорт Вашего Высокоблагородия от 24 августа с № 311, о последствиях поиска Вашего к реке Чу с сим вместе представлен мною на благоусмотрение г. корпусного командира.

Отдавая полную справедливость мужеству отряда и распорядительности Вашей, я не сомневаюсь что значительные потери понесенные хищниками воздержат их от новых набегов, но чтобы уничтожить в понятиях их всякую мысль мнимого даже успеха и возможности сопротивляться нашему оружию необходимо по мнению моему для примерного наказания их, предпринять новую экспедицию с такими средствами, которые вполне бы ручались за успех.

По случаю наступившей уже осени и отъезда г. корпусного командира в С. Петербург, таковое предприятие требующее личного разрешения Его Высокопревосходительства не может быть исполнено в текущем году, и потому прошу Ваше Высокоблагородие в настоящее время избегая по возможности дальних преследований дикокаменных киргизов, заботиться преимущественно о предупреждении и отражении набегов их в Большую Орду и окрестности укрепления Вернаго.

Между тем, прошу Вас собрать подробные сведения о путях ведущих к враждебным нам племенам дикокаменных киргизов, о числительности всадников которых они могут выставить, об отношениях сих племен к кокандцам и прочие,

вообще представить подробное соображение как о времени удобнейшем для новой экспедиции, так и необходимых для того средствах.^x

Подпись: Ген.-лейт. Яковлев 2-й.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 17, Л. 210

№ 60

Командующий Сыр-Дарьинской линией Командиру Оренб. Корп.; 19 сентября 1856 г. № 1926. Форт Перовский.¹

Согласно приказанию Вашего Сиятельства, изъясненному в отношении ко мне г-на и. д. Начальника корпусного штаба от 29 мая сего года за № 715, по прибытии топографов Тихонова 1 и Тихонова 2, я поручил съемку левого берега реки Сыр-Дарьи линейного Оренбургского № 4 батальона прапорщику Иванову, дабы не пропустить удобное время и хорошую погоду до приезда назначенного корпуса топографов поручика Голова.

Для прикрытия съемки отряд под начальством Оренбургского линейного № 4 батальона подпоручика Котурьенки составлен: 1 обер-офицер, 5 урядников и 95 казаков Уральского войска, 1 фейерверкер, 2 артиллериста с ракетным станком и 22 боевыми ракетами 50 сигнальными швермерами 3 кг лотового веса; чины имеют полный комплект боевых патронов.

Фельдшер с медикаментами дан для первоначального пособия.

Продовольствием отряд снабжен по 1 число октября на 40 наемных верблюдах с верблюжатами и посыльными киргизами.

В военном отношении я нашел лучшим рекогносировку начать от Джулека, сближаясь, таким образом, к форту Перовский.

Все нужные инструменты и книги даны подпоручику Котуреньке и прапорщику Иванову; ему вручено подробное предписание, данное прапорщику Христофорову о производстве съемки.

^x Копия с копии.

¹ Пометка: "Получ. 24 октября 1856 г."

Топографы снабжены лошадьми и седлами.

Отряд выступил 16 числа сентября и приняты все меры предостороженности.

О чем имею честь донести Вашему Сиятельству.

Подпись: Ген.-м. Барон Фотингоф.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 17, Л. 211

№ 61

Приказ об Оренб. корп.; 20 января 1858 г. № 16. Оренбург

В дополнение приказа предместника моего по отдельному оренбургскому корпусу, от 18-го ноября 1855 года за №269, предписываю внести в формулярные списки чинов, участвовавших в 1855 году в преследовании мятежника Исета Кутебарова после убийства им султана, правителя средней части орды, следующие движения и действия, под начальством бывшего начальника уральского укрепления майора Михайлова: движение отряда из уральского укрепления, к уроч. Манаулье, с 16-го по 21-е июля, на усиление находившегося там отдельного поста. 21-го июля, преследование хищников отдельною партией из этого отряда, под начальством сотника Караташева, до уроч. Чушка-Куль. Движение, с 8-го по 30-е августа, трехсотенного отряда из уральского укрепления к большим барсукам и преследование в этих песках хищников, удалившихся к Аральскому морю.

Подпись: Ген. Адъют. Катенин.

ЦГА РУз. Фонд И- 715. ОП1. Д19. Л64.

№ 62

И.Д. Начальника шт. Оренб. Корп. Командующему Сыр-Дарьинской линии;
27 января 1858 г. № 155. Оренбург.

Вследствии рапорта Вашего Пр-ства к г. Корпусному командиру от 10 декабря за №1604 по приказу Его Пр-ству имею честь уведомить для надлежащего сведения, что распоряжение о наряде 1 000 человек рабочей башкирской команды, уже сделано и о высылке одной на Сыр-Дарью раннею весною для смены таковой же там находящейся испрашивается Высочайшее разрешение.

Подпись: Ген.- м. Батурлин.

ЦГА РУз.Фонд И- 715. ОП1. Д19., Л69.

№ 63

Командир Оренб. Корп. Министру Иностранных Дел; 27 января 1858 г. № 161.

Оренбург.

По рассказам приехавшего в форт Перовский из Ташкента 18 декабря сына дистаночного начальника Джанкабыла-Тулегенева кокандцы после поражения своего при Ура-Тюбе о чем я имел честь сообщить Вашему сиятельству в отношении от 21 минувшего декабря за № 2655. Кипчаки и Дикокаменные киргизы приготавливаются к войне с кокандцами, но на это кокандцы не обращают внимание и говорят, что летом их можно лучше усмирить.

Кокандский хан недоволен правителем Ташкента – Мурзою-Ахмедом и несколько раз вызывал его для личных объяснений, но Мирза-Ахмед под различными предлогами не едет в Коканд, а посылает только хану татру, т.е. денежные подарки, которые взыскиваются как в кокандцев так и с киргизов.

Вообще говорят, поборы с народа огромны и собираются при всевозможной несправедливости и насилиях, так что не только киргизы, но даже сами кокандцы желают будто бы нашего покровительства и с нетерпением спрашивают скоро ли русские овладеют Туркестаном. В особенности привержены к русским туркестанские кокандцы, живущие там в числе более 1 000 домов или мазанок.

О дошедших до меня изложенных слухах имею честь уведомит Ваше Сиятельство, в дополнение моих предшествовавших отношений по сему предмету.

Подпись: Ген. Адъют. Катенин.

ЦГА РУз.Фонд И- 715. ОП1. Д 19, Л 70.

№ 64

Командующий Сыр-Дарьинской линией Командиру Оренб. Корп. 29 января 1858 г. № 3 Форт Перовский (секретно)

Почтительнейше представляя записку о происшествиях в Средней Азии, имею честь доложить, что я совершенно разделяю мнение г. Осмоловского о необходимости занять Джулек, но в настоящих обстоятельствах это совершенно невозможно, ибо все старания должны употребить на окончательное приведение в оборонительное состояние форта Перовский.

Караван, о котором упоминается в записке расположился в 3 переходах от форта Перовский и частью уже ограблен.

Со стороны отряда выдвинутого за Бирюбаевский пост, пока все спокойно и кокандцы по видимому опасаются сделать набег с той стороны.

Весною, если обстоятельства не воспрепятствуют, я намерен выдвинуть отряд за Биш-Арнинский пост, по направлению к озеру Телль-Куль-Тата, с целью прикрыть киргизов, когда они начнут откочевывать на север.

О чем имею честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству.

ЦГА РУз.Фонд И- 715. ОП1. Д19., Л74.

№ 65

Военный министр Командиру Оренб. Корп.; 30 января 1858 г. № 1549. Петербург.

По всеподданнейшем докладе изъясненных, между прочим, в рапорте Вашем, от 13 текущего января, за № 69, предположений на счет командирования на Сырдарью рабочей команды башкир и доставки леса для крыш, Государь Император, в 26 день этого месяца, Высочайше соизволил повелеть:

Командировать на Сырдарью, раннею весною, рабочую Башкирскую команду в составе 1 000 человек, оставить ее там впредь до минования в ней надобности.

1. Расход требующихся как на содержание этой команды в продолжении года в Сырдарьинских фортах, так и на вырубку и доставку туда 1 000 бревен обратить на 100 000 рублей, которые должны оставаться от 525 000 рублей, ассигнованных 1854 году на устройство Сырдарьинской линии.

Поспешая уведомить об этой Высочайшей воле Вашего Превосходительство для зависящего исполнения, имею честь присовокупить, что затем по прочим предметам, заключающимся в рапорте вашем за № 69 я не премину сообщить Вашему Превосходительству особо.

Подпись: Ген. – адъют. Сухозанят.

ЦГА РУз.Фонд И- 715. ОП1. Д19., Л78.

№ 66

Ген. -квартирмейстер Начальнику Аральской Флотии; 4 февраля 1858г. № 1055.

Петербург.

Вследствие рапорта Вашего Высокоблагородия к Господину Военному Министру от 24 января №4, артиллерийский департамент сделал распоряжение о немедленном изготовлении 4 американских станков с платформами для 1,4пуд. Единорогов в Оренбургском окружном арсенале, и, следующих к этим станкам медных коробок с железными подъемными винтами при здешнем арсенале.

Сообщая о сем Вашему Высокоблагородию, имею честь покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, не оставить меня уведомлением, должны ли

быть с означенными станками отпущены Морскому ведомству и самые единороги из состоящих при Оренбургском гарнизоне, равно следуемые к этим орудиям или по этому последовало особое распоряжение.

Подпись: Ген.- адъют. Барон Ливен.

ЦГА РУз. Фонд И-715. Оп 1, Д 19. Л 79

№ 67

Ген.- квартирмейстер в Артиллерийский Департамент

6 февраля 1858г. № 1182. Петербург.

Вследствие отзыва артиллерийского департамента от 30 января № 8 , переданного г. Директором канцелярии военного министерства , департамент генерального штаба запрашивал начальника Аральской Флотии Капитана 1-го ранга Бутакова, о том должны ли быть вместе с 4-мя станками , для 1,4 единорогов, изготавливаемых для Аральской Флотии отпущенных Морскому ведомству и самые единороги следующим к ним снарядами, или по этому последовало особое распоряжение по Морскому Министерству .

Ныне капитан 1-го ранга доносит , что от Морского Министерства отпускаются для вооружения парового баркаса Обручев , только 2 медные 6 фунт. Карранады с платформами и станками подобные тем, какими вооружены Имперские катера. 4 же 1,4 пудовых единорога для вооружения барж, снаряды к ним и снаряды для карранад , должны быть отпущены от Оренбургского артиллерийного гарнизона .

Сверх карранад Морское ведомство, по воле Его Высочества генерал-адмирала, отпускает для парового баркаса Обручев и железного баркаса 4 ракетных станка, по образцу приспособленных корабельных и фрегатских баркасов , с трубками 4 и 2,5 дюйма. Самые боевые ракеты должны быть отпущены из военно- сухопутного ведомства, о чем капитан 1-го ранга Бутаков

будет просить распоряжения особым рапортом на имя г. Военного Министерства

Департамент Ген. Штаба имеет честь уведомить о сем артиллерийский департамент для сведений и зависящих распоряжений.

Подпись: Ген.-адъют. Барон Ливин.

ЦГА РУз , Фонд И-715. ОП 1. Д 19. Л 80

№ 68

Начальник Аральской флотии Военному Министру: 18 февраля 1858г.

№15.Петебург⁶⁹

Его Императорское Высочество Генерал- адмирал изволил приказать назначить из Морской военной команды 2 человек чинов, в Аральскую флотилию в виде учителей с тем , чтобы они отправились Оренбург вместе с посылаемыми туда, для снаряжения судов флотии вещами. О чем вашему Высокопревосходительству почтительнейше имею честь донести.

Подпись: Кап. 1-го ранга Бутаков.

ЦГА РУз . Фонд И-715. ОП1. Д 19. Л19.

№ 69

Пояснительная записка к предложениям о работах на Сырдарьинской линии;
марта 1858 г. Штаб Оренб. корп.

Проекты и соображения составлены на основании предписания командира отдельного Оренбургского корпуса от 16 ноября 1857 года за № 2359.

На основании того же предписания первоначально осмотрены существующие на Сырдарье форты и построенные в них строения, оказалось:

I Форт Перовский

⁶⁹ Памятка: получено «19 февраля 1958г.».

Укрепление это лежит на низменной местности правого берега реки Сырдарья, грунт иловато глинистый, пересекаемый часто водяными жилами: - местность представляет здесь ровную поверхность имеющую не большой скат к берегу. (На сто сажень заложения 180\2 возвышения). Казалось на таком ровном месте, фигура линии огня форта, могла бы быть расположена совершенно правильно, и представлять сильнейшую оборону, но на самом деле неизвестно почему, линия огня расположена так, как будто бы, она была в тесной зависимости от местности, сделаны разные переломы и исходящие части, которые только представляют мало обороняемые пространства, и уменьшают фланговую оборону, именно здесь в форту крайне необходимо, потому что протяжение линии огня, по причине значительного числа предполагаемых внутри форта построек, необходимо должна быть больше сравнительно имеющегося для ее обороны гарнизона; следовательно фигура форта должна быть такая, чтобы гарнизон при обороне мог не занимать всех линий, а это возможно только тогда, когда линии форта взаимно обороняются т. е. имеют наибольшую фланговую оборону, что на местности ровной достигается без затруднений; между тем в форте Перовский, две длинные фаса бастионов, каждый до 50 саж. Длины, предоставлены собственной своей фронтальной обороны; исходящие углы фронта противоположно речному, так изложена, что непременно впереди каждого угла рвы не оборонены.

Профиль укрепления, до того необыкновенна, что не возможно найти причину, почему она именно такая, а не другого произвольного начертания; она не только не защита гарнизону, но скорее вспомогательная работа неприятелю.

Верки форта в настоящее время уже засыпаны почти везде по предполагавшейся профили, а потому совершенно изменить их фигуру и дать правильное расположение, поведет за собой двойную работу именно: засыпку старого и устройства нового укрепления. Поэтому полагаю держаться по возможности старой линии огня там где есть хоть какая-нибудь фланговая оборона; как показано на прилагаемом генеральном плане лист А, зеленой

краской существующее укрепление, красной предполагаемые изменение в плане и профили.

Сколько потребовалось рабочих и материалов на переделку всех верхов форта, как значится на генеральном плане, показано в прилагаемом исчислении, тетрадь I пункт I.

Способ постройки строения на Сырдарьинской линии, еще более поражает своей необдуманностью. Грунт не очень тверд, следовательно, нужно на него по возможности ставить легкие здания, между тем поставили строения, которые тяжелые сводчатые, потому что весь из камышового свода ни кирпичной стены толщиной в 1,5 и 2 аршина, более чем весь свод в один кирпич на стене в два кирпича; значит, если нет вовсе леса, то нужно было предпочесть кирпич, камыш, первого бы меньше вышло, а строение было бы легче. Но кроме этой причины относительно грунта, камышовый свод имеет следующие недостатки:

Своды эти состоят из ряда камышовых фашин плотно связанных между собой кольями сбитых, оказывают на стены строений не вертикальное, но сильное боковое давление.

Своими концами, на которые действуют почти полный вес всего свода; несмотря на толщину стен под эти своды в 1,5 и 2 аршина, наружная верхняя части стен не в состоянии выдерживать этого давления, дают трещины, постепенно уклоняются и падают.

Строения покрытые камышовыми сводами временные и не могут простоять более 3 лет хотя стены были сложены на извести, так прочно, что выдерживали их давление, потому что почти каждая камышинка в какомнибудь из своих коленец, содержит червячка, яички, насекомых и проч., которая разлагаясь заражают в какойнибудь точке камышинку и она теряет в этом месте связь; зараженные гниющие камышинки нарушают равновесие фашины и она от собственной своей тяжести сначала принимает неправильный вид, а потом постепенно опускается. Выбирать же каждую камышинку просушить и вычистить ее внутри, а потом в точном порядке их укладывать, когда вяжут из них фашины,

работа несбыточная; тем при таком только условии можно поручиться за камышовую фащину.

Строение под камышовыми сводами, требуя значительного количества топлива, постоянно весьма холодны, потому что пропускают теплоту, а по причине крутизне этих сводов их нельзя хорошо глиною смазать, нужно покрывать тонким слоем и то смешивая с рубленным камышом или навозом; покрыв же черепицею, своды еще скорее от лишней тяжести изменят свое положение.

Мнение что камышовые своды по неимению на Сыр-Дарьинской линии строевого леса, есть дешевлеший способ возведения там зданий, совершенно необдуманно и несправедливо в доказательству чему, прилагается при этом подробное сравнительное исчисление стоимости камышовых сводов с крышами камышовыми по деревянным и по железным стропилам; из этого исчисления видно что дом длиною в 6 саж. шириною в 3 сам.

Обходится.

В форт Перовском

В форт № 1.

Под сводом.....262 р.

.....378 р.

По деревян. стропилам. 210 р. 76 к.

По железн. стропилам. 230 р.

(Цена бревну длиною 3 саж. положено 15 руб. сереб.)

Если при этом взять в соображение что камышовые своды могут простоять только три года, деревянные стропила 10 лет, а железная сто, то не подлежит сомнению необдуманность употребления этих сводов.

Сверх того на деле оказывается, что своды и 3 лет не стоят; на Сыр-Дарьинской линии нет ни одного помещения, где бы (особенно зимою) можно было жить не только удобно и тепло, но без страха от падения свода и постоянного ожидания что фашины разойдутся и ветер подует; кроме того в форте № 1, где грунт весьма слаб, почти все своды уже подперты строевым лесом,

следовательно своды эти, кроме своей ценности еще требуют там лесу, - настолько, сколько его нужно для строительной крыши.

С пользою камышовые своды могут быть употреблены в форте № 2 и Перовском (где есть лес на колья) будучи поставлены прямо на землю для хранения летом льда, спирта и прочих материалов не терпящих жары и не боящихся сырости и помещения для которых может быть временное в случае разрушения легко исправимое.

В фортах Сыр-Дарьинской линии все стены кладутся из жженого кирпича на глине. На обжиг кирпича употребляется местный лес, в таком значительном количестве, что за три года обжига, его в настоящее время добывают уже из окрестностей за 10 верст между тем как нет существенной пользы и надобности строить здесь дома из жженого кирпича, потому что жженный кирпич с глиною худо связывается, швы не покрытые штукатуркою вываливаются, а за ними выпадает и кирпич, глина из которой приготавливают здесь кирпич, содержит в себе много магнезии и различных солей, отчего, хорошего кирпича по обжиге получается весьма мало; - так называемый коасный кирпич т.е. не доведенный до плавления (железняк) здесь не хорош сильно выветривается, крошится, принимает сырость; между тем его преимущественно и должны употреблять на кладку стен, потому что хороший нужен на фундаменты и цоколя. По этому во избежание огромного расхода на местный лес; взяв при том в соображение не прочность здешних стен из жженого кирпича напрасный при этом труд полагаю лучшим как по прочности, так и для сбережения рабочих рук, времени и издержек, класть стены из воздушного кирпича, который оказывается здесь хороших качеств. Крыши же на строениях устраивать камышовые по деревянным или железным стропилам; камышовые своды по мере окончания новых зданий снимать и заменять их стропильными крышами, как в исчислении и введено.

В форте Перовском предположено построить.

- 1) Казармы на батальон пехоты и при них кухни цейхгаузы.
- 2) Казармы на 400 казаков, при них конюшни и цейхгаузы.

- 3) Артиллерийскую казарму на 110 человек со службами.
- 4) Госпиталь на 100 человек с службами.
- 5) Дома: коменданту, батальонному командиру, двум женатым штаб офицерам, 34 женатым или 68 холостым обер офицерам.
- 6) Перестроить дома командующего линией.
- 7) Пять пороховых погребов.
- 8) Гауптвахту, кордегардии, цейхгаузы, склады, колодцы и отхожие места, последняя по невозможности строить глубоких ям, необходимо снабдить форт 50 тележками на колесах дабы ежедневно, можно было нечистоты вывозить за форт.

Все означенные постройки полагается произвести согласно прилагаемых детальней чертежей на 14 листах, на местах означенных на генеральном плане буквами.

Число рабочих потребных для каждого строения и количество материалов показано в прилагаемом кратком исчислении тетрадь 1. Равно прилагается при этом ведомость всему количеству материалов и инструментов нужных для производства всех работ, с показанием какие предметы имеются в форте налицо и сколько за тем не достает.

Для избежания беспорядков и произвольных построек, производимых здесь различными лицами, на всяком месте без разбора где захочется, полагается вне эспланады крепости разбить правильно форштадт и оградить его небольшим бруствером (как показано на Генеральном плане) на этом месте всякий кому от начальника дозволено будет может строится; но для заведения большого порядка избежания в последствии споров полагаю чтоб каждому желающему строится было дан от коменданта билет на владение отведенным ему местом. Для различных хозяйственных помещений гарнизона, места также должны быть отводимы по приказанию коменданта, инженером.

Предположено также на форштадте устроить благородное собрание и караван сараи в коим лавки отдавать торгующим в наем планы этим строениям и исчисления на потребности при их постройке при этом прилагаются.

Так как берег реки около форта с каждым годом более подмывает и тем угрожает самым верхам обращенным к реке, кроме того, вода заливает часть место где в настоящее время расположена солдатская слободка, то полагается нынешний же год возобновить и усилить имеющуюся плотину, дав ей направление как показано на генеральном плане; число рабочих нужных для производства этой работы введено в исчислении.

Цитадель, бывшую кокандскую крепость необходимо разломать; потому что она для обороны не имея ни какого значения стесняет только свободное движение войск в форте при том она в настоящее время сама собою распадается целыми глыбами и необходимо вся разрушится, будучи сложено из круглых глинистых глыб и разного мусора, мало между собою связавшихся и наконец как грустное воспоминание что мы кокандскую грудку глины, вооруженную жалкими орудиями брали почти правильною осадюю. Сверх того выветривающаяся глина цитадели весьма хороша для приготовления кирпича и находясь под рукою много облегчит производство работ.

II Форт № 1.

Местность этого форта у берега реки лежит на 4 или 5 фута выше обыкновенного горизонта воды в реке, при разливе совершенно затопляется, для предохранения от этого по берегу устроена плотина на три версты протяжением сверх того (хотя в проекте этого не полагалось) для предосторожности нынешний комендант форта, основательно распорядился в течение всей зимы возвысить гласис и въезды.

Дабы при разливе вода свободно не могла пройти в форт от берега местность постепенно понижается, так что у противоположной стороны форта, она ниже обыкновенного горизонта воды в реке, образуя пологую котловину, далее опять повышается. Исследовать грунт и характер разлива не возможно было зимою, а потому и определить нельзя, в какой мере это укрепление может

существовать, какие средства необходимо принять для сохранения его от воды и могут ли быть возводимы там постоянные жилища.

Что касается до начертания самого укрепления и его профили, то все недостатки описанные в форте Перовском в таких же размерах повторяются и здесь на прилагаемом плане лист Б. Зеленою краскою означено существующее укрепление, красною предполагаемые изменения. В этом форте оставлен только береговой фронт, остальные полагается возвести, потому что верки эти по старой профили далеко еще не окончены, следовательно новые насыпать легче чем старые исправить, кроме того землю старых верков с пользою можно употребить внутри укрепления где крайний недостаток в земле. Имеющуюся береговую плотину всю настоящую зиму возвышали, но как выше сказано точно определить нельзя было, какие еще меры должны предпринять должно от затопления и есть ли возможность устроить во время разлива свободное сообщение форта с окрестностями.

Жилые строения здесь еще в худшем состоянии, потому что кроме разрушающихся камышовых сводов и самый грунт не в состоянии выдерживать громадной тяжести стен.

Способ постройки здесь полагаю принять тот же как и в форте Перовском за исключением фундаментов и цоколей. В 40 верстах от форта на берегу Дарьи имеется отличного качества плотняк (глинистый сладенец) если по осмотру весною окажется, что его добывание не сопряжено с большими затруднениями и доставка водою возможна, то необходимо вместо кирпича употребить этот камень, а по верх его выводить стены из воздушного кирпича. Весьма полезно было бы здесь для уменьшения тяжести зданий употребить вместо деревянных стропил, железные, особенно если бревно 3 саженое обходится в 15 рублей серебром.

В форте № 1 предполагается построить:

- 1) Казарму на 500 человек.
- 2) Казарму на 300 казаков с конюшнями и службами.

3) Казарму для артиллеристов.

4) Госпиталь на 100 человек со службами.

5) Дома: коменданту, начальнику флотилии и на 12 женатых или 24 холостых обер-офицеров.

6) Гауптвахту, кордегардии, цейхгаузы, склады и отхожие места, для устройства последних необходимо прислать 30 тележек.

Для правильного построения жилищ и хозяйственных помещений, предположено также иметь за эспланадою форта форшдадт.

Все означенные работы полагается произвести согласно прилагаемых детальнейших чертежей, на местах в означенных на генеральном плане листа Б. буквами. - Число рабочих потребных для каждого строения и количества материалов показано в прилагаемом в кратком исчислении тетрадь II. Также прилагается при этом ведомость всему количеству материалов и инструментов, нужных для производства всех работ, с показанием какие предметы имеются налицо и сколько за тем не достает.

Форт № 2

Лежит на довольно возвышенном месте совершенно обеспечен от разлива, линия огня этого укрепления совершенно не соответствует его гарнизону в 100 человек пехоты и 50 казаков, но как форт этот совершенно окончен и профиль его вероятно случайно гораздо лучше, при небольшом изменении даже хороша, то полагается его оставить без изменения. Строений всего здесь два, цейхгауз под камышовым сводом и лазарет, который по разрешению инспектировавшего линию покрыт стропильною крышей по усмотрению инженера, это и есть одно только строение на всей Сыр-Дарьинской линии, которое можно назвать хорошим.

В форте 2 полагается построить:

1) Казарму на 100 человек пехоты.

2) Казарму на 50 человек казаков и перестроить при ней конюшни.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 19, Л. 109-116.

№ 70

Командир Оренб. корп. Военному Министру; 29 апреля 1860 г. № 785. Оренбург.

Имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству копию со сведений, полученных мною от Командующего Сыр-Дарьинской линией от 20-го марта и сего апреля о слухах и событиях в смежных с нами средне-азиатских владениях.

Подпись Ген, -адъют, Катенин,

Приложение; Сведения полученные от 20-го марта и 1-го апреля.

КОКАНД

Из сведений доставленных надворным советником Осмоловским, видно, что Меллябек-хан воспользовавшись отсутствием Бухарского Эмира, выступившего против афганцев, предпринял поход с 3000 войска для овладения крепостью Ура-Тюпе, но, потеряв значительное число людей от артиллерийского огня и удачной вылазки бухарцев, вынужден был возвратиться. Между тем Эмир услышав о попытках хана, усилил гарнизон Ура-Тюпе и приказал Худояру хану быть наготове с 12.000 войска, для отражения кокандцев в если они снова нападут на бухарские владения.

Беки Туркестанский, Ташкентский и Аулиата. обязанные по воле хана.

доставить ему из закета за нынешний год, первый и последний по 1000, а второй 200 тиллей, - уже окончили сбор. Туркестанский Бек Бабаджан, боясь лишних налогом на киргиз возбудить в них ропот, снабдил сборщика закета халатами, чтобы они от имени его просили бы Биев лошадей, и, которые дадут - отдаривали бы их халатами; хотя это и было исполнено, но Бии остались не довольны такою просьбою.

Носятся слухи, что хан отправил через Сибирь посланников к Высочайшему Двору, одного из приближённых своих Китабдар Ходжу, которому приказано возвратится непременно к весне или началу лета. Со вступлением на престол Меллябек положил себе целью обессилить, кипчаков и уничтожить всякое их влияние на дела своего ханства. Самых значительных из них он сделал своими государственными советниками и дал им придворные должности. Влиятельнейшие кипчакские датхи Утенбай и Нурмухаммед находятся безотлучно при хане, а на места беков назначены природные кокандцы. В недавнее время он определил в крепость Аулеата беком Атабека Датху, в Чиназ - ферман Датху и в Чардари Календара Батыря. Коканский хан желая ослабить наместничество, вводит общие положения все части своего ханства, и по этому правитель Ташкента не имеет ныне такого влияния, как его предшественники, хан освободил от всякого подчинения ему беков некоторых крепостей, так например: Туркестанский бек Бабаджан заведывает Туркестаном совершенно независимо от Ташкентского правителя Рустамбека.

По последним известиям, и Коканде незаметно никаких приготовлений к походу против форта Перовский, о чем прежде ходили слухи.

Б У Х А Р А

Бухарский Эмир ходивший со значительным войском к границам афганским и надежде, что некоторые коменданты крепостей, согласно обещаний, сдадутся при его появлении, обманулся в своих ожиданиях и принужден был возвратится ни с чем, но в Бухаре Эмир объявил своим подданным, что он уничтожил и обратил в бегство войска афганского хана и союзников его кафиров — ныне Эмир находится в Шахри-Сабзе, но около половины апреля намеревался отправиться в Ура-Тюпе.

К бывшему Коканскому хану Худояру переходят из Коканда многие из его приверженцев, при нем же состоят сыновья убитого амиром в 1840 гаду Кокандского хана Медали, воспитывавшиеся при бухарском дворе.

№ 71

Командир Оренб. корп. Военному Министру; 14 мая 1858 г. № 1047. Оренбург.

На отзыв Вашего Высокопревосходительства от 3 сего мая за № 5802, считаю обязанностью объяснить, что в письме моем от 18 декабря за № 2616, я просил распоряжения о командировании одновременно со мною на р. Сырдарью, инженерного генерала пользующегося Высочайшим доверием не потому чтобы я сомневался в опытности и познаниях полковника Геннериха, но единственно вследствие желания моего, чтобы облеченное Высочайшим доверием лицо; беспристрастное, и чуждое, как управлению моего предшественника, так и моему, могло засвидетельствовать пред Государем Императором, что резкое осуждение устройства по сему предмету, было вызвано не одним желанием перемен в начинаниях графа Перовского, не безотчетным стремлением создать что либо новое и что разница оказавшаяся в моих донесениях о Сырдарьинской линии, против прежних убеждений в правильности и прочности возводимых на Сырдарье фортов и строений, была только следствием внимательной оценки результатов, неправильного проектирования Сырдарьинских укреплений, и 4-х летнего неудачного опыта произведенных там работ, а в особенности строений с камышовыми сводами.

Считаю долгом к сему присовокупить, что присутствие на Сырдарьинской линии такого лица я полагал тем более необходимым, что отправляя к вашему высокопревосходительству вышесказанное письмо, я не получил еще сведения и кончине графа Василия Алексеевича; и потому как приемник его, опасался взять на одного себя ответственность в порицании и изменении его проектов, вопреки личным убеждениям графа Перовского, и всему что до того времени было известно военному министерству о положении Сырдарьинской линии.

Правильность моего опасения, подтверждается и теперь выраженным Вашим Высокопревосходительством сомнением в необходимости совершенно оставить, принятый в фортах способ постройки зданий с камышовыми сводами. В донесениях моих я неоднократно излагал неудобства этой системы и вредные последствия от нее произошедшие; система эта не представляет даже выгоды от кажущего сбережения лесу, которая бросается в глаза при первом взгляде на напечатанные в особой брошюре чертежи и описания камышовых сводов, ибо по сообщению мне полковником Геннерихом расчету, строений из жженого кирпича с камышевыми сводами, обходятся на р. Сырь дороже таковых же из воздушного кирпича с деревянными стропилами, при самых даже невыгодных условиях доставки лесу за 1000 верст (донесение мое от 6 апреля за № 683); а так как сверх того грунт Сырских берегов, не был основательно исследован, и как убеждения в том, что он может выдержать тяжелые строения с камышевыми сводами, устроителя Сырдарьинской линии не было, то в настоящее время разрушающие строения требуют едва ли не больше лесу для подпирания их всех сторон, нежели сколько понадобилось бы на деревянные стропила. Наконец истребление значительного количества лесу, потребного на колья для вязки камышевых фашин, и уничтожение в окрестностях фортов топлива, в следствие необходимости ставить под тяжелые камышевые своды стены из жженого кирпича; неимение в настоящее время, после 4-х летних работ на Сырдарье, все это кажется может привести к достаточному убеждению в невозможности продолжать опыты над камышевыми сводами, вовлекшими своею несообразительностью казну в такую невознаградимую трату денег, времени и трудов.

Мне остается выразить здесь, что по представленной мне вашим высокопревосходительством власти руководить работами на Сырдарьинской линии, не стесняясь Высочайше утвержденными проектами, я приму все меры, что бы окончить устройство линии с требуемыми условиями скорости, дешевизны

и прочности и тем постараюсь оправдать оказанное мне доверие Вашего Высокопревосходительства.

Подпись: Ген.- адют. Катенин.

ЦГА РУз, Фонд И-715 ОП 1, Д. 19, Л. 284, 285, 286.

№ 72

Командир Орен. Корп военному инженеру штабс-капитану Старкову; 19 мая 1860г. № 974. Оренбург.

Для определения степени удобства орошения местности прилежащим пустыне Яны-Дары и Кувана, на котором представляется наиболее выгодной развитию хлебопашества, - по Высочайше утвержденному предположению предстоящем летом в течение 4 месяцев должна быть произведена в сказанной местности правильная нивелировка по следующим направлениям, а именно;

- 1) по Яны-Дарье от форта Перовский, до протока Манайли, Уряк на протяжении172 верст
- 2) Отсюда до Коканда66-
- 3) По Кувану до форта Перовский.....160-

Всего на протяжении 398 верст

Нынешнем же летом производиться опыт движения по степи пехоты на верблюдах; для чего уже и отправлено отсюда этим способом в форт Перовский 104 человека пехоты, назначенных на усиление 4 батальона. Начальствование над этим отрядом и производство опыта до форта № 1 поручено генерального штаба поручику Мейеру.

Возлагая на Ваше Благородие дальнейшее производство опыта до форта Перовский и нивелировку по указанным выше направлениям и командируя для последней работы в Ваше распоряжение корпуса топографов поручика Анишева,

прапорщика Китаева и топографов Тихонова 1-го и Ситникова, предлагаю исполнить следующее:

Передвижение пехоты на верблюдах

1. С получения сего отправится по прилагаемой при сем подорожной в форт № 1, где в своё время принят от Мейера состоящей в его распоряжении отряд с верблюдами, - следовать с ним в форт Перовский в том же порядке, как следует поручик Мейер.
2. Продовольствие как для пехотной команды, для вожakov верблюдовожатых, посыльных киргиз и караван-баши, а также для 10 казаков, имеющих быть назначенными из гарнизона форта № 1 для сопровождения отряда до форта Перовский, на 12 дней принять из запасов этого форта и за помещением 10-ти дневного провианта при людях остальную тяжесть, и запасный лес и железо кресел долженствующие должен быть при отряде, уходит на особых верблюдах. Мясная порция должна заключаться в живых баранах, которые Вы получите натурой от Коменданта форта № 1, или же получите на это деньги.
3. Казаков, которые будут взяты из Форта по прибытии отряда в форт Перовский, возвратит обратно к прежнему месту служения.
4. Деньги для выдачи в жалование верблюдовожатым, посыльным и караван-баши, полагая первым по 3 рубля в месяц, вторым по 5 рублей и караван-баши по 25 рублей сер., а также и на другие расходы по передвижению отряда до форта Перовский. принять вместе с шнуровой книгой от поручика Мейера и расходовать по оной установленным порядком.
5. Имея в виду что настоящий опыт передвижения по степи пехоты на верблюдах должен послужить основанием для указания пользы или невыгодой всех подобных же передвижений на дальнейшее время, я предлагаю вам кроме постоянного наблюдения за скоростью и удобством движения обратить особенное внимание на влияние подобных переездов на здоровье, силы людей, на удобнейшие способы расположения отряда на бивуках, на скорость изготовления его к бою, на удобнейшую и скорейшую вьючку и пригонку кресел, на самое их

устройство и даже вообще на все мелочи снаряжения и передвижения каравана так как при оценке подобного способа движения мелочные, иногда и пустяшное с первого взгляда обстоятельства не редко может навести на принятие той или другой полезной меры. Все собранные таким образом замечания по переводении из в порядок представить в последствии с вашим заключением ко мне; поручик Мейер сообщит вам так же свои наблюдения, которые вы примете в соображения.

6. Принимая в расчет, что опыты движения пехоты на верблюдах не раз были произведены за границей и даже в небольшом виде войсках Оренбургского корпуса, я для лучшего разъяснения настоящего вопроса и возможности проверить на практике те правила, которые некоторым образом вошли уже в теорию, предлагаю вам обратить особенное внимание на те сочинения, которые будут вам переданы поручиком Мейером, а именно: сочинение генерал Корбучуя и записку с чертежами, составленную по этому предмету в штаб.
7. Маршрут на следование ваше до форта Перовский, который вы получите от поручика Мейера, должен быть принят только как приблизительный расчет продолжительности вашего пути, а отнюдь не в буквальном смысле, так увеличение или уменьшение переходов и назначение дневок будут зависеть от обстоятельства и совершенно предоставляется вашему усмотрению.
8. По прибытии в форт Перовский, состоящих в вашем отряде верблюдов вы распустите по домам, как в этом случае так и во всех других при отпуске верблюдов вы должны выдавать им только одни квитанции с показанием времени нахождения верблюдов под вьюками, плата же денег за наем будет производиться по этим квитанциям областным правлением.

II. По нивелировке.

По прибытии в форт Перовский и по сдаче кому следует пехотной команды вы должны немедленно приступить к исполнению другого возложенного на вас поручения, - нивелировки, на счет которой считаю нужным сообщить вам к сведению и исполнению следующее:

- В прикрытие нивелировки назначаются из гарнизона форта Перовский 40 расторопных и доброконных казаков и 20 человек лучших гатуцерных стрелков при офицере.
- Конвой этот должен иметь исправное вооружение, полный комплект боевых патронов, теплую и если имеется летнюю одежду, именно кителя, фуражки с козырьками и белыми чехлами.
- Походные принадлежности как то: юламейки, несколько турсуков, для запаса воды, седла для чипов корпуса топографов, топоры, веревки, косы и проч. мелочи, а так же продовольственные припасы, овес на 4/2 месяца будут отпущены из запасов форта Перовский по распоряжению Г. Командующего Сыр-Дарьинской линией.
- Для поднятия отрядных тяжестей по распоряжению ген.-лейт, Дебу ко времени прибытия вашего в форт Перовский наймется нужное число верблюдов и верблюдовожатых киргиз, которые обязаны представить исправные вьючные седла, арканы или веревки для вьючки, и должны получать казенное продовольствие.
- Верблюды по мере освобождения из под тяжестей должны отпускаться из отряда в свои аулы, с выдачею возчика надлежащих квитанций, деньги по которым будут выплачиваться комендантом форта Перовский.
- Для указания путей, ночлегов, урочищ и для доставления бумаг в форт Перовский в ведение ваше поступят вожаки и посыльные киргизы хорошо знающих местность, где предположено производить нивелировку. Вожак и посыльные должны быть каждый о двуконь и при казенном содержании получать от вас жалованье первые по 10 руб., а последние по 5 рубл. сер. в месяц.
- Для вас и чинов корпуса топографов, фельдшера и стрелковой команды вы примете от кого будет следовать по указанию Г. Генераль – лейтенанта Дебу 40 лошадей с нужным числом седел, узд, недоуздков треног и проч. которых и распределите согласно приложенной при сем ведомости.

- Необходимые для нивелировки работ чертежные материалы и один нивелир с рейками будут отпущены вам их Управления Обер – Квартирмейстера, а еще два нивелира получите в форте Перовский из управления Командующего Сыр-Дарьинской линией.
- По принятии людей, лошадей, верблюдов и всего следующего в ваш отряд снабжения, вы должны немедленно выступить по назначению и приступить к нивелировке, вместе с тем заняться сбором различных статистических и агрономических данных, согласно прилагаемой при сем программы. При этом прошу иметь в виду связать ваши нивелировочные работы с таковыми же произведенными по распоряжению Генерал-лейтенанта Дебу от форта Перовский вниз по Сыру.
- Во избежание нечаянных нападений хищных шаек и угона табуна вменяется вам в обязанность во время следования и на ночлегах соблюдать надлежащие правила предосторожности: ночью иметь непременно часовых в лагере и в особенности при табунах, а так же и дежурную часть в конвое, которая по требованию могла бы быть готовою к бою или движению, имея однакож при этом ввиду, чтоб без нужды излишнею строгостью не изнурять силы людей и лошадей.
- Во всё время производства работ наблюдать, чтобы все чины конвоя при встрече с аулами киргиз не позволяли бы себе в отношении их ни каких неприязненных действий; в особенности прошу не позволять заезжать в аулы без вашего наблюдения и разрешения, или брать что-либо самовольно; покупать же или менять не воспрещается; но если случится что почётные и старшины или родоначальники пожелают вам представиться то не отказывая им в этом напротив стараться ласковым приёмом и дружелюбным обращением внушить им полное к нам доверие.

В случае же неприязненных во время работ против вас действий, каких-либо хищных шаек, разрешается вам только в самых необходимых случаях наступательных движений.

➤ Расчёты с состоящими при отряде киргизами, заключающие в выдаче им квитанций производить с строжайшею аккуратностью через караван-баши, который назначится из почётных Ордынцев и обязан иметь постоянный надзор за возчиками, верблюдами и за вьчкою: караван-баши должен получать жалование по 25 руб. сер. в месяц.

➤ Расход продовольствия в шнуровую книгу, (которую вы получите от Коменданта форта Перовского) двумя статьями: а) конвойному отряду, который получает содержание из запасов укрепления и потому денежной платы за это продовольствие не полагается. б) чинам корпуса топографов, жожакам, посыльным и верблюдоожатым киргизам. Остаток от продовольствия, если таковой будет, равно казенное имущество и лошадей по возвращении в форт вместе с книгою сдать под квитанцию коменданту форта Перовский, с тем, чтобы он по последней статье из книги сделал выписку о удержанных вами продовольственных припасах и представил бы её ко мне для возврата во онные денег.

➤ На расходы по последнему поручению вы получите от обер Квартирмейстера в добавок к полученным уже вами следующие деньги:

Порции. Поручику Анишеву и двум топографам, первому по 60 коп., а последнему по 25 коп. сер. в сутки каждому на 4½ месяца или 138 дней.....151 р, 80 к.

Для выдачи жалованье караван-баши по 25 руб. –жожакам по 10, -вестовым по 5 руб, и верблюдоожатым киргизам по 3 рубля сер, в 4½ месяца примерно.....700 р.

На непредвиденные расходы.....250 р.

Итого.....1101 р. 80 к.

Деньги эти вы запишите на приход в прилагаемую при сем шнуровую книгу и будете расходовать установленным порядком, а по возвращении в Оренбург представите её ко мне вместе с остатком если таковой будет.

Находясь на нивелировке вы будете стоять под непосредственным ведением Командующего Сыр-Дарьинской линией, а потому и обо всём, что будет касаться ваших работ, движения и состоянии отряда вы будете доносить прямо генерал – лейтенанту Дебу; испрашивая у него разрешения или указаний и во всех непредвиденных здесь случаях, мне же будет представлять копии с этих донесений.

Подпись: Ген – адъют. Катенин.

ЦГА. РУз. Ф 4-715. ОП 1, Д. 23, Л 221.

№ 73

Команир Оренб. корпусом Военному министру; 6 июля 1860 г.

№ 1369. Оренбург

Имею честь представить при сем к Вашему Высокопривосходительству выписку из сведений полученных 2-го числа этого месяца от Командующего Сыр-Дарьинской линией о положении дела в Средне-Азиатских ханствах.

Подпись: Ген. –м. Данзас.

Приложение: Выписка из сведений, полученных с Сыр-дарьи в июле месяце 1860 г., о положении дел в Коканде, Бухаре и Хиве.

КОКАНД

Прибывший из Ташкента лазутчик надворного советника Осмоловского передал, что хан Меллябек по-прежнему не доверяя кипчакам, удаляет их от занимаемых должностей и замещает природными сартами; это усиливает неудовольствие к хану кипчаков и действовавших всегда с ними киргизов (дикокаменных), дней двадцать тому назад пронесся даже слух о поголовном восстании этих племен; при этом Меллябек хотя и не оказывает расположения кипчакам, тем не менее не отпускает от себя их почётных баев, как то: Нармухаммеда и Утебая.

Безграничным доверием хана и полновластным влиянием на дела пользуется известный Канаат, ему принадлежат идея – обессиления кипчаков, его боятся больше Меллябека, и приказания его используются и скорее, и точнее ханских фирманов.

Вследствие выставки летних постов от Сибирского корпуса на р. Уч-Алмат, кокандское правительство, по просьбе Пишпекского и Аулиатинского беков, усилило гарнизоны в этих крепостях.

Вследствие плохого прошлогоднего урожая в Кокандских владениях, чувствуется дороговизна на съестные припасы, и, гарнизоны крепостей, получая на довольствие деньги в незначительном количестве, не в состоянии прокормиться с семейством и делают побег.

БУХАРА

Неудовольствие Бухарского Эмира кокандцами за попытки последних обладать пограничною Бухарскою крепостью Ура-Тюпе и ограбление бухарских подданных, - не так как своей вечной политике действует всегда больше интригами, чем открытою силою, то поэтому он грозя кокандцам войною, принимает от Меллябека льстивые посольства и подарки. Несмотря однако на это в Кокандских владениях, что месяца через два непременно Эмир выступит с войском.

ХИВА

По полученным из Хивы сведениям, видно, что хану удалось подчинить своей власти некоторые племена туркмен, но мир с ними не прочен, и если теперь раздоры несколько приутихли в Хиве, то только потому, что об враждующие партии заняты обработкою пашен, осенью же по уборке хлеба, беспорядки вероятно, возобновляются, так как большая часть туркмен положительно не хочет и слушать о подчинении Хивинскому хану.

ЦГА. РУз. Фонд И-715. ОП 1, Д. 23, Л 283

№ 74

Командир Оренб. корпусам Военному министру;

27 июля 1860 г. № 1584. Оренбург

Имею честь представить при сем к Вашему Высокопр-ству выписку из сведений, полученных 19-го июля от Командующего Сыр-Дарьинской линией о положении дела в Средне-Азиатских ханствах.

Подпись: Ген. –м. Данзас.

Приложение: Выписка из сведений, полученных 19-го июля 1860 г. от Командующего Сыр-Дарьинской линией о положении дел в Средне-Азиатских ханствах.

КОКАНД

Выехавший 17-го июля из Туркестана лазутчик донёс, что кокандский хан начал показывать благосклонность кипчакам, вследствие совершенного прекращения сношений с Бухарским Эмиром, который объявил Меллябеку, что, если в скором времени не будут, удовлетворены за грабежа бухарские подданные, то он больше не будет принимать никаких извинений от хана и пойдёт на него войною, но в Кокандском ханстве перестают верить этим грозным объявлениям и Меллябек разрешил кокандцам грабежи в Бухарских владениях.

В Кокандском ханстве носятся слухи, что войска Сибирского корпуса подвинулись почти к самому Пишпеку и близ него на р. Или начали строить крепость, для того чтобы противодействовать им, сформирован отряд, который посылается в составе 2000 человек в Ауле-Ата, под командою ташкентского парваначи Рустамбека, место его займёт Нармухаммед, один из самых значительных и влиятельнейших биев кипчакских; с Туркестанского округа не взято людей для этого похода, но зато киргизы заплатили деньгами две тысячи сто тиллей, а другие рода киргизов кочующих около Туркестана двести десять тиллей.

Перед отъездом лазутчика из Туркестана, туда пришло письменное приказание хана, чтобы Бабаджан Туркестанский бек избегал всех возможных столкновений с русскими, строго подтверждено не посылать на грабёж в наши пределы.

После сего получено на Сыр-Даре известие, что кроме упомянутых 2000 человек выступил к Ауле-та Канат с 4000 отрядом, будто бы вследствие русскими укрепления Пишпека.

Из Хивы получены сведения, что хивинцы отправляли посланника в Бухару, просить у Эмира помощи против туркмен, которые своими набегами до того устрашили хивинцев, что последние хотят просить Эмира, о назначении в Хиву по его выбору.

ЦГА. РУз. Фонд № И-715. ОП № 1, Д. № 23, Л № 325

№ 75

Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 году и журнал осады Кокандской крепости Пишпек. Ноябрь 1860.

Постоянно враждебные нам замыслы кокандцев, обнаружившиеся в подстрекании зачуйских киргиз к хищническим вторжениям в наши пределы, заставили корпусного командира Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири генерала от инфантерии Гасфорда представить на Высочайшее благоусмотрение предложения об экспедиции за р. Чу, для разорения Кокандских крепостей Токмака и Пишпека. Крепости эти, бывшие грозою для киргиз кочующихъ вне наших пределов, служили главными откуда распространялось на край влияния кокандцев, в них содержался гарнизон из Кокандских солдат, употребляемых для сбора с киргиз закета, для возбуждения их против русских (и для подк, влени больших отрядами____ партий) .????

Его Императорское Величество удостоив Высочайше утвердить предположения Корпусного Командира, соизволил приказать: сделав все

приготовления к экспедиции не начинать её пока вражда к нам кокандцев не обнаружится новыми более решительными действиями с их стороны.

Согласно с Высочайшей волей приготовления к экспедиции по распоряжению Корпусного Командира начались летом прошлого 1859 года.

В мае месяце, для ближайшего ознакомления с местностью и для военной рекогносцировки верховьев р. Чу, крепостей: Токмака и Пишпека и путей к ним ведущих, был послан отряд состоявший из 2 рот пехоты, 2 сотен казаков, 2 лёгких и 2 горных орудий, ему было вменено в обязанность заложить на р. Кастек небольшое укрепление для связи будущих наших действий с укреплением Верным, главным пунктом русских поселений в Заилийском крае.

Заложив укрепление отряд этот двинулся в долину р. Чу, при следовании по которой, неоднократно был тревожным Дико – каменными киргизами, подкреплёнными кокандскими отрядами, но войска наши отразив нападения с уроном для неприятеля не предпринимали, следуя приказаниям корпусного командира, никаких наступательных действий против кокандцев и ни разу не переходил Чу, стараясь только мирными средствами приобрести влияние на Дикокаменных и Зачуйских киргиз для ограждения нашим пределам от вторжений. Кроме того состоявшийся при отряде за начальника генерального штаба штабс-капитан. Венков вступил в переговоры с Пишпекским комендантом Атабеком-датхой об освобождении захваченных Кокандцами двух почётных киргиз наших, которых Атабек обещал освободить, но не исполнил обещание.

Отряд кончив свой поиск возвратился в конце июля в укрепление Верное.

Между тем по распоряжению корпусного командира деятельно продолжалось снаряжение артиллерийского, инженерного и перевозочного парков оконченное к весне нынешнего 1860 года и к началу июня парки доставлены в укрепление Верное.

Веною же и летом враждебное настроение кокандцев обнаружилась более чем прежде.

В начале марта кокандцы не довольствуясь прежним образом действий решились послать на озеро-Исыккуль в наши пределы отряд с целью построить там курган (крепостцу) и собрать закят со всех Дикокаменных киргиз, в том числе и с покорного нам племени и Бугу. При первом известии об этом движении из укрепления Верного, по приказанию корпусного командира начальником Алатавского округа и киргизов Большой орды подполковником Колпаковским было послано на защиту буганцев 70 казаков под командою сотника Жераятьева, который перейдя по снегом хребет отделяющий Заилийский край от озера Иссым-Куль, прибыл к восточной его оконечности на речке Тупь раньше Кокандцев, чем остановил исполнение их замыслов. Но так как несмотря на предложения начальника русского отряда удалился на озеро, разжигая вражду между бугинцами, то корпусный командир приказал подполковнику Колпаковскому подкрепить Исыккульский отряд одним горным орудием и 30 казаками приготовить другой, и сотни казаков 1½ роты пехоты и 2 горных ордий для движения на озеро с западной стороны, с тем, чтобы прибывшие на южный берег Кокандский отряд охватить и атаковать с двух сторон. Этот второй отряд под командою подполковника, Шайтанова выступил из укрепления Кастек 12 мая перевалив с большими затруднениями три горных хребта из которых один Туруайгирь снеговой, пришёл 18 числа к западной оконечности озера на урочище Кути-малды.

Между тем подкрепление прибывшее к сотнику Жеребьятьеву позволило ему настоятельнее требовать у Кокандцев, оставить наши пределы. Кокандцы, видя наступление с двух сторон, быстро удалились за Небесный хребет к укреплению Куртке в верховья Нарыма. Появление же на озере западного Исыккульского отряда окончательно водворило спокойствие между Дикокаменными киргизами из которых многие роды прежде нам враждебные прислали в отряд своих атаманов, прося о принятии их под покровительство Русского Царя.

Оба отряда соединившись на южном берегу Исык-Куля и осмотрев входящие на озеро ущелья Небесного хребта возвратились в укрепление Верное.

Для поддержания сообщения с Кастекским укреплением во время движения отрядов остановлено на р. Малой Кибень 50 человек пехоты и 20 казаков. Кокандцы видя слабость русских в этом пункте подстрекнули Дикокаменных киргиз, которые покушались отбить казачьих лошадей, но покушения их не имело успеха. Киргизы были отражены, потеряв несколько человек убитыми.

Хотя движение наших отрядов на озеро Иссык-куль имело самые удовлетворительные результаты, однако как показали последствия не прекратилось враждебных действий кокандцев.

Прибывший 11 июня в укрепление Верное корпусный командир осмотрев возвратившийся отряд распустил казаков для окончания полевых работ и уборки сена и хлеба. Предусматривая же, что Кокандцы по удалению наших отрядов с Иссык-Куля, предпримут какие-либо новые враждебные действия против киргиз Дико-каменных и Большой орды, чтобы поддержать влияние своё над этими племенами, корпусный командир возложив на полковника генерального - штаба Циммермана начальствование – над всеми войсками и собранными для экспедиции средствами в Заилийском крае, снабдив его инструкцией, по коей между прочим вменил ему в обязанность внимательно следить за действиями собранных и ожидавшихся в Пишпекке кокандских войск и если они не будут вторгаться в наши пределы, то согласно с переданной Военным Министром Высочайшей волей ни каких неприязненных движений против них не предпринимать. Если бы были делаемы баранты Зачуйскими киргизами у подданных вам киргизов. Большой орды, то помогать сим последним небольшими казачьими партиями для возвращения угнанного у них скота. Если бы Кокандцы ободренные возвращением наших отрядов с Иссык-Куля выслали бы вновь на это озеро свои партии для возобновления между Дико-каменными киргизами, то движение отряда находящегося восточнее Иссык-Куля и высылкою из укрепления Верного в тыл им прогнать их немедленно.

Если бы же узнав об отъезде корпусного командира и возвращении наших отрядов, сарты дерзнули перейти, Чу и вторгнулся в наши пределы, то в таком

случае двинуть против них достаточный отряд из Заилийских войск, развить сартов, преследовать их и, если представится возможность занять крепость Пишпек.

Обстоятельства оправдали предусмотрения и меры предосторожности корпусного командира относительно замыслов кокандцев.

В первых числах июля в Заилийском крае начали получать известия о сборке кокандцев значительных в Пишпеке и Токмаке и о намерении их сделать вторжение в наши пределы. В ночь на 5 июля под нашим передовым укреплением Кастек была открыта разъездами небольшая партия кокандцев, которая поспешно скрылась, но при сем взяты в плен кокандских солдат, показавший что в большем числе собрались в Пишпеке и Токмаке намерены в самом скором времени сделать нападение на наше передовое укрепление.

Между тем все подвластные нам киргизы Большой орды откочевали из гор и из окрестностей Кастека: известия о неприязненных намерениях кокандцев получались отовсюду.

В таких обстоятельствах командующих войсками в Заилийском крае генерального штаба Полковник Циммерман, руководствуясь инструкцией данной командиром корпуса выступил в ночь на 5 июля из укрепления Верного с большим отрядом, составленным из стрелковой роты сибирского линейного № 8 батальона трёх сотен казаков и 2 лёгких орудий и прибыл 8 июля к укреплению Кастек, где находилось до 200 человек гарнизона. Получив на дороге известие, что к укреплению подходит большое скопище Кокандцев с намерением его атаковать, Передовая неприятельская партия утром 8 июля покушалась было пользуясь закрытой местностью вблизи укрепления, отогнать табун наших лошадей, но его успели загнать вовремя, при чём, однако, один линейный солдат был ранен и попал кокандцам в плен. В ночь на 9 июля толпа неприятеля показали под самим укреплением с целью отогнать лошадей отряда. Но густая цепь выставленная с нашей стороны открыла огонь; немедленно по тревоге отряд стал в ружьё и неприятель видя, что ему не удалось захватить врасплох, отошёл

поспешно. На рассвете Кокандцы зажгли запасы сена в 4 верстах от укрепления и массы неприятельской конницы показались на высотах правого берега реки Кастек более чем на пушечный выстрел от укрепления. Полковник Циммерман немедленно пошёл против них с отрядам и после кратковременного дела неприятель был отражён с значительным уроном нашим пушечным и штуцерным огнём и преследуем на расстоянии 12 вёрст. Сильный жар более 40 Реомюра на солнце и утомление войск не позволило преследовать его дальше. Кокандцев и Дико-каменных киргиз, подходивших к Кастеку было около 3000, как впоследствии узнали от самих Кокандских Начальников взятых нами в плен кроме того в уроч. Баладжан Оаз в 35 вёрстах не доходя Кастека во время дела оставалось более 7000 человек под начальством Рустем-бека правителя Ташкента и Атабека-бека Датхи. Неприятель удалившийся без оглядки на другой день вышел уже из наших пределов и перешёл р. Чу. После бегства Кокандцев открылось, что неприятель предпринимал такое дерзкое вторжение в наши пределы вследствие сношений с находящимся в русском подданстве киргизами Большой орды. Кокандцы имели обширные замыслы; возмутить наших киргиз, пересечь сообщение Заилийского края с Копалом и уничтожить все водворение наше на том крае. Скорое прибытие отряда под Кастек не дало Кокандцам времени собрать там все свои силы. Поражение неприятеля под Кастеком уменьшило брожение умов в большой Орде; но для водворения там совершенного спокойствия, для обеспечения Заилийского края от повторения подобных нападений, равно для наказаний Кокандцев за их дерзость необходимо было взять и разорить их крепости на р. Чу Пишпек и Токмак, [из которых Пишпек главное гнездо всех замыслов против спокойствия не только и Большой, но и вы Средней отряд и считался непобедимым]. Командир отдельного Сибирского Корпуса согласно с Высочайшей волей приказал приготовить отряд и выступить в поход в конце августа, когда спадёт жара, наши полевые работы придут к окончанию. Еще в июне настоящего года в бытность свою в Верном Корпусный Командир, как сказано выше, предвидя нападение со стороны Кокандцев, дал подробные

письменные и словесные наставления и указания на случай военных действий, экспедиции за Чу и взятия и разорения кокандских крепостей. Пишпека о Токмака; в последствии он постоянно присылал точные и обстоятельные по всем предметам приказания и разрешения, так что вся экспедиция совершенна по его распоряжениям. под руководством же и наблюдением Командующего войсками артиллерийским и инженерным парк приготовлены к движению, также приготовлены войска к предстоявшему походу и военным действиям. Так как путь, по которому предназначалось двинуть отряду для перехода через горы, затруднителен, для колесных тяжестью, то и предположено взять собой как можно менее повозок и вести тяжести на верблюдах. Этой целью мортиры, снаряды к ним, а также и часто снарядов для орудий, порох и проч. Приспособлены к вьючке на верблюдов. По части инженерной весь парковой, минный, саперный и рабочий инструмент приспособлен к вьючке, кроме того как выше упомянутые кокандские крепости лежат в безлесной стране, то заготовлены минные рамы, запасный лес и штурмовые лестницы, [ещё прежде сформированные, по приказанию корпусного Командира, команда из линейных солдат обучена под руководством саперных офицеров и унтер-офицеров ведению минных галерей плетению турон вязки фашин. Сверх того люди 8 и 9 батальонов, назначенные в экспедицию производили несколько раз под руководством Командующего войсками примерное открытие осадных работ и примерный штурм крепости по штурмовым лестницам].

Всё это было окончено к 15 августа и к 22 отряд, состоявший из 6 рот 8 и 9 Сибирских линейных батальонов, 5 сотен Сибирских линейных казаков двух батарейных, четырёх конно-лёгких, двух горных орудий, четырёх полупудовых и трёх кегерновых мортир ракетных станков с артиллерийскими и инженерным парком собрался в укрепление Кастек. Всего в отряд было взято 2620 выстрелов и 60 боевых ракет вновь присланных и несколько десятков старых ракет менее годных. При инженерном парке состояла повозка с гальваническими принадлежностями. Отряд 23 двинулся от укрепления Кастеку двумя колоннами

для перехода через хребет, отделяющий Заилийский край от долины р. Чу. Левая колонна под начальством Сибирского линейного Казачьего войска подполковника Шайтанова из трёх сотен казаков, двух горных орудий, одного ракетного станка и провиантского транспорта на 250 верблюдах пошла вверх по ущелью реки Кастека и потом через перевал в верховья реки Каракунуса дорогой кратчайшей, обильной кормами и водой не поднимающейся на такую высоту как Биш-Майнакский путь и не удобный лишь для колесных тяжестей по узкости некоторых мест в ущельях, где и горную артиллерию приходилось выючить.

Правая колонна под личным начальством командующего войсками в Заилийском крае полковника Циммермана из всей пехоты отряда, двух батарейных, четыре конно-лёгких орудий, трёх ракетных станков артиллерийского и инженерного парков, и подвижного лазарета двинулась через Багу-моюс поход Биш и Майнакский. Переход через горы представлял значительное затруднение местность там чрезвычайно походит на Дагестанскую, отличаясь от не совершенной безлесностью и скудостью вод в небольших ручьях выходящих из горных ключей.

Двадцать третьего августа правая колонна имела ночлег у выхода реки Богу-Моюс из ущелья на плоскость, 24 сделала чрезвычайно трудный переход в 15 верст до урочища Баланджаньсаз. Впереди отряда послана была команда с щанцевым инструментом под ведением гренадерского саперного батальона подпоручика Гаккеля для разработки мест труднейших пути. Батарейным орудием в особенности было трудно следовать по косогорам, подъёмом и спуском. В иных местах горная тропинка, которую шёл отряд, вилась карнизом между скалами. В отряде было два полупудовых единорога. (В горах при каждом из этих орудий шло по пятидесяти).

В горах при каждом из этих орудий шло по пятидесяти человек пехоты, спускавших их на лямках. Урочище Баладжани-Сази имеет вероятно 6000 футов возвышения; ночью термометры спускался до двух Реомюра. Там оставлены для дневки часть отряда, две роты пехоты, батарейные орудия и более усталые

верблюды под начальством майора Экэблада, а остальная часть перешла 25 августа перевал и сделав переход почти в тридцать верст по безводной местности, спустилась на плоскость при выходе реки Каракунуса из ущелья.

Артиллерия в особенности конно-лёгкий дивизион под командой опытного в степных походах штабс капитана Обуха совершила этот горный поход блестящим образом, на Каракуну отряд соединился с колонной подполковника Шайтанова, прибывший туда несколькими часами ранее. На ночлеге у Каракунусе явился отряд сын Джинтая, Манапа Сарибашского одного из самых влиятельных людей между дикокаменными изъявлением покорности. 26 августа отряд двинулся к переправе на Чу. В авангарде шли казаки, два лёгких и два горных орудия. Переправа через реку Чу не представляла ни малейшего затруднения, воды было только по колено.

Ещё у Кара-Кунуса получено было известие, что Кокандская крепостца Токмак, находящаяся в 5 верстах за р. Чу, остановлена неприятелем как-то предполагали по прежним сведениям. Авангард при котором находился командующий войсками, шел не останавливаясь; киргизы были посланы вперёд к Токмаку, в котором по известиям было сто человек с лишком гарнизона и два больших орудия. Ещё на конце отправления туда прокламация на имя коменданта укрепления Хажкулы офицера Кокандских войск. Когда авангард подошли люди для переговоров, которые на требование сдачи укрепления унижено просили дать два дня сроку, чтобы получить ответ от начальника их находящегося в Пишпеке Лтабока Датхи. Им объявлено, что если через час не сдадутся, то будет открыт огонь. Между тем инженерные и саперные офицеры Титов, Криштановский, Гаккель и Каменоградский произвели ближайший осмотр укрепления, подходя к нему даже сажен на 30. Не получая ответ от гарнизона командующий войсками послал киргиза Кувата он подъехал к самому рву стал уговаривать коменданта крепости Ханкулу сдаться, но тот отвечал, что не смеет ни сдать укрепления, ни защищаться. И, действительно, из крепости было сделано во все время лишь несколько ружейных выстрелов. Командующий приказал поставить на Курганге в

200 слишком сажень от Токмака пять мортир и одно орудие, в 6 часу вечера открыть огонь, который продолжался около часу, сделано было до пятидесяти выстрелов разрывными снарядами под распоряжением артиллерии штабс-капитана Обуха, подпоручика Лосинова и адъютанта корпусного Командира поручика Флюменталя. С наступлением сумерек огонь прекратился и из крепости вышел человек, кричавший о пощаде. После узнали, что наш огонь хотя и слабый, так как стреляли на ближней дистанции и медленно, сделал однако значительные повреждения в укреплении в особенности навесный огонь произвёл сильное впечатление на сартов; большая часть их попряталась, но комендант Ханкула, как сказывали после его подчинённые, остался сидеть на стене и решил умереть, крики женщин, которых было до пятнадцати в крепости заставили его согласиться на сдачу. У некоторых женщин были грудные дети и одна из них была ранена осколком гранаты, к счастью легко, русский медик на другой день оказал ей пособие.

Кокандец, вышедший из крепости, объявил, что гарнизон готов сдаться и просил только, чтобы полковник Циммерман по восточному обычаю послал им пулю из рта, в знак того, что жизнь их будет пощажена; просьба его была исполнена и вместе с тем Командующий войсками потребовал, чтобы Комендант Ханкулы немедленно к нему явился, однако было сделано распоряжение о высылке рабочих для постройки батарей вблизи от укрепления. Через полчаса явился сам Ханкула и объявил, что сдаётся безусловно. Ему приказано немедленно выйти со всем гарнизоном из укрепления, что и исполнено сейчас же, и крепостца была занята русскими. В ней взято знамя, две небольшие чугунные пушки без лафета, 11 крепостных ружей, 47 обыкновенных ружей, 35 сабель, 7 пик и кроме того несколько барабанов, 32 1/2 пуда пороха, довольно свинца, небольших ядер, пуль и прочего. В гарнизоне было сначала до 200 человек, но их числа их киргизы разбежались и даже из кокандскими солдат 20 человек, по оказанию самого Ханкулы ушло, так что всего осталось до 70 человек, из которых многие имели при себе жён и детей. На другой день рано поутру позволено

гарнизону возвратиться в крепость за остальным имуществом, которого не успели забрать накануне, а вечером приступлено к разрушению укрепления. Кокандцам казалось совершенно непонятным и страшным, что с военнопленными обходятся человечно и что отобрали у них только оружие, а оставили всё имущество. Ханкула выразил даже отрядному переводчику Бардашеву удивление по этому поводу и сказал откровенно, что он их обычаем если бы и пощадили жизнь пленных, то по крайней мере отобрали их до чиста. Но ему объяснили, что русские ведут иначе. Крепостца Токмак, имевшая вид неправильного четырёх угольника до 35 сажень в боку, построена на обрыве левого уступа долины р. Чу; место для неё хорошо выбрано; с северной и западной стороны, она примыкает к оврагу. В крепости было две ограды, была зубчатая стена, имела от 1,5 до 2 саж. вышины и от 1,5 до 2 саж. толщины при этом основании равна передней от 2 до 2,5 саж. глубины и от 1,5 до 5 саж. ширины, зубчатые стены второй ограды или цитадели имели 3 саж. вышины и 1 - 5 вершина толщины, башни их всего 6 в цитадели, а в наружной ограде нет. Четыре сажени вышины. Все постройки сделаны из глины и довольно крепки, однако в иных местах выстрелы из 1\4 пудового единорога пробивали насквозь стену цитадели. Ров не имел флаговой обороны. Укрепление это совершенно походило на крепости прежней турецкой и персидской постройки, внутри много закрытий, из ворот входит в тёмный коридор такой же вход в цитадель. На банкетах были приготовлены камни для бросания в штурмующих и огромные дубины или рогатины.

На другой день 27 августа по приказанию корпусного командира, преступлено к разрушению Токмака; вчера взорван часть цитадели, башни Токмака подорванные, кокандским же порохом взлетели на воздух при криках удивления киргиз, находившихся при отряде.

28 августа утром срыта вся первая ограда, в полдень взорваны три башни, к вечеру окончено срытие внутренней ограды и с наступлением темноты строения в Токмате были зажжены. Работами по разрушению крепостцы распоряжался саперный поручик Титов.

27 августа утром присоединился к отряду майор Экеблад. В эшелоне его на спуске к Кара-кунуса был несчастный случай; зарядным ящиком батарейного взвода раздавлен кононир этого взвода. Вечером того же 27 числа прибыл начальник Алавацкого округа и киргизов Большой орды подполковник Колпаковский с сотнею казаков и 150 киргизами.

После разрушения Токмана отряд выступил 29 августа к Пишпеку, куда и прибыл 30 числа Авангард, состоявший из кавалерии с кеснными и горными орудиями, к Двум часам по полудни подошёл на пушечный выстрел к крепости и стал переходить горную ручку Аламедин, текущую с восточной стороны Пишпека. Крепость в это время открыла частый пулемётный огонь. Ядра ложились посреди наших колон, по счастью без вреда для нас; ракета только одна лошадь в артиллерии. По имевшемся сведениям дальнейших полёт Кокандских ядер полагали в 500 сажень; оказалось, что они ложатся почти на две версты. Отряд расположился по речке Аламедин против южного фаса крепости.

Крепость Пишпек построена на возвышенности левого берега р. Аламедин в виде неправильного четырёхугольника 105-119 ссык в боку и имеет цитадель. Она оказалась гораздо сильнее чем ожидали: наружная ограда состоит из глиняной стены с зубами, высотой до 2,5 и толщиной в основании до 4 сажень, окруженной водяным рвом, глубиною до 2,5 и шириною до 3 сажень; между стеною и рвом оставлена широкая местами до 2 сажень серма, а на краю контр-эксадра, присыпан невысокий гласис. В стене проделаны бойницы для ружей и амбразуры для орудий, помещаемых на уступе в толщине счалой стены, для увеличения прочности которой приделаны контр – форсы, служащие вместе с тем траверсами предохраняющими от анфиладных выстрелов. Ворота проделанная не в западном фронте ближе к северо-западному углу, как с наружной, так и с внутренней стороны прикрыты толстой высокой стеной, примкнутой к главной ограде посредством уступа (через ров перекинут).

По рекогносцировке, произведённой Командующем войсками с инженерными и артиллерийскими офицерами отряда, западный фронт крепость

оказался удобнейшим для атаки сад отстоящий от крепости 250 сажень, с находящимися в нём строениями представлял надёжной закрытие для рабочих, тогда как местность перед восточным и южным фронтами совершенно открыта, северный же примкнуть к болоту поросшими небольшими камышами. Вследствие этого отряд немедленно переведён на новую позицию в 4 верстах от прежней на р. Ала-арчи в двух верстах от крепости противу западного её фронта. Во время перемещения отряда неприятель снова открыл артиллерийский огонь, но не причинил нам никакого вреда.

В эту же ночь предложено открыть осадные работы.

ЖУРНАЛ ОСАДЫ

Первая ночь на 31 августа.

С наступлением темноты, расположив прикрытие цепью с резервами заложили несколько впереди сада за оврагом, почти в равном расстоянии одна от другой, три углубленные батареи, правая на четыре орудия на два легких единорога, средняя на семь мортир и левая на два легких орудия шести фунтовую пушку и четверть пудовой единорог. Между первой батареями и правее первой впереди на 30 сажень заложили шесть ложементов для стрелков, каждый на шесть человек. В час ночи начальник отряд осмотрев работы, приказал к рассвету их вооружить, батареи строились без внутренней обшивки с одеждою амбразур мешками; сообщение же устроено по оврагу. Согласно приказанию к рассвету батареи были окончены и вооружены. Доставка орудий из лагеря представляла немало затруднений через места затопленные от распущенных арыков. Орудия через топи перетащены людьми на руках. В продолжении работ с крепости несколько раз открывали огонь из пушек и турок (крепостных ружей) со всех четырёх фасов, но без вреда для нас. Большая часть снарядов перелетели через рабочих. По всему было заметно, что неприятель не догадывался о наших работах.

На работах находились в эту ночь:

5 саперного батальона поручик, военный инженер поручик Криштановский Гренадерского саперного батальона подпоручик Гаккель и военный Инженер подпоручик Каменоградский, сапер 3 Военнорабочих I. Из линейных 8 и 9-го батальонов на две смены 360 человек.

Прикрытие составляли 100 человек, стрелков № 8 батальона под начальством подпоручика Шаняевского и прапорщика Снесарева.

Днём 31 августа в 5 часов утра батареи № 1 и 3 открыли по крепости сначала навесный прицельный огонь. С мортирной же открыт огонь несколько позже. Батареи эти состояли № 1 под Командою артиллерии подпоручика Курковского, № 2 подпоручика Логинова, № 3 под адъютанта корпусного командира поручика Блюменталя и все батареи под главным начальством артиллерии штабс-капитана Обуха. На меткий огонь наших батарей неприятель отвечал также сильно и ядра его часто попадали в амбразуры. В этот день на батарее Курковского убит ядром фейерверкер батарейного взвода и сбита мушка на 1¼ пудовом единороге; на батарее Блюменталя убито две лошади. Рабочих было 100 человек 8-го батальона на две смены, они занимались утолщением элементов батарей и починкою внутренних отверстий амбразур часто переменяя мишки.

Траншейный караул состоял из 50 человек № 9 батальона.

Вторая ночь на 1-е сентября.

От правого фланга батареи № 1-го направлению к крепости, мимо западного угла заложили траншею Длинною на 100 сажень, на конце которой устроили углубленную мортирную батарею на 79 мортир. К рассвету работы были окончены и батарея вооружена мортирами с батареи № 2-го. Впереди устроили 4 ложементов для стрелков сначала ночи из крепости огня не производили, но с открытием работ на мортирной батарее, част которой вырыта в каменистом грунте, неприятеля открыл довольно живой огонь по рабочим, но без вреда для них. С нашей стороны огня не отрывали, исключая нескольких выстрелов с батареи Блюменталя, посланных в ответ на неприятельский огонь, который после того стал слабее. В эту ночь на работе находились:

5-го саперного батальона поручик Титов.

Гренадерского Саперного батальона подпоручик Гаккель. Сапер 2.

От батальонов № 8 и № 9-го на две смены 360.

Прикрытие составляли 100 человек № 8-го батальона под командою штабс-капитана Фриде.

Все рабочие вместе с прикрытием состояли под командою командира линейного № 8 батальона майора Экеблада.

Днём 1-го сентября, с рассветом открыли довольно сильный огонь; с нашей стороны отвечали, но не частым огнём. Батареям отдано командующим войсками приказание отстреливаться как можно реже и беречь снаряды для действия или с ближайшего расстояния. Рабочих было назначено 100 человек в две смены, которые уширили траншею и между батареями № 1-го и 3-го улучшили сообщение, уширив овраг и устроив траншею от батареи № 1-го до оврага. Кроме того 50 человек 8-го батальона плели туры и вязали фашины: Траншейный караул составляли 50 человек № 9-го батальона. В этот день приказом по войскам назначен траншей майором артиллерии поручик Вроченский, опытный в боевом деле офицер, Георгиевский кавалер, за Севастополь, траншей адъютантом 8-го линейного батальона прапорщик Снесарев, траншей офицерам того же.

ЦГА. РУз Фонд 3 и – 715. оп № 1, д. № 23, л № 144

№76

Начальник Алатавского окр. Командиру Сиб-корп: 3 апреля 1862 г.

Командированный для состояния при войсках Заилийского края генерального штаба штабс-капитан Гроценко 31 марта прибыл и доставил мне предписание Вашего Высокопр-ства от 19 марта за № 321, о сформировании отряда для

движения по направлению к Пишпеку и потом к Морке с целью отвлечь Кокандские скопища от Сыр-Дарьинской линии и обрекогносцировать местность.

Во исполнение этого предписания назначены в состав отряда стрелковые роты 7, 8, 9, и 12 батальонов и 1 линейная рота 8 батальона, дивизион конно – лёгкой № 21 батареи, две сони боевого резерва и четыре ракетных станка, приведены в совершенную готовность: сверх того имея в виду, что отряд для обрекогносцирования местности должен выслать отдельные части, а чтобы придать этим частям более самостоятельности, решил назначить в состав отряда взвод. Хотя назначения в состав отряда части приведены, в полную готовность, но по неимению подножных кормов невозможно предпринять движения тотчас, а необходимо обождать некоторое время пока появится молодая трава; на этом основании отряд может быть сосредоточен на Кастеке в половине сего месяца и оттуда предпримет дальнейшее движение по указаниям вашего Высокопревосходительства.

Относительно избрания или другого пути для переправы через Чу, я долгом считаю иметь честь донести, что хотя Курдайский перевал есть самый удобнейший, но Чумычский брод, к которому ведёт этот путь раннею весною и в половодье, не представляет тех удобств, какими отличается он в прочее время года.

В первом случае потому, что оба берега его на пространстве 4-5 верст окружены топкими местами, поросшими камышами, а в последнем потому, что река не разбиваясь на рукава, имеет столь быстрое течение, что верховой всадник не может держаться на нём. Вследствие этих причин, если надобность укажет в избрании другого пути для перехода отряда через Чу, я буду руководствоваться данными не разрешением, а если на Курдайской дороге не окажется другого удобного брода, в таком случае отряд будет поведён через Биш-Манайский проход на Токмакский брод, где река идёт несколькими рукавами и не окружена болотистыми местами.

О времени, когда отряд двинется с Кастека, я буду иметь честь донести с представлением строевой заливки.

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. 23, Л 167

№77

Командир Сиб. корп. начальнику Алатавского окр; 12 апреля 1862 г.

От 24 марта № 18 Ваше Высокоблагородие донося о происшедшем в Кокандском ханстве перевороте по случаю насильственной смерти Хана-Маля, присовокупляете, что Кокандские войска, по самому ходу событий в ханстве в настоящее время уже не могут предпринять враждебных действий против наших Сыр-Дарьинских киргиз а потому и полагаете, что демонстрация с нашей стороны, будет излишня.

Принимая во внимание, что наступательное движение за Чу, не имеет исключительной цели отвлечь кокандцев от Сыр-Дарьинской линии, но предпринимается также и для того, чтобы произвести рекогносцировку Зачуйской долины и собрать, по возможности подробные и точные сведения о местности доселе нам почти неизвестной, поручаю вашему Высокоблагородию отнюдь не останавливать приготовлений к этому походу и при первой возможности немедленно перейти Чу и двинуться по направлению к Мерке, согласно, данных мною инструкций, изложенных в отношении начальника штаба от 26 февраля № 238 и предписания моего от 19 марта № 321. Во время следования отряда Мерке, прошу Ваше Высокоблагородие неукоснительно следить за всем происходящем в Кокандском ханстве. О полученных ваших сведениях донести мне во всей подробности.

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. 23, Л 168

№78

Командир Сиб. корп. Военному Министру;

12 апреля 1862 г.

Омск

Начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды от 24 марта № 18 доносит, что по полученным им сведениям, в первых числах февраля, Кокандский хан Малля умер насильственной смертью. По показаниям лазутчика, недавно приехавшего из Ташкента, причиной убийства послужила казнь 20 придворных, оклеветанных правителем Ташкента, Канаат-Ша, в тайных сношениях с бывшим ханом Худаяром, находящимся в Бухаре. Малля хан, в избытке своего доверия к Канаату, без всякого суда, казнил обвинённых, в числе которых находилось 18 сартов и два узбека. Тогда сын именитого Ташкентского Датхи Утембая Кишанбай, известный дикокаменный Дитха-Алимбек, и последний комендант бывшей крепости Ак-Мечети, Шадман-Ходжа, спасаясь за свою участь, составили заговор и умертвили хана.

Слухи о дальнейших событиях в Кокандском ханстве, разноречивые по словам одних, избран в ханы 24-х летний племянник умерщвленного хана Шамрад; по удостоверению же других, в отношении выбора хана, народонаселение Коканда разделилось на две партии. К первой из них, Худояровской партии, принадлежат с Кангратем и предместником его Рустембеком, -Ташкентцы и кочевые чанычулы,- кайлы, сергелы и часть канградцев не откочевавших в пределы нашей Сыр-Дарьинской линии. Ко второй, в главе стоит Шадман-Ходжа, принадлежат кокандские сипаи и оседлое народонаселение ханства. Затем кипчаки дикокаменные киргизы, усердно содействовавшие к изгнанию Худояр – хана и к возведению на его место Малля хана, не принадлежат ни к той, ни к другой партии.

Носившиеся прежде слухи о вступлении Худояра в Коканд, и о том что Шамрад довольно уступил ханство дяде своему, - не подтвердились. Говорят однако же, что Худояр при содействии Канаата, собрав войско из ташкентцев и

приверженного ему кочевого населения числом до 10 тысяч человек имеет намерение идти на Коканд.

Донося об этом Вашему Превосходительству, имею честь присовокупить, что хотя последнее события в Кокандском ханстве, по всей вероятности полковнику Колпаковскому не останавливать приготовления к рекогносцировке Зачуйской долины и при первой возможности, немедленно перейдя Чу двинуться по направлению к Мерке.

Подпись: Ген,-от-инф. Люгамель

ЦГА. Руз. Фонд № И-715. ОП 1, Д. 23, Л 170

№79

О современном положении дела в северо-западной части Кокандских владений и предполагаемых действий для защиты г. Сузака;

В июне месяце настоящего года, когда наш рекогносцировочный отряд двинулся сначала к Туркестану и потом через Сандукское ущелье к Сузаку и далее по направлению к Чулак-Кургану, в восточной части кокандских владений происходила деятельная борьба между Бухарским эмиром и приверженцами. Худояр-хана с одной стороны, и кипчаками с другой. Борьба эта, тянувшаяся уже более года, поглощала все средства и обращала на себя всё внимание как Кокандского правительства, так и Бухарского эмира до такой степени, что тогда в Туркестане всего гарнизона, вместе с вооруженными киргизами, было не более 200 человека, в Ташкенте не более 500 и даже не было настоящего бека; в Сузаке человек до 15; в Чулак-Кургане ещё менее. При таком ничтожестве средств в той части кокандских владений при продолжительной анархии в ханстве, конечно движение нашего сухопутного отряда не могло встретить никакого препятствия и навело ужас даже на сам Туркестан.

Из Туркестана было направлено в Сузак всего только 25 человек. Несколько брошенных ракет, из которых одна едва не разорвала порохового склада, принудили сузакских старшин пойти с нами в переговоры и сдать крепость, населённую по преимуществу торгующими сартами, весьма воинственными.

На помощь биштамгалинцем они основательно расчитывать вовсе не могли, о чем будет пояснено ниже, да при том же без того незначительные их средства к обороне были ещё современно ослаблены полковником Черняевым, взявшим с собою из Сузака все орудия, бывшие на вооружении крепости и потопившим почти весь бывший в крепости порох.

Те же сузакские аксакалы, во время бытности своей в форте Перовский, письменно показали заведующему Сыр-Дарьинскими киргизами и словесно командующему линию, что Сузак хотя и может держаться против шаек киргизских барантовщиков, но при приближении значительных кокандских сил будут « в самом затруднительном положении». А потому с полной достоверностью можно было предполагать, что сузакские старшины, немедленно по уходе нашего отряда и особенно если хотя сколько ни будь прекратиться господствовавшая тогда в кокандских владениях анархия, войдут в сношения с Туркестанским беком и добровольно примут его гарнизон.

На восток от Сузака, около Чулак Кургана и далее кочуют киргизы Биштамгалинского рода, рода сильного воинственного, приблизительно с дулатовцами до 200000 кибиток. Зависимость их в те времена. Когда кокандцы имели достаточно свободных сил, чтобы принудить их покориться себе и платить зякет, для сбора которого обыкновенно сам Ташкентский бек, или товарищи его выезжали с отрядом из 2000, или около, всадников.

В последние года Ташкентские беки для подобных экспедиций уже не имели средств, почему и биштамгалинцы за последние два года никакого зякета вовсе не платили, а безнаказанно занимались грабежами и барантами, то против кокандских киргиз и сузакцев, то против наших киргиз Сибирского ведомства.

Связь их с Кокандом вообще была чрезвычайно слаба и зависимость могла поддерживаться только страхом.

Исторические условия, а так же и состояние морального развития, образовали вообще у киргиз на подданство весьма лёгкий взгляд, как на неизбежное зло; они поддадутся очень легко каждому, у кого в руках сила и ещё легче забудут об этом безнаказанно.

В последние два года, как выше уже было сказано, биштамгалинцы пользовались почти полною независимостью от Коканда. Нет сомнения, что теперь, когда взамен слабого и ничтожного правительства Худояр-Хана, ханством управляет в звании регента или ханского опекуна Мулла Алла-Куле, человек умный и энергичный, Кокандцы как только соберут достаточные силы, к чему направлены теперь все стремления их (ибо в Туркестане уже гарнизон усилен до 600 человек и готовятся запасы провианта, а в Ташкенте ныне уже 3000 человек), то непременно попытаются двинутся к кочевьям биштамгалинцев для собрания с них недоимок в зякете. Биштамгалинцы с своей стороны, вероятно, без сопротивления тогда исполнят требования зякетчиков, чем и ограничатся со стороны Кокандского правительства все требования от них; так как правительство это вообще в дела внутреннего управления сильных киргизских родов почти не вмешивается. Желание наше оказать в подобном случае защиту биштамгалинцам было бесплодно, как по отдельности от них наших сил, так ещё может быть и потому, что они в такой защите едва ли могут иметь особую надобность и едва ли её желают.

Что же касается до сузакских старшин, то они, считая себя виновными в сдаче нам крепости и опасаясь за то потери имущества даже и жизни, действительно вполне искренно просили об оставлении нашего гарнизона в Сузаке.

Из такого современного положения дел в этой части кокандских владений можно заключить, что движение нашего, даже незначительного, отряда (например казачьей сотни с одним или двумя ракетными станками) до самого Сузака

серьёзной опасности не представляет, далее же на восток такой отряд посылать было бы не вполне благоразумно.

Для большего разъяснения обстоятельств и для узнания в какой мере наша защита может быть необходима сузакцам признаётся всего удобнее ныне же послать одного из самых благонадёжных киргиз с письмом к аксакалам (с какого копия при сем прилагается) и тогда по получении от них ответа и если окажется, что точно кокандцы ещё не занимают крепости, послать к Сузаку летучий отряд из сотни казаков с двумя ракетными станками, с целью появления такого отряда в Сузаке доказать кокандским властям, что мы считаем Сузак принадлежащим нам (о чем не бесполезно бы письменно сообщить Туркестанскому беку) и имеем возможность помогать ему, а вместе с тем привести в известность на месте и, по возможности, организовать средства Сузака к защите.

На этот отряд сверх того может быть возложено обозрение и съёмка на обратном пути пространства от Даут-Ходже на оз. Телекуль-Тата и к форту Перовскому по ныне ещё известного.

Отряд этот должен иметь с собою месячное продовольствие и потому издержки на его посылку будут простираться (только на наем верблюдов по тяжести и нескольких рассыльных киргиз) до 1008 руб. 60 коп.

В случае же если окажется, что Сузак уже занят кокандскими и что анархия, господствовавшая прежде в кокандских владениях и ныне уже значительного успокоившаяся не возобновится, то посылка малого летучего отряда была бы небезопасна и не принесла бы пользы, тогда для выполнения Высочайшей воли о защите сузакцев поддавшихся нам киргиз, потребовалось бы содержать здесь постоянную подвижную колонну, наименьший состав которой должен быть следующий:

3 роты пехоты не менее.....60 человек

2 сотни казаков.....300

4 орудия

4 ракетных станка

6 мортирок

Приблизительно до 1000 человек при 450 лошадях.

Издержки месячного движения отряда такой силы должны простираться от 3062 руб. 77 коп. до 7698 руб. 27 коп.

По нужде форт Перовский может из гарнизона своего отделить в состав подвижной колонны не более 2 рот и 1 сотни казаков, а потому 1 для этих прибавляемых войск вовсе не будет здесь помещений, а придётся им не менее одного года прожить в юламейках не без вреда по отношению к состоянию здоровья, как это видно из прилагаемого при сем приложению к старшего доктора Сыр-Дарьинской линии.

Таким образом из форта Перовский будет возможно в настоящую же зиму или позднею осенью выслать подвижную колонну из 5 взвод пехоты (в числе их 3 стрелковых) из полной сотни казаков (150 человек) и 4 и даже из 6 орудии при 2 ракетных станках.

Отряду даже такого уменьшенного состава без значительного риска может двигаться к Сузаку, оттуда по направлению к Чулак-Кургану и даже к Аулиэ-Ата.

При чём если бы Сузак или Чулак-Курган оказали сопротивление, то к овладению ими не может встретиться затруднений.

Если бы нам удалось найти Сузак ещё не занятым кокандским гарнизоном, или легко, и не подчиня больших бедствий и ущерба жителям его овладеть крепостью (что едва ли возможно), то всё же после ухода нашей колонны кокандцы снова без труда будут в состоянии занять Сузак, чего мы никак предупредить не можем; ибо расстояние от фронта Перовский до Сузака до 350 верст, а от Туркестана всего 90. Если мы решились разрушить крепость в Сузаке, то это повело бы или к возобновлению крепости кокандцами, или же, что вероятнее, к совершенному уничтожению города, жители которого потерпевшие неоднократно от наших к атаке м наконец лишённые средств к защите даже против киргизских шаек, неминуемо переселились бы в Туркестан или в другие места.

Таким образом, вышеизложенные полезные результаты действия наших подвижных колонн далеко не превышают невыгодных его последствий и потому можно с уверенностью сказать, что истинно полезных результатов можем мы достигнуть только тогда, когда прочно утвердимся по северную сторону Каратаузских гор, заняв укреплениями и гарнизонами нашими важнейшие их проходы к выполнению чего не можете предстоять никаких затруднений, во всякое время, когда скоро окажется возможным дать для такого занятия необходимые средства, а именно 6 рот пехоты, 2 сотни казаков и до 6 подвижных и до 20 местных орудий, о чём подробно излагается в особой записке.

Подпись: Полк. Веревкин.

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. 23, Л 157

№ 80

Военно-статистический отчёт о состоянии Сыр-Дарьинской линии за 1863
год

Казачьи сотни, присланные сюда в 1861 году, ныне окончившие уже свой термин службы, в течении сего года во всех отношениях доведены были весьма удовлетворительного состояния: особенно сотня Уральского войска, бывшая под командою есаула Буренина. Будучи в этом году в составе рекогносцировочного отряда, она несла свою трудную службу с усердием и знанием дела, так что заслужила полное одобрение командующего отрядом. Далее в стрельбе, несмотря на гладкоствольные и по большей части негодные карабины, она дошла до результатов, каких только можно было ожидать от таких ружей, а именно процент стрельбы пешком на 150 шагов был 25, а с коня 8.

В августе и сентябре месяцах сего года упомянутые сотни сменены прибывшими из Оренбургского и Уральского войск.

Эти вновь прибывшие, после испытания оказались совершенно недостаточно обученными ни владеть оружием, ни действовать в строю.

Присланные от Уральского войска имели по крайней мере, бодрый наружный вид и одеты в целые довольно хорошо, хотя за то ружья все весьма дурные гладкоствольные, а 64 казака прибыли с так называемыми «охотничьими» ружьями, разных калибров и со стержнями для охотничьих капсюлей же и пульных форм к ружьям этим не оказалось.

Прибывшие же из Оренбургского войска хотя в большинстве имеют нарезные, отлично содержанные ружья, но оказались не только не умеющими стрелять из них, но и вялыми, мало обученными: крайне бедно одетыми, а несколько человек по медицинскому свидетельству признаны вовсе неспособными, с разного рода хроническими и застарелыми болезнями. К возможному устранению всех этих недостатков здесь приняты надлежащие меры: и обучение людей как строевой и аванпостной службе, так равно и стрельбе уже начато.

Вместе с тем необходимо: 1. \ установить чтобы впредь при посылке сюда казаков с охотничьими ружьями, им выдавались бы и капсюли \ не менее как по 150 или 200 на ружьё \ так как в запасе капсюлей к таким ружьям вовсе нет; 2. \ разрешить вопрос об отпуске здесь казакам учебных припасов по сделанному представлению от 12 октября сего года за № 3327 и. 3. \ приказать впредь в высылаемых иметь к пикам запасные древки, не менее как по 1 на 5 пик; ибо древки этих ломаются, а для замены их здесь годного леса нет.

Убыль в казачьих строевых лошадях, особенно замечавшаяся в форте Перовский и Джулек, хотя за принятыми мерами к лучшему уходу и правильному довольствию лошадей и уменьшилась сравнительно с прошлагоднею, так в настоящем году павших лошадей в обеих сотнях, находящихся в этих фортах было 66, но за тем она всё ещё чрезвычайно значительна.

Составленная мною по этому поводу комиссия не сделала никаких важных или полезных, и не открыла особенных причин несоразмерной упали падежа лошадей, главным образом вероятно потому, что участвовавший в составе её

ветеринарный врач не имел ни достаточных для этого сведений, ни даже данных за прошлое время об падеже лошадей и их болезнях.

Установление здесь, при окончательном утверждении штатов 1861 года, не одного, а двух ветеринарных врачей, была бы мерой, которой нельзя не желать, как потому, что при содержании на линии военно - значительного числа лошадей и рабочего скота одного ветеринарного врача на все 4 форта действительно мало, так равно и потому, тогда получилось бы более средств к точному изучению климатических и других местных влияний на скот. Вообще содержимым в стране и к указанию не только войскам, но и туземцам, необходимых и медицинских или хозяйственных мер и условий для предотвращения падежа и лучшего сбережения скота.

Краткий образ событий в средне-азиатских ханствах в течении 1863 года.

ХИВА

Политическая жизнь этого ханства проявилась в беспрестанных набегах и грабежах, производимых туркменами разных племён. Таким образом лишь стала река Аму в начале 1863 года, огромные толпы ямудов и чаудуров бросились на правый берег её, грабя и разрушая всё что попадалось. Хивинское правительство, хотя не могло им противодействовать, однако - имело довольно твёрдости чтобы отказать в землях для кочевков на Даукаре, из опасения восстановить против себя русских. Не ранее марта месяца было; наконец, собранно 13000 хивинцев под начальством Куш –Бегия, но ополчения эти вскоре были разбиты туркменами, которые безнаказанно продолжали свои грабежи и разбои, так, что для сопровождения большого каравана, шедшего из Оренбурга, Хивинское правительство вынуждено было выслать значительный отряд на Дау – Кару. Весною наконец, Куш – Бегий вместо бесплодного преследования туркменских шаек, решился напасть на самые места постоянных кочевков ямудов, что и побудило последних поспешно убраться на левый берег Аму для собственной защиты.

Наступивший за тем период спокойствия для хивинцев был весьма непродолжителен: в мае и в начале июня, огромные толпы туркмен племён Теке, Ямудов, Ялинцев и проч., снова являются в пределах населенной части ханства и сопровождают грабежи свои особенными зверствами и неистовствами, держать в осаде Кипчак и много других крепостей. Хивинцы, в видах противодействия туркменам, запрудили были проток Лаудан близ крепости Мангыт, но туркмены скоро прорвали плотины и с верх того захватили до 500 лодок на Аму – Дарье, получив таким образом возможность действовать по обоим берегам река. Вслед затем почти одновременно туркмены разбивают Куш – Бегия близ старого Ургенча, грабят каракалпаков и киргиз на Дау – Каре, и наконец осуждают и грабят Кипчак и Мангыт.

Хивинское правительство, сделав необыкновенно усилие, собрало до 30000 войска при 2-х орудиях, под начальством юрата хана Амур – Умры, но и эти силы не могли серьёзного предпринять против грабителей, и наконец уже в начале осень решились разрыть плотину близ Мангыта, и наводнив таким образом места укрепленных лагерей туркмен, принудили их убраться в свои кочевья.

В настоящее время в Хивинском ханстве довольно спокойно, но спокойствие это отнюдь не будет продолжительно, и можно с полною уверенностью сказать, что как скоро Аму - Дарья встанет, снова толпы туркмен бросятся на грабежи, тем более что к беспрестанным нападениям их подстрекает Бухарский Эмир, который, как утверждают, убедил и туркмен, живущих около Мерва, также принять участие в набегах прочих племён.

Хивинское правительство при всём напряжении средств своих не может надеяться на успешную борьбу против туркмен. Но туркмены, однако – ж, едва ли когда – либо будут в состоянии воспользоваться своими успехами и устроить что – либо прочное. Этому непреодолимым препятствием послужат внутренние отсутствие всякой дисциплины и всякой организаций между ними; почему и совершенное разрушение, или распадение, Хивинского ханства могло бы обратиться не в пользу туркмен, а в пользу Бухары, которая сумела бы из такого

обстоятельства извлечь свои выгоды. Каждый раз, когда туркменские шайки сближались к Дау – Каре, с нашей стороны были принимаемы меры предосторожностей, состоявшие в возможном группировании и сближении к Даре аулов наших киргиз, в выставлении от них особых караулов, и в содержании в полной готовности к движению в форте № 1 отряда.

Из числа племён, состоящих в подданстве Хивы, особенно пострадали от грабежей туркмен и от всякого рода поборов и притеснений, каракалпаки, - племя весьма трудолюбивое и склонное к земледелию их всего считается в Хиве 10000 кибиток. Много раз они через своих старших и посыльных высказывали желание перекочевать в наши пределы и получить земли по Сыру, откуда предки их были вытеснены киргизами в последней половине XVIII столетия. Несмотря на искренность такого желания, они однако – ж до сего времени не могли привести его в исполнение, главным образом потому что опасаются во время движения, или перекочевки быть ограбленными туркменами или хивинцами. Можно надеяться, что в случае если наш отряд подойдёт хотя к Дау – Каре, каракалпаки воспользуются этим и под прикрытием его двинутся к Дау-Каре, особенно если к тому времени соберут хотя бы часть своих посевов.

Здесь в снабжении их землями не может быть затруднений, ибо имеется в виду весьма много совершенно заброшенных ныне (прежде же обрабатывавших, каракалпаками) земель по Караузюку и Яны – Даре.

Несмотря на многие бедствия, испытания подвластными Хиве племенами, они всё же большею частью успели обработать свои поля и собрать хлеб, что доказывает дешевизною его; например в Хиве в настоящее время пуд пшеницы продаётся по 20 коп., пуд риса по 40 коп., сер.

Известно, что осенью настоящего года в Хиве было посольство от Кокандского хана для заключения союза против русских. Результат Кокандского посольства хотя и не известен, но можно думать, что Хива при своём жалком внутреннем состоянии, едва ли решится на подобный союз, тем более что все действия хана Сеид Мухаммеда до сих пор показывали сильное нежелание или

боязнь восстановить против себя русских, что конечно происходит не от более правильного воззрения на международные отношения, а от невольной беззащитности и ничтожества Хивинского ханства.

КОКАНД

В Кокандском ханстве в конце прошлого года, продолжались междуусобия и разные внутренние беспорядки.

Покушения претендента на Кокандский престол, сына Медалихана, Махмуда, окончилось трагически для него: на дороге из Ташкента к Кара – Тау он был схвачен, тотчас же предан смерти с частью сопровождающей его свиты.

Бывшая с 1862 – 1863 год весьма суровая зима и глубокие снега заставили было сначала кипчаков прекратить враждебные действия против кокандцев и удалиться в горы. Пользуясь этими, Бухарский эмир, женившийся в начале сего года на сестре Худояр – хана, послан было к кипчакам, в виде посредника, для примирения их с ханом, своего Мехрема, но посредничество это не имело никакого успеха: а между тем уже с февраля месяца кипчаки возобновили свои действия поражением высланного против них Ташкентского парваначи Ахмеда, что вынудило Бухарского эмира послать в Коканд под начальством Якуб – Бека до 3000 своих войск. Несмотря на эту помощь кипчаки продолжали одерживать успехи, а при нападении на эту помощь кипчаки продолжали одерживать успехи, а при нападении на Маргелан нанесли сильный урон и бухарским войскам.

Обстоятельства эти заставили эмира принять более деятельное участие в делах Кокандского ханства. Для чего он в марте месяце сам с войсками, до 12000, прибыл в Коканд, в большую часть кокандских городов и крепостей назначил беков по своему усмотрению, и даже начал в Коканде чеканить монету со своим изображением как верховного успеха. Кипчаки, соединившись с дико каменными киргизами и с дулатовцами, вскоре осадили Аулиэ – Ата и Чимкент, и почти совершенно прервали всякие сообщения между Кокандом и прочими частями

ханства, а в след затем подступили и к самому Коканду. Тогда Музаффар – хан, не видя возможности усмирить восстание, и, вероятно находя неудобным продолжительное отсутствие из своих владений, при волнениях возникших в Шахризябе и при сомнительных отношениях с Кабулским ханом, возвратился в Бухару, взяв с собою и Худояр – Хана не сверженного с престола, а ханом на его место избран, 9 июля Сеид – Мурад, сын бывшего хана Мелябека, мальчик лет (11 - 12).

В то время, когда в средней и восточной части ханства, происходили эти события наш рекогносцировочный отряд 25 мая беспрепятственно подошёл к Туркестану, лишённому всяких средств к обороне; потом 30 мая занял Сузак, жители которого изъявили желание поступить в русское подданство: 8 июня сдан отряду Чулак – Курган, и тогда же изъявила свою покорность беспрепятственно возвратился к Джулеку. Пароходы наши, двинувшиеся из Джулека, 16 июня поднялись по Сыру на 810 верст до урочища Бейдыр – Тугай тоже не видя никаких попыток к сопротивлению от Кокандцев.

Такое отсутствие всяких признаков жизни со стороны кокандских властей, очень легко объясняется тогдашними смутами и переворотами, происходившими в ханстве и поглощавшими все его средства.

С воцарением нового хана во главе правительства стала партия кипчаков, в среде которой находится много лиц энергичных и способных. Опекуном к малолетнему хану и регентом ханства назначен мулла – Алим – Кул, человек ещё молодой, отличающийся умом и силою характера, советниками к нему: Митбай-датха, Бикмугамед Удейти и Дусет-Медер, все из киргизов и пользующихся хорошою репутациею и влиянием. Беками в важнейшие города и крепости также назначены лица из партии кипчаков: в Ташкент в начале Шадман – Ходжа и потом Нурмамбет: в Туркестан – Мирза – Давлет (тесть регента) человек отличающийся жестокостью, алчностью и честолюбием, бывший приближенным лицом Канаата; в Ходженте бек, поставленный от Бухарского эмира, был изгнан и место его получил Кипчак.

С самого начала уже можно было видеть, что в главе ханского правительства стоят люди, не принадлежащие к ничтожной категории людей, составляющих правительство при Худояр – Хане. Деятельность правительства тотчас же обратилась к приведению военных и финансовых средств ханства в лучшее состояние и обеспечению для партии кипчаков прочного положения. С этими целями в самом Коканде начали собирать и формировать войска, лить орудия (которых отлито уже 17), а город укреплять, стараясь кроме того, окружить его – преимущественно родами киргиз, которых преданность новому правительству не подлежала сомнению: а людей и ненадёжных, преимущественно из сартов, начали выселять в Ташкент и в другие дальние города. Бек Ташкентский, вызвал к себе влиятельных биев биштамгалинских и кунградских под предлогом желания помирить их между собою, через них принудил биштамгалицев и кунградцев к уплате зякета за последние три года, и послал для управления биштамгалинцами в Чулак Курган беком Мирзабара с 200 человеками гарнизона. В самом Ташкенте начался сбор войск, так что ныне гарнизон Ташкента от 700 или 800 человек возрос уже до 4000. бек Туркестанский начал уже свои действия заготовлением значительных запасов провианта и закупкою лошадей, а потом когда усилил гарнизон человек до 2000, приступил к весьма обременительным поборам с подчинённых ему киргиз. А вместе с тем начал усиливать укрепления города углублением рва и починкою стен, и рассылать свои партии для грабежа на караванные дороги, а ровно в пределы Сибирского ведомства киргиз и в Сыр – Дарьинский район: при чём простер свою дерзость даже до того, что прислал сюда своего посланца Карабас – Хаджу с письменным предложением оказать ему содействие в сборе зякета с кипчаков и других родов киргиз нашего ведомства.

Вместе с тем как сам Кокандских хан, так равно регент, и беки Ташкентский и Туркестанский, начали беспрестанно присылать письма к нашим киргизам, соблазняя их разными обещаниями к перекочевке в пределы Коканда.

Что касается до Сузака, то хотя аксакалы его по возвращении своем из фронта Перовский, немедленно поехали к Туркестанскому беку с подарками, но

сначала Мирза – Давлет туда бека не назначал как утверждают по просьбе туркестанских жителей, опасавшихся чтобы мщение наше за Сузак не обратилось на Туркестан: о том, однако ж, именно в сентябре месяце, беком в Сузак был послан Таш – Юзбаши с 10 человеками гарнизона. Бек этот, вероятно сознавая своё бессилие среди населения плохо расположенного к нему, держал себя очень смиренно и жителями никаких притеснений не делал: в недавнее же время на место его послан в Сузак беком (с 15 сарбазами) человек характера жёсткого и решительного; о действиях его известий ещё не получено.

Таким образом Кокандское ханство, находившиеся в конце прошлого года по причин смут и междоусобий в самом плачевном состоянии, теперь начало как бы воскресать и устраиваться.

Но нельзя было думать чтобы усилия господствующей ныне партии при всей энергии её были прочным результатом. И в самой среде ханства и вне его заключается много элементов раздора и опасностей. Партия кокандцев, или сартов, хотя униженная в настоящее время но обладающая наиболее значительными богатствами, и, сравнительно больше цивилизацией, не считает себя окончательно побеждённою и готова при первой возможности снова поднять голову, особенно при опоре извне. Да и самая господствующая партия не составляет однородной, плотной среды: ибо в неё входят киргизы разных родов. Кипчаки, дикокаменные, дулатовцы и проч.: у каждого из этих родов свои собственные интересы и мало привычки к подчинённости.

Извне попытки Кокандского правительства, посредством посольства войти в союз с Хивою едва ли поведёт к чему либо. Попытка же его войти в мирные отношения с Бухарою решительно не удалось: кокандское посольство не было даже допущено к эмиру который, по всем известиям, уже клялся, что с весною он непременно идёт в Коканд и либо овладеет им либо не остаётся жив. Всё заставляет думать, что он употребит все средства к выполнению своей угрозы, ибо иначе влияние его на дела Средней Азии сильно пострадает, и только разве внутренние беспорядки, или столкновения с Кабулом могут помешать ему.

А затем кажется можно с достоверностью утверждать, что положение дела в Кокандском ханстве, хотя и значительно улучшившееся сравнительно с прежним всё же не позволит Кокандскому правительству, не смотря на все желание его предпринять что – либо серьёзное против нас.

БУХАРА

В конце прошлого года положение Бухарского ханства было весьма хорошее. Покорение эмиром нескольких городов и нескольких независимых мелких владений то Гиссара, Денау и проч., в юго-восточной части ханства, придавало особый блек оружию эмира и возвышало влияние его в Средней Азии. Действия возбуждённых им против Хивы туркмен, не могли не подавать ему надежды на совершенное подчинение его власти Хивинского ханства. Внутри Бухарского ханства хотя и происходили волнения как например в Шахризьябсе, но они оканчивались вообще в пользу правительства.

Такой благоприятный ход дел дал возможность эмиру, вступив в родство с Худояр Ханом, принять деятельное участие в умиротворении Кокандского ханства. Но вмешательство это, вопреки ожиданиям, как выше сказано было совершенно безуспешно: возникшие же затем новые волнения в Шахризьябсе и столкновения с Кабулом, а равно и истощение военных и финансовых средств не позволили эмиру в настоящем же году снова предпринять поход в Кокандское ханство, к которому он по слухам готовится непременно весной будущего года.

А между тем по известиям заслуживающим внимания Шахризьябская провинция успела совершенно отделиться от Бухары и сделаться независимым владением под управлением своего бека, человека молодого и весьма энергичного.

Столкновения бывшие с Кабулом по слухам, происходили вследствие того, что жители Сергиополя разграбили несколько бухарских пограничных владений, настроенными довольно неприязненно одно против другого, всегда существуют поводы к вражде, особенно из-за влияния, и по разным отношениям к

находящимся на юг от Бухары мелким независимым узбекским владениям, как-то Меймена, Анху, Шиберган, Балх и проч., которые то пользуются полной независимостью, то подчиняются как было прежде власти или влиянию Бухары, то подпадают под власть эмиров Кабульских. Настоящее столкновение кажется окончилось мирно дипломатическим путём: ибо известно что в недавнее время кабульское посольство было принято в Бухаре с большим почётом, и что караванная торговля Кабула с Бухарою идёт заметною живостью.

Впрочем, нужно сознаться, что все сведения, какие только возможно было приобрести об Афганистане, вообще весьма темны и недостоверны: торговцы наши далее Бухары не ездят. Лазутчики даже и за несоразмерную большую плату отказываются ехать за Гиндукуш и даже до Балха; или же, взявши на себя такое поручение, не выполняют его, как было в настоящем году. Затем известно только, что прошедшею весною Дост – Магомед Кабульский осаждал Герат, и после продолжительной осады в которой будто бы ему англичане помогали деньгами и присылкою инженеров, наконец взял этот город и вслед за тем умер. После же его смерти в Афганистане начались междоусобия.

Стремление Дост – магомеда по возможности утвердиться во всех этих владениях, которые некогда составляли сильную Афганистанскую монархию, не подлежит сомнению; известно же, что в Герате ещё в недавнее время был правителем; под верховною властью Персии, один из племянников или внуков известного Шаха Шуджи, т.е. из дома враждебной фамилии Сараски, к которой принадлежит Дост – Магомед. Смерть его (если считать известие о ней вполне достоверным) по всей вероятности должна была непременно повести к междоусобиям, ибо, по уверению одного из новейших путешественников (х) в Афганистане, прямое и косвенное потомство Дост – Магомеда состоит более чем из 350 человек и в числе их много лиц честолюбивых и весьма влиятельных в народе. Невольно при этом рождается мысль, что подобное положение дел и представляет для англичан, внимательно наблюдающих за Кабулом огромное поле для окончательного утверждения влияния в Афганистане.

Были же сведения, что по реке Кабул от Пешавера до г. Кабула уже ходят постоянно полной веры, как по неверности источника, из которого оно получено, так и потому что Кабул река горная и чрезвычайно быстрая и извилистая.

Трудность сношений с странами лежащими при верховьях Аму – Дарьи, до сих пор помешала приобрести окончательно достоверные сведения и об намерениях англичан учредить пароходство по Аму.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что из двух больших рек Средней Азии – Сыра и Аму, последняя имеет несравненно большее значение и в торговом и в политическом отношении и что истинное преобладание в этих странах будет принадлежать тому, кто первый воспользуется свободным плаваньем по этой реке: ибо обладание ею, или хотя бы плавание по ней кроме прямого влияния на Бухару, даст ещё возможность вступить (через Балх) в непосредственные сношения с владениями Афганскими и если нужно, противодействовать влиянию на Бухару. Что касается до общего настроения эмира Бухары по отношению к России и русским, то настроение это вообще нельзя считать дружеским или хорошим. Одной из причин своего неудовольствия Музаффар – Хан выставляет то, что от нашего правительства ещё не было посольства с поздравлением о восшествии его на престол: между тем как при воцарении его отца обряд этот был исполнен с нашей стороны своевременно. Хотя истинные причины нерасположения к России эмира должны быть более серьёзного характера, но за всем тем нельзя отрицать, чтобы и оскорбленное, по мнению его, тщеславие не было из них.

Неприятное настроение Бухарского правительства выражается между прочим в удержании наших пленных (их всего по одним сведениям 9 человек, а по другим более) несмотря на сделанные решения, на которые даже не дано ответа под самым пустым предлогом. Вести дальнейшую по этому переписку было бы бесплодным трудом. Единственное средство побудить Бухарское правительство к освобождению пленников (средство может быть не совсем удобное в некоторых отношениях, но верное) было бы конфискация части бухарских товаров в

Оренбург, или на Сыре и преимущественно из числа принадлежащих или самому эмиру, или кому либо из его приближенных с объявлением что товар будет возвращён не прежде, как по исполнении наших требований. Бухарцы сами понимают возможность такого действия с нашей стороны и, как слышно в настоящее время оставляют ещё в живых итальянцев (меацо и проч.) в ожидании возвращения из России своих караванов, опасаясь чтобы эти караваны не были задержаны в случае смерти итальянцев.

В степи в районе Сыр – Дарьинской линии в течении 1863 года за не многими исключениями вообще было всё спокойно: торговля происходила беспрепятственно и кочевое киргизское население пользовалось полною безопасностью.

Из всего этого видно, что самые грабежи и беспорядки производились в западной части степи, по преимуществу адаевцами, для наказания которых, кажется было бы весьма полезно употребить решительные меры.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Когда в 1847 года войска впервые появились на Сыре., все были поражены страшною бедностью, почто общею нищетою здешних киргиз (что высказывалось в сочинениях имевших официальный характер, например военно-статическое обозрение Киргизской степи Оренбургского ведомства, составленное при штабе отдельно Оренбургского корпуса полковником Бларамбергом). В настоящее время под управлением России, следы этой нищеты почти совершенно исчезли и между многими городами заметны даже признаки значительного благосостояния. Из показанного выше видно, что средним числом на каждую кибитку приходится голов скота крупного по 7 и мелкого по 13 что при кочевой жизни хотя и далеко

не составляет ещё богатства, но уже может обеспечить средства существования и удовлетворить несложным потребностям кочевника, тем более, что при отсутствии здесь особенно богатых киргиз, имущества между ними распределены довольно уравниательно.

Земледелие, развитие которого ещё недавнее время, по каким-то односторонним соображениям признавалось вредным между киргизами, ныне с изменением взгляда на этот предмет начальства, с открытием возможности сбыта для земледельческих продуктов и при некотором одобрении и помощи со стороны правительства, видимо возрастает и при благоприятных обстоятельствах вероятно весьма скоро даст возможность здешние гарнизоны, за исключением неурожайных годов, довольствоваться местным хлебом. По мере развития земледелия, кроме возрастания благосостояния киргиз, они делаются сравнительно более оседлыми, приобретают привязанность к тем участкам земли, которые обрабатывают, а затем по необходимости оставляют прежние свои привычки к произвольным откочевкам в Хиву или Коканд, а также и стремление к разбоям и барантам; при том же возможность продовольствоваться местным хлебом освобождает их и от средне-азиатских ханств, правительства которых, желая побудить киргиз прикочевать в свои пределы, при недостатке хлеба на Сыре не раз прибегали к запрещению свободного вызова его сюда.

Дальнейшее развитие здесь земледелия, кажется, не потребует со стороны правительства других жертв кроме некоторой временной затраты на составление ссудного запаса семян при провиантских магазинах; о чём тоже сказано выше.

Занятие торговлею также начинает понемногу распространяться между киргизами, и если это распространение идёт не быстро, то по недостатку склонности или способностей к торговле между киргизами, а более по причине недостатка капиталов кредита. Многие из киргиз теперь, желая заняться торговлею, занимают деньги или у русских торговцев, или же чаще у проживающих здесь бухарцев за проценты неизмеримо высокие и разорительные для должников. Чтобы устранить по возможности такой ход дел казалось бы

весьма полезным учредить при здешнем управлении киргизами род небольшой ссудной касса, для чего в случае если последует разрешение об установлении с торгующих при фортах средне-азиатцев сборов поземельного и с торговли, вероятно представляется и денежных средства, не обременяя казны новыми издержками.

Подпись: Полк. Верёвкин

ЦГА. Руз. Фонд № И-715. ОП № 1, Д. № 23, Л № 177

№ 81

Военный Министр Ген. Шт. Полковнику Черняеву;

9 февраля 1864 г.

По Высочайшему Государя Императора повелению, Ваше Высокоблагородие командируетесь в распоряжение командира отдельного Сибирского корпуса, для начальствования, согласно желанию генерала-от-инфантерии Дюгамеля, экспедицией, которая будет отправлена из Заилийского края, весною сего года для соединения передовых Сибирской и Оренбургской линий.

На время экспедиции Вашему Высокоблагородию Всемилостивейше разрешено производить сверх получаемого вами содержания 4 руб. сер. в день суточных, со дня выступления отряда из укр. Верного.

При отъезде из Петербурга Вам пожалованы: а) в пособие на подъем 1500 руб. независимого от подъемных денег, которые будут Вам выданы при выступлении в степь, наравне с прочими чинами отряда, и б) на проезд до Верного двойные прогонные на 3 лошади.

Означенных подъемные и прогонные деньги. Вы получите из провиантского департамента, которым Вам будут выданы также в счёт экстраординарных расходов по экспедиции, 1500 руб. на покупку подарочных вещей.

По званию начальника экспедиции Вашему Высокоблагородию Высочайше предоставлено по соглашению с командиром отдельного Сибирского корпуса: а) изменять по соображению местных обстоятельств цифры разных статей сметы, в пределах Высочайше ассигнованной для экспедиции суммы, в 150.000 руб. покрывая передержки и новые расходы сбережениями по другим статьям и б) делать изменения в составе численности и снаряжении вверенного ему отряда.

Вполне полагаясь на Ваши способности и усердия, я уверен что Вы употребите все усилия, чтобы успешно выполнить возложенное на вас важное поручение, согласно с видами правительства, и инструкциями, которые будут Вам даны командиром отдельного Сибирского корпуса, и тем оправдаете оказываемое обстоятельствами цифры различных статей сметы в пределах ассигнованной суммы, покрывая передержки и новые расходы сбережениями по другим статьям и делать изменения в составе численности и снаряжения вверенного ему отряда.

О такой Высочайшей воле, объявленной вместе с сим командиру, отдельного Сибирского корпуса, сообщая для соображения Вашему Высокопр-ству считают необходимым обратить Ваше внимание на то, что отряд, высылаемый из Заилийского края выступив в степь с половины апреля, прибудет к Аулизата не позже половины мая, между тем как, отряд, высланный в начале апреля из Оренбурга может прибыть к Сузаку не ранее конца июня.

Вследствие сего, чтобы не дать возможности кокандцам обратиться всеми силами на Сибирский отряд, не сочтёте ли Ваше Высок-ство возможным одновременно с выступлением отряда из Верного выслать частью казаков, не ожидая прибытия на линию, высылаемых из Оренбурга войск.

Настоящий отзыв доставит Вашему Высокопревосходительству адъютант командира Отдельного Сибирского корпуса подполков. Лерхе, которому предписано ехать в Омск через Оренбург в том внимании, что Ваше Высок-ство быть может признаете полезным поручить сему штаб-офицеру доставить генералу Дюгамелю Ваши Окончательные соображения, для согласования действий обоих отрядов.

Подпись: ген. – адъют. Милютин.

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. , Л ????

№ 82

Командир Сиб. Корп. Начальнику Алатавского Окр.

10 февраля 1864 г.

Рассмотрев донесение Вашего Превосходительство от 22 января № 1 относительно приготовления к экспедиции в Аулиэта уведомляю Вас.

- I. Назначение в гарнизон Аулиэта сводного стрелкового батальона я нахожу неудобным, та как батальон этот находится на передовой линии, будет отвлекаться от занятий по специальной своей части и сверх того гарнизон из четырёх рот, признаётся слишком слабым по своему составу. А потому линейным № 8 батальон предназначаемый для занятия Аулиэта должен выступить из Верного в полном составе. Отряд же, кроме линейного № 8 батальона, должен состоять из стрелковых рот батальонов № 3 и 5 и одной линейной № 9 батальона.
- II. Соглашаясь в общих чертах с мнением Вашего Пре-ства о занятиях Токмака, Пишпека и Мерке, для удобства, транспортирования клади, безопасности караванов и транспортирования клади, безопасности караванов и предупреждения работ по занятию этих укреплений едва ли будет возможно в нынешнем году. Впрочем ход обстоятельств укажет, что по этому предмету может выполнено нынешним летом. Главная задача должна состоять в проекте водворении гарнизона в Аулиэта, в приведении крепости в оборонительное положение, в устройстве удобных помещений для всех частей гарнизона, а также для лазарета.
- III. Занятие небольшим числом казаков курганов: Шиш-Тюбе и Аксу и заготовление там сена для облегчения следования транспортов будет зависеть от ближайшего рассмотрения отрядного начальника.

- IV. Относительно колонизации Зачуйском страны, я нахожу, что хотя на пути от Токмака к Аулизата было бы полезно устроить наше поселение, но предприятие это может быть выполнено только по окончательном занятии войсками укрепленных пунктов в этом направлении, устройстве сообщений и проч.
- V. В этих видах необходимо обратить особенное внимание через Кастекское ущелье.
- VI. Я вполне одобряю предполагаемые Вами меры относительно поднятия значительной части тяжести на телегах, так как это способ перевозки значительно дешевле и иметь их до 150 при отряде.
- VII. Устроить в Аулизата госпиталь на 40 человек я нахожу недостаточным. А потому и сделано распоряжение об открытии при № 8 батальоне лазарета на 100 человек, о чём и сообщено Вашему Пр-ству в предписании моём от 15 января № 85.
- VIII. Относительно снаряжения экспедиционного отряда и заготовления для всех необходимых приспособлений по части артиллерийской и инженерной, согласно представлению Вашему сделано мною распоряжение через начальника Сибирского крепостного артиллерийского округа и начальника инженеров вверенного мне корпуса.

Подпись: Ген-от-инф. Дюгамель

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. , Л??????

№ 83

Командира. Сиб. копр. Военному Министру;

12 февраля 1864 г.

Войска Заилийского края несут службу более трудную, нежели войска, расположенные во внутренних городах. Западной Сибири, а между тем получают одинаковое довольствие, исключая жалование офицерам, которое отпускается им

по усиленным окладам. В виду тех целей, которых правительство желает достигнуть в отношении дикокаменных и зачуйских киргизов для устранения их от всякого влияния Кокандцев, заилийские войска должны быть всегда готовы не только к данным условиям, за станичным походам, но и к самому бою.

Находясь в таком исключительном положении войска эти лишены всякой возможности устроить экономически домашнее своё хозяйство, подобно прочим войскам, так как постоянные походы и бивуачная жизнь требует усиленных расходов, как продовольствию, так и в поддержании одежды и обуви.

Кроме провианта нижним чинам хотя и отпускаются приварочные деньги по 9 руб., в год на человека; но по существующей дороговизне в степи на все жизненные припасы, отпускаемых денег недостаточно, а других источников нет, так как войска находятся или в походе или на крепостных работах.

Офицеры Заилийских войск не менее того встречают затруднение в содержании, в особенности во время экспедиций. Чем продолжительнее экспедиции, тем более они бывают поставлены в затруднительное положение приобретения съестных припасов, потому что при войсках маркитанты не состоят, походы же исключительно совершаются по незаселённым местам, где ни за какую цену нельзя ничего купить. Для продовольствия себя во время похода, офицеры хотя и запасаются на месте нужными припасами, но и такой порядок для них весьма обременителен, ибо для поднятия всего продовольствия и багажа необходима лошадь, на заведение которой казна ничего не отпускает и офицер должен приобретать таковую, равно и продовольствовать её из жалованья.

Принимая во внимание изложение обстоятельства, стеснительные как для офицеров, так и нижних чинов войска Заилийского края, я в видах улучшения их положения, полагаю необходимым отпускать от казны: Всем нижним чинам приварочные деньги по 1 категории по 12 р., в год на человека; усиленное жалование; по третьей паре сапогов кавказского образца, с тем чтобы назначить в первой год третью пару длинных сапог, а во второй год головки к ним, выдавая на шитьё этих сапог, прибор и чернение в первый год по 30 коп. А во второй по 19

1\2 коп. на каждую пару. Во время же похода нижним чинам производить винную порцию, полагая на каждого человека по 3 порции в неделю или 12 в месяц, а офицерам денежные рационы, по табели приложенной к 2501 ст. II часть III ни свода воен. Пост. Считая каждый рацион по 15 коп. в сутки, выше означенное довольствие справедливо дать и тем войскам, которые когда ни будь по обстоятельствам будут посланы на китайскую границу.

Такие мои предложения представляя на благоусмотрение Вашего пр-ства, покорнейшее прошу о последующем меня уведомить.

Подпись: Ген.-от. Инф. Дюгамель

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. 23, Л 221

№ 84

Военный Министр Командиру Сиб. Корп.;

13 февраля 1864 г.

Петербург.

Вследствие ходатайства начальствующего экспедицией, посылаемой со стороны Западной Сибири, Генерального Штаба Полковника Черняева, я разрешил:

- I. Назначить в число чинов экспедиции, для научных исследований Зачуйской страны, Магистра Зоологии Северцева, предоставив ему следовать обратно через Киргизскую степь Оренбургского ведомства, для исполнения возложенного на него Командиром Отдельного Оренбургского корпуса поручения по изучению этой части степи.
- II. На проезд выдать Г. Северцеву ординарные погоны до Верного и обратно, на 3 лошади.

- III. На время экспедиции производить Северцеву, применяясь по содержанию, производящемуся по званию члена комитета, рассматривавшего положение об Уральском казачьем войске, суточные деньги по 100 р. сер. В месяц, со дня выезда из Петербурга.
- IV. В счёт расходов по отправлению г. Северцева, 660 руб. отнести на суммы, состоящие в распоряжении командира Отдельного Оренбургского корпуса в том внимании, что при возвращении Северцев будет производить исследования, возложенные на него Оренбургским начальством. Остальной же расход по сему предмету покрыть остатками от 150000 руб. ассигнованных на экспедиции. Со стороны Западной Сибири.
- V. При отправлении из Петербурга выдать г. Северцеву погоны в оба пути 674 р. 52 к. и суточные, по 1 апреля 159 р. всего 824 р. 52 к.

О чём имею честь уведомить Ваше Высокопр-ство.

Подпись: Ген. Милютин.

ЦГА. Руз. Фонд И-715. ОП 1, Д. , Л ?????

№ 85

Турк. Ген. – губернатор бекам бухарского ханства;
апрель 1865 г. лагерь близ Джизака.

Письмо Ваше, почтённые Беки. Я получил. Собрав войска, я иду теперь вперёд, и не остановлюсь, пока не будет заключён мир и пока не получу удостоверения в том, что предположенные мною условия будут в точности исполнены правительством Бухарским. Иду с войсками не для завоевание городов и земель, а для заключения мира и для того, чтобы и в будущем на границах было спокойно. Владетель Бухары не понимал добрых намерений Белого Царя или не желал пользы своему народу. Да поймёт он её теперь. Не теряйте времени, белый Царь желает добра мусульманам и не терпит недругов в своём соседстве.

Подпись: Ген - адъют. Фон – Кауфман

ЦГА Руз. Фонд № 4-715 ОП № 1, Д № 36, Л № 223

№ 86

Бухарский Эмир Турк. Ген. – губернатору; 8 апреля 1866 г.

Генерал-губернатору, адъютанту Кауфману, командующему русскими войсками в Туркестане, было бы известно: хотел послать условие, вышел случай недоразумения. Самаркандские беки прислали письмо, в котором писали, что зачем русские войска собравшись идут, то послал узнать Мурза – Шаметдина если для войны, то приготовится самаркандцам. В воскресенье после обеда получил письмо от беков, в котором писали, что русские войска идут не воевать; обещанного условия не получили и должно быть не хочет заключить мир, а желает войну, и потому по получении письма, что собственное желание заключить мир. Почему утвердив печатного условия с преданным моим Серкером Назимудин – Ходжи – Судуром посылаю для вручения, теперь с обеих сторон заключили и подписали условия мира. Теперь войска бухарские и русские подружились, война осталась в стороне Мирза Мухарром 1285 г.

Подпись

ЦГА Руз. Фонд № 4-715 ОП № 1, Д № 36, Л № 224.

№ 87

Приказ по войскам Турк. Окр.: 9 апреля 1868 г. № 84 Ташкент.

С прибытием моим в Высочайший вверенный мне край, желая установить откровенные и ясные отношения к владениям Средней Азии, я по данному мне Государём Императором полномочию, обратился с мирными предложениями к соседям, выразив им, что Его Величество не имеет завоевательных целей, а желает прочного мира, и развития благосостояния и торговли между подданными России, и другими народами.

Переговоры мои с ханом, Сеид – Магоммед – Худояром, привели к заключению с ним мирного договора, названного мною «взаимными обязательствами». Они полагают конец враждебным отношениям наших к Коканду, до тех пор, пока эти обязательства будут исполняемы со стороны Кокандского Правительства.

Объявляя эти обязательства, к сему прилагаемые, по Туркестанскому военному округу, прошу принять их к сведению и руководству, к кому они будут относиться.

Подпись: Ген. Адьют. Фон-Кауфман.

ЦГА Руз. Фонд № 4-715 ОП № 1, Д № 36, Л № 229

№ 88

И. Д. Управляющего туземным населением Турк. района Военному губернатору Сыр-Дарьинской обл.; 10 апреля 1868 г.

Из Бухары в крепость Нурата 1 апреля прибыло 1000 сарбазов под начальством султана Садыка Кесинарина. О намерении Садыка, куда он отправится с этими сарбазами, неизвестно, но известно то, что Садык получит от бия Прали и других баев предложение быть у них султаном и что они согласны быть в подданстве Бухары.

Бий Прали кочует ныне в горах между Бухарою и Хивою, а года четыре тому назад он относился к форту № 1.

Как из Нурата может быть выслана Садыком партия для грабежа наших киргиз, кочующих на левом берегу Сыр – Дарьи то для предосторожности много предупреждены киргизы, кочующие по реке Сыр – Дарье Туркестанского района.

Донося об этом Вашему Пр-ству, докладываю, что мною об этом донесено и Чимкентскому уездному начальнику

Подпись: Надворный советник Гришин.

ЦГА Руз. Фонд № 4-715 ОП № 1, Д № 36, Л № 233.

№ 89

Турк. Ген. – губернатор Кокандскому хану; 16 апреля 1868 г. Ташкент

Ваше Высочество, получив сведения о волнениях в Бухаре, я отложив поездку мою в Петербург на неопределённое время и отправляюсь на днях на границу Бухары для осмотра войска и для принятия, если будет нужно, мер к наказанию виновных в нарушении мира. Остаюсь уверенным в дружбе Вашей, которая основана на очевидных пользах Ваших и нашего народа. Ваш доброжелательный сосед.

Подпись: К. фон-Кауфман.

ЦГА Руз. Фонд № 4-715 ОП № 1, Д № 36, Л № 243.

Приложение.

Взаимные обязательства для торговли между Россией и Кокандским ханством; 29 января 1868 г. Ташкент.

1. Все города и селения Кокандского ханства, без исключения, будут открыты для русских купцов, подобно тому, как все русские рынки доступны кокандским торговцам.
2. Русским купцам будет дозволено иметь в Кокандских городах, где сами пожелают, свои караван-сарай, в которых бы они могли одни складывать свои товары. Тем же правом будут пользоваться кокандские купцы в русских городах.
3. Для наблюдения за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлины, предоставляется русскими купцами право, иметь, если пожелают, во всех городах Кокандского ханства торговых агентов Турк. края.
4. Со всех товаров, идущих из русских пределов в Коканд, или оттуда в Россию (Европейскую и Азиатскую), будет взиматься столько же, сколько в Турк. крае, т.е. по 2,5 % со стоимости товаров, во всяком случае не более чем взимается с мусульман кокандских подданных.

5. Русским купцам с их караванами предоставляется свободный и безопасный проезд через Кокандские земли в соединение с Кокандом владения, точно также, как и кокандские караваны пропускаются через русские земли.

Обязательства эти утверждены и подписаны в городе Ташкенте 29 января 1868 г.

Подпись: туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Турк. военного округа ген.-адъютант фон-Кауфман 1.

Приложены печати: Сейд-Мохамед Худаяр хана в Коканде 13 Февраля 1868 г., и ген. – адъютанта фон – Кауфмана.

ЦГА Руз. Фонд 4-715 ОП 1, Д 36, Л 230.

№ 90

Вр. Исполняющий войсками Турк. окр. Военному министру:

21 апреля 1868 г.

Имею честь донести Вашему Высокопр-ству, что Командующий войсками округа 18 апреля, выехав из Ташкента для непосредственного начальствования войсками, собираемыми войсками, собираемыми на Бухарской границе, отдал приказ здесь представляемых.

К войскам, собранным в Ключевом, как сказано в рапорте Его Пр-ства от 14 апреля за № 2405, присоединяются ещё Туркестанский линейный № 6 батальон из Хожжента и из Ташкента рота 1 линейного и рота стрелкового батальона.

Оставшиеся в Сыр-Дарьинской области на зиму бессрочно отпускные и остальные нижние чины, за исключением женатых, отправляющихся на родину, будут вооружены имеющиммя в складах ружьями и размещены:

В Ташкент 1000 человек, в форт Перовский 400, в форт № 1 300, в Чиназ 250 и в Чимкент 200, впредь до минования в том надобности. 3-й же батальон 147 Самаркандского пехотного полка, с своими отпускными и отставными, будет остановлен только в случае крайней необходимости.

Подпись: Ген.-м: Дандевиль.

ЦГА Руз. Фонд 4-715 ОП 1, Д 36, Л 237.

№91

Турк. ген.- губернатор. Жителям Самарканда (Бухары).

22 апреля 1868 года. Джизак.

Жители Самарканда (Бухары). Шесть месяцев забочусь я по воли моего Государя о даровании Вам мира и спокойствия. Белый Царь не ищет завоеваний, Ваш Государь или не понял или не хотел понять моих добрых намерений. Вместо принятия выгодных условий мира, собирает войско и народ на войну с Россией. Я хочу употребить все меры, чтобы не было народного бедствия, сопряжённого с войною. Иду против Эмира, но не стану обижать народ, который меня не тронет, ибо Белый Царь даёт благо, а не зло народам. Если Вы сделаете так чтобы предложенный мир был немедленно принят и докажете мне праведность вашу, то кровь не будет литься и выведу войска. Цель войны Белого Царя есть мир, а не завоевание. Не теряйте времени.

Подпись: Ген.-адъют. Фон – Кауфман.

ЦГА Руз. Фонд 4-715 ОП 1, Д 36, Л 252.

№92

Вр. Командующий войсками Турк. окр. Военному Министру:

22 апреля 1868 г. Ташкент.

Имею честь представить Вашему Высокопр-ву копию с предложением командующего войсками округа Командующему войсками Семиреченской области от 12-ого апреля за № 2372, копию с инструкцией начальнику Нарынского отряда и копию с рапорта начальника Токмакского укр. Командующему войсками Семиреченской области от 11 апреля за № 298.

..Это последнее донесение получено генерал-майором Колпаковским во время пребывания его в Ташкенте, куда он был вызван для личных указаний командующего войсками округа относительно высылки отряда на р. Нарын. По получении сего донесения, генерал-майор Колпаковский отправлен в укр. Верное 14 сего апреля, а полковник выехал из Ташкента 20 числа.

Подпись: Ген.-м. Дандевиль.

ЦГА Руз. Фонд 4-715 ОП 1, Д 36, Л 253.

Султаны Кенисара и Садык.

Нам прислана из Ташкента книга, изданная областным статистическим комитетом, под заглавием: «Султаны Кенисара и Садык» Это биографические очерки двух упомянутых киргизских знаменитостей отца и сына, враждовавших в своё время против России. Биографии эти составлены султаном Ахметом, сыном Кенисары и родным братом Садыка, переведены на русский язык и обработаны для печати с дополнениями Е.Т.Смирновым.

Повествование Султана Ахмета может иметь интерес только в том, что предствляет собственно образец рассказчика простодушной наивности кочевника, желающего возвеличить родных героев. По своей простой наивности оно представляет древнейшие легенды пастушеского народа.

Начинается рассказ, конечно, с родословной: у Аблай хана было 30 сыновей и т.д. Эта родословная насколько она нужна, составляет единственную положительную сторону повествования; всё остальное наивная фантазия с искажёнными преувеличенными фактами в пользу отца и брата.

Султан Кенисара Касымов, когда в степи не было ещё ни одного нашего укрепления, имея кочевья вдали от Оренбурга и Сибири, не признавал до самой смерти своей в 1844 году русской власти над собою. Независимость свою выражал всегда одним и тем же способом: грабежом, угоном скота у подвластных киргизов. В течении 10 лет вражды против нас, единственным успехом, которым он мог похвалиться - это было нечаянное нападение на столицу Екатеринбургскую, где ему удалось сжечь несколько хат, находившихся вне станичного округа и взять в плен несколько человек.

Наши лёгкие отряды всегда наносили ему поражение, когда настигали его.

Желая подчинить себе кара-киргизов, он двинулся за ними в горы, дал себя окружить и взять в плен, предав победителями мучительной смерти, вместе со своими сподвижниками.

В конце сороковых годов, со стороны Сибири и Оренбурга выдвинуты были укрепления наши вглубь степи, вся большая Орда, вместе с сыновьями Кенисары, подчинились русской власти за исключением одного Садыка, ушедшего в Коканд.

Оттуда он делал набеги на наших киргизов, но простору было меньше и набеги эти, по размерам уступали набегам его отца.

Во время завоевания мною Ташкентской области, он конечно был на стороне кокандцев, но ничем не заявил себя.

Я узнал Садыка только после смерти предводителя кокандцев муллы Алимкула, смертельно раненного в бою 9-го мая 1865, когда Садык был избран начальником обороны Ташкента. Здесь он не выказал особенных военных способностей и легко поддался на самый простой маневр. Чтобы отвлечь его внимание я переходил с отрядом с места на место вокруг стен, имевших около 24 верст протяжения. Вместо того, чтобы расположить по стенам часть своих войск и орудий, (15 тыс. кокандцев и 60 орудий), а остальные держать в резерве, он разсыпал по всей длине все войска и пушки, что дало мне возможность легко прорвать слабую линию и взять её во фланги и тыл.

Вообще обе эти личности Кенисара и его сын Садык могут считаться Батырами (богатырями) у такого младенческого народа как киргизы, но деяния их так невелики, что биографии их, даже в раскрашенном виде, не дают никакого материала для описания распространения нашего господства над Средней Азией.

Скажем здесь кстати, что слово батыр равно как аулие (святой), имеют у киргизов, весьма растяжимое значение составляют почти синонимы, тогда как у нас эти два понятия никогда не совмещаются.

Киргизский святой Азрет султан, на поклонение которому стекается масса богомольцев, есть олицетворение физической силы. Каменный гроб, где находятся его останки, превосходит двойной рост человека, а бунчук поставленный у гроба имеет древко размерами с порядочное бревно. Также точно со словом батыр не всегда соединяется у них понятие об удалстве и военной доблести, так например один из батыров имел голос, слышный за 10 вёрст, другой выпивал в день несколько ведёр кумыса, и съедал сразу целого барана и даже годовалого жеребёнка. Поэтому можно так же прослыть батыром, например, за способность ездить верхом, по 150-200 верст несколько дней кряду, хотя бы из

этого продолжительного сидения на лошади ничего путного не когда не выходило как, например у Садыка. Кенисара и Садык действительно делали дальние и быстрые наезды, но наезды эти никакого влияния на ход дель не оказывали и ущерба русским не наносили.

В набегам этих было больше театрального шума, чем настоящего удалства и практических результатов.

Вообще, слова батыр и аулие выражают у киргизов понятие о человеке, одаренным от Бога качествами, неприсущими обыкновенным людям.

Гораздо интереснее вторая половина книги Е.Т.Смирнова состоящая из приложений, извлеченных из Туркестанских архивов. Эти приложения заключают в себе донесения начальников отрядов об различных военных действиях в Средней Азии при покорении Туркестанского края.⁷⁰

Возьмём для примера «Бой под Ак-булаком», где генерального штаба капитан Мейер с отрядом в 300 человек, при 3 орудиях и ракетном станке наткнулся на 10-12 тысячное скопище муллы Алимкулы, был окружен и отбил при самых невыгодных условиях занятой им местности.

Капитан Мейер доносит 17 июля 1864 г. за № 60.

«Густые толпы конных и пеших кокандцев заняли высоты и скоро начали спускаться вниз, осыпая нас фальконетными и ружейными пулями. С начала утра мы занялись устройством прикрытия из имевшихся у нас тяжестей и провианта, разместив орудия по углам каре и в один угол, к которому небольшие барханы подходили особенно близко, поставили, кроме того, ракетный станок. Из фасов

⁷⁰ Из этих донесений можно усмотреть, с какими малыми средствами предпринято было нами занятие культурной полосы Средней Азии. Весьма желательно было бы, чтобы Туркестанский статистический комитет не остановился печатанием этих документов. Тогда представилась бы полная картина, как постепенно и почему увеличивались там наши военные силы, а вместе с тем как росла и стоимость последующих приобретений. Так, например, присоединение всей Ташкентской области, как нам известно (за исключением города Туркестана), сделано было 2000 человек и обошлось в 235 тысяч рублей. Тогда как против маленькой Хивы были двинуты войска с трех концов: со стороны Ташкента, Оренбурга и Кавказа, и экспедиция стоила около 6 000 000 рублей, а взять Геок-Тепе обошлось уже в 18 000 000 рублей, не считая строившейся для облегчения экспедиции железной дороги. РЕД.

каре один, занятый казаками, был прикрыт мокрым рвом, а около двух других пролегали небольшие сухие канавки. Ещё до занятия позиции кокандцами, я распорядился сделать фуражировку и собрать сено и солому для скота, что было успешно исполнено в виду неприятеля есаулом Савиным, равно как запрудил канаву, чтобы сохранить начавшую убывать воду.

В таком положении находился отряд, когда со всех сторон бросились на него толпы неприятеля. Сперва мы встретили их гранатами и ядрами, а потом картечью и ружейным огнём. Натиск был отбит, но кокандские стрелки засели в неровной местности, и завязали с нами весьма живую перстрелку. Чтобы прекратить ее, охотники из линейных войск и из казаков, под начальством прапорщика Овчинникова и хорунжего Павлова, бросились на «ура» и выбили стрелков из ближайших оврагов. Этому наступательному движению много способствовало то обстоятельство, что кокандская кавалерия, бросившись на выручку своих стрелков, попала под огонь орудий. Нижние чины так ожесточились, что не было никакой возможности воротить их ни голосом, ни сигналами; и наконец, хорунжий Бороздна сам вызвался идти один догонять цепь, чтобы отозвать её, что исполнил с полным успехом, так что мы не потеряли ни одного человека. На другом фланге кокандские стрелки почти также беспокоили нас своими выстрелами; охотники с тем же хорунжим Павловым и здесь выгнали их из рва штыками, но при обратном движении был ранен один казак. Эти два наступления с нашей стороны освободили нас целый день от неприятельской стрельбы на близком расстоянии, но зато высоты и дальние рвы были заняты фальконетами и крепостными ружьями, поддерживающими неумолкаемый огонь.

«После полудня, кокандцы поставили три орудия на высотах и первый снаряд, пролетевший через наш лагерь, произвёл поражающее моральное впечатление: его взорвало, и все увидели, что мы имеем дело с неприятелем, какого Сырдарьинские войска ещё не встречали. Тотчас мы начали принимать меры по улучшению нашего прикрытия, сняли сёдла с верблюдов и самих этих

животных положили снаружи, а убитый скот и вообще всё, что попало, врывали в возводимый нами бруствер. Хотя вскоре прапорщику Тиханову удалось заставить замолчать одно орудие, но гранаты неприятеля ложились и рвались весьма удачно; бить же орудия, по высокому их положению, и сберегая наши снаряды, не было никакой возможности.. Угрожавшая явная опасность от пожара вынудила сотника Крымова, не смотря на усиленный огонь неприятеля, принять меры к скрытию зарядных ящиков, сняв их с колёс и зарыв по возможности в землю. Для исполнения этих работ и устройства бруствера и траншеи у нас имелось во всём лагере 8 лопат (из которых 4 были негодными) и 4 мотыги. Падший от гранат скот послужил нам в пользу; его укладывали рядами для составления закрытия наших стрелков и казаков. Трудность положения вызвала необыкновенные меры: мы закладывали в бруствер даже наших убитых.

«К вечеру неприятель прекратил артиллерийский огонь, но тревожил нас до наступления темноты своими оружейными и фальконетными выстрелами. Потеря наша в этот день была весьма значительна людьми, и кроме того ракетный станок пробит гранатою, но солдаты не унывали по совету поручика Сукорко, в течении всей ночи рыли землю штыками тесаками а больше всего руками. Ночь прошлв без покушений со стороны неприятеля и к утру маленький лагерь был обнесён небольшим валом, и орудия стреляли через банк.

«Сразыедкой 15-го числа очевидно стало, что неприятель хочет сделать решительный приступ. Он вскоре открыл огонь из орудий, но хуже чем в первый день: гранаты рвало слишком рано, серьёзного вреда он нам не нанёс, так что пальба прекратилась. Вслед за одного из фасов сгруппировались сарбазы(иначе говоря Кызыл-баши гвардия) численность которой была около 500 человек, с четыря значками. Появление этого правильно организованного, хорошо одетого и совершенно обученного войска, произвело на наших воинов большое впечатление. Между тем во время наступления кокандцев, стрелки их поддерживали живейший огонь по всему лагерю, и только примерное хладнокровие и спокойствие наших офицеров удержало солдат от бесполезной

пальбы по скрытому неприятелю, кавалерия, в то время, заняла ближайшие высоты и стало очевидно, что наступила решительная минута. По всему лагерю строжайше приказано стрелять только в упор, вынуть патроны из сумок и иметь снаряды готовыми. Несколько выстрелов гранатами по лагерю показали нам моменты наступления, которое действительно началось со всех сторон с оглушительным криком. Как по команде, наши войска выскочили из ровиков и начали такой убедительный огонь, что неприятель падал кучами, быстрое же движение картечью сделало то, что неприятель оставил груды трупов, причем с ними смешалось не мало живых, не смогших подняться от испуга и попасть под град пуль, летавшим по всем направлениям. Лагерь наш около 10 минут стоял, как в огне, наконец кокандцы побежали, только сарбазы, хоть и обратились назад, но снова заняли углубления против одного из фасов и продолжали перестрелку. Этот не очень частый, но меткий огонь стоил нам пропорщика Овчинникова, здесь вторично раненого, а потом сотрудника его, прапорщика Снегоцкаго, раненого в то время, когда он уговаривал солдат не тратить даром снаряды.»

«При отбитии этого штурма нами взято доно шелковое знамя, один значок и некоторое оружие, которое я розвал взявшим его нижним чинам.»

«Не смотря на страшным урон, понесенный неприятелем, выстрелы сарбазов не давали покоя и вызвали на перестрелку, которая была для нас тем невыгодна, что заряды надо было беречь до нельзя. Понимая, что эта пальба имеет единственной целью облегчение уборки убитых, я предложил кокандцами прекратить пальбу и убрать своих убитых и раненых, что было немедленно ими принято: к этому меня побуждало еще то обстоятельство, что, при настоящей знойной погоде, окруженные нашими убитыми животными, мы были совершенно не в состоянии выдержать зловония от такого количества новых трупов, наконец стоячая вода в нашей канаве, уже принявшая красноватый оттенок от крови, от гниения в ней убитых, сделалась бы окончательно негодною. Уборка тел начальники кокандцев воспользовались, чтобы прислать ко мне письмо, которое принял мой переводчик киргиз перевёл, где они просили словесно объяснить

причину моего прихода сюда, я ответил им как видно из прилагаемой копии. К такому ответу побуждало меня много обстоятельств: первое наибольшее количество оставшихся у меня картечи и снарядов, во вторых дурное состояние воды и воздуха, в третьих значительные повреждения, начавшиеся в деревянных частях оружия и наконец неприбытие отряда полковника Черняева.

«Ночь с 15-го на 16 мы употребляя для сбора нашей разбросанной и повреждённой клади и на устройство фур для раненых, с великим трудом мы собрались к 9- му часу утра и тронулись в обратный путь. Но между тем, стало ясно что со стороны Чимкента подходит отряд полковника Черняева, и поэтому я решился остановиться на первой позиции с водою, куда после полудня прибыл посланный из отряда полковника Лерхе, шедшего на соединение со мною. посланный этот привёз приказание присоединиться к этим войскам, что я и исполнил в тот же день.

Лучшим доказательством нашей опасности служит параллель между силами и потерей неприятеля и нашей. У кокандцев было на поле сражения по моим подсчётам 10000 человек, а по их собственному сознанию 12000, потеря их, только во время последнего нападения было убито 513 человек, так что общий итог выбывших в эти 2 дня из строя примерно 2000 человек, у нас уже было всего с офицерами и нестроевыми 405 человек, потеря ранеными: 2 офицера и 37 нижних чинов, кроме этого у нас 5 киргизов, то есть всего 80 человек.

Чтобы понять, каким образом капитан Мейер очутился с отрядом в таком положении мы присоединим со своей стороны несколько разъяснений, которые в своё время я не счёл удобным поместить в официальном донесении.

Через несколько дней по взятии мною штурмом крепости Аулиеота, кокандское правительство, напуганное решительным наступлением нашим с двух сторон, последствием которого было взятие двух укреплённых городов их, объявило газават (священную войну) и потребовало поголовного оплчения всего ханства.

Бухарский эмир, находившийся в постоянной вражде с Кокандом, прислал сказать хану, что пока он будет воевать с кяфирами до тех пор он ничего против него не предпримет. Узнав от вновь принявших наше подданство кара-киргиз что в горах против Аулиета всё население вооружается и получило приказание идти к Чимкенту, куда должен прибыть малолетний хан с правителем ханства муллою Алимкулом, я немедленно выслал отряд из двух рот с двумя горными орудиями под начальством подполковника Лерхе, чтобы рассеять скопище, прежде чем он успеет сформироваться и взять аманатов. Лерхе быстро выполнил поручение и просил разрешения горами двинуться в Чимкент. Но получая ежедневно вовсе неутешительные оттуда сведения я не мог допустить этого и приказал ему вернуться в Аулиеата, за что он был недоволен иною считая меня нерешительным. План мой состоял в том, чтобы совместно с Оренбургским отрядом разгромить собиравшееся громадное скопище в Чимкенте. Я уведомил об этом плане полковника Верёвкина и просил выслать его из Туркестана отряд к реке Арысу, к которой двинулся и между тем кокандцы, увидев, что большая часть киргизов перешла к нам, вздумали страхом удержать остальных и для этого употребили способ, практиковавшийся просвещёнными мореплавателями при усмирении воостания в Индии в 1857 году. Вызвав в Чимкент старшин они главного из них уважаемого восьмидесятилетнего старика Байзака, обвиняемого в сношениях с русскими, привязали к пушке и выстрелили из неё. Такая жестокость произвела совершенно противоположное ожидаемому действие. Кто только мог, прикочевал под защиту нашу и все просили разрешения поголовно следовать с нами против кокандцев. Я разрешил идти только тем, кто имеет оружие, они продолжали настаивать, и тогда я спросил, чем они могут помочь нам? - Криком отвечали они. на втором переходе от Аулиетта я получил от Верёвкина ответ. Он писал, что отряд не вышлет, так как нужно строить помещения для отряда на зиму икосить сено. Кроме того прибавлял он, что по имеющему у него достоверным сведения в Чимкенте всего несколько кокандцев, с которыми я сам могу справиться что он вовсе не разделяет моего мнения занять Чимкент и что на

это не имеет предписания, а если бы имел то немедленно просил бы увольнения от командования отрядом.

Под впечатлением этого резкого, недоброжелательного ответа я хотел предоставить Верёвкина его собственным силам и остановил отряд, но вскоре преодолел себя и пошёл дальше. Дойдя до верховьев Арыса, я стал лагерем и отсюда решил выждать выяснения обстоятельств. План мой состоял в том что чтобы не атаковать скопище собравшихся у Чимкента, а прикрывать занятую мною страну в случае движения их на Туркестан ударить им в тыл, чтобы отвлечь часть сил, на себя и облегчить Верёвкину оборону города с фанатичным мусульманским населением. Оренбургский отряд был вдвое почти слабее моего, полевой артиллерии у него вовсе не было а были только четыре запряжённые лёгкие орудия снятые со стенфорта Петровского без зарядных ящиков. Заряды возились на верблюдах.

По прибытии сюда я получил сведения через киргиза что правитель ханства мулла Алимкул вместе с малолетним ханом уже прибыли в Чимкент и что всего скопища собралось от 20-30 тысяч, то что оно каждый день увеличивается прибывающими партиями из Ташкента и соседних с ним гор. Впереди Чимкента раскинулись два больших лагеря, но главная масса расположилась за крепостью вдоль по обеим сторонам речки. Мулла Алимкул с ханом заняли помещения цитадели. Впереди нашей цепи целый день сновали небольшие конные партии но перестрелки не затевали.

Через несколько дней по прибытию сюда я был разбужен ночью гонцом с известием что просимый мною отряд под начальством генерального штаба капитана Мейеравыступил к Чимкенту. Почему послестоль резкого отказа просьба была исполнена, я не мог понять. Узнав от посланного что он отправлен ко мне по прибытию отряда на Арысь в 35-40 верстах от Чимкента я сильно был обеспокоен участью отряда. Немедленно ударив тревогу ночью двинулся на соединение с Мейером послав ему приказание идти ко мне навстречу, прикрывая рекою Арысом. Посланный не застал уже отряда на Арысе-он двинулся очертя

голову к Чимкенту. Ясно было видно, что в Туркестане по-прежнему считали Чимкент пустым. Я переправился в брод через реку и пошёл тудаже.

Мы нигде не останавливались для ночлега, делая только привалы, пища варилась один раз с двойной порцией говядины, половинц которой брали с собою. Солдаты шли в одном белье с ружьём и сумою. На одном из привалов ещё до рассвета прискакал киргиз без записки с известием что Мейер окружён и отбивается с трудом. Вскоре послышались отдалённые пушечные залпы. Мы стали подавать сигналы выстрелами из орудий и вместе с темя приказал войсковому старшине Катанаеву со всеми казаками частью оконённых стрелков и двумя горными орудиями двинуться по направлению выстрелов. Степь была ровная, безводная, пыльная. Солнце жгло невыносимо люди и лошади едва двигались от усталости, зноя и жажды.

Часа через два послышались выстрелы Катанаева а всед за этим примчался киргиз с известием что его окружили и он спешившись отстреливается. Я взял два конных отряда всё киргизскую милицию и поскакал на помощь Катанаеву. Не сделали мы и десять вёрст, как увидели новое скопище несущееся на нас из Чимкента. Мы в свою очередь должны были остановиться и спешиться.

Когда в главном отряде слышали учащённые мои выстрелы, то подполковник Лерхе распорядился сбросить со всех телег кладна дорогу, посадить на них часть стрелковой роты и вскачь послать ко мне на помощь. С прибывшим подкреплением двинулся вперед и соединился с Катанаевым вслед за тем подошла стрелковая рота, а затем весь стрелковый отряд.⁷¹

Скопища держались на пушечный выстрел, и мы беспрепятственно дошли до урочища Коштегермень в 6-7 верстах от Чимкента Урочище представляло возвышение, лёгкие покатоности к стороне города были заняты баштанами арбузов и дынь, на одном склоне были густо засажены тополи, а у подошвы в одном

⁷¹ у Катанаева было убито 12 казаков и столько же раненных. Мы взяли тела с собою, чтобы похоронить на ночлеге. Не забуду слов, сказанных при этом стариком Катанаевым « это не война-это смертоубийство» сибирским казакам не приходилось случая испытывать самостоятельных серьёзных столкновений, падавших на долю пехоты

месте струился ключ прозрачной волды отенённый столетними ивами. Впереди виднелись два больших кокандских лагеря на расстоянии двух пушечных выстрелов.

День склонялся к вечеру, мы устали до изнеможения и далее двигаться не могли . Пальба со стороны Мейера совершенно затихла и мы не могли знать погиб ли отряд его или с нашим приближением кокандцы оставили его в покое.

Оградившись повозками и кулями сухарей расставивши секреты мы не раздеваясь легли отдыхать имея зажжённые фитили при всех орудиях.

С рассветом я отправил Лерхе с половиной оряда отыскивать Мейера на Абулаке, нагнал его к ночи и на другой день к полдню возвратился к нам вместе с Туркестанским отрядом. К их приходу мы успели окопаться и построить громадный барак из тополей для раненых туркестанцев, которых было 60 человек.⁷²

Рассказы офицеров подтвердили , что в Туркестане были убеждены в том, что в Чимкенте только несколько сот гарнизона, об поголовном вооружении кокандцев , о прибытии муллы Алимкула и хана ничего не было известно. Остальное становится понятным само собою. Туркестанский отряд был заранее уверен в победе и двигался усиленными переходами, чтобы овладеть Чимкентом прежде прибытия сибирцев (так назывался мой отряддействовавший со стороны Сибири). Поэтому конечно и уведомление о выступлении отряда послано было не из Туркестана, а только по прибытии на Арысь, когда я уже никак не мог бы помешать осуществлению вышесказанных надеждна победу.

В виду громадных полчищ, собранных под Чимкентом, нельзя было и думать об овладении крепостью но нельзя было также и уйти, ничего не сделав. Кокандцы приписали бы наше отступление тому , что они сильнее и не оставили

⁷² Подполковник Лерхе был отважным и находчивым офицером и был для меня правою рукою всё время, пока находился в отряде. Ему главным образом я обязан взятием Чимкента. К крайнему моему прискорбию и всего отряда, он тяжело был раненпри первом неудавшемся штурме Ташкента и уехал для лечения в Петербург.возвратился он к нам уже после взятия Ташкента

бынас и киргизнаших в покое. Поэтому я решился сделать движение к стенам Чимкента чтобы вызвать их в поле и нанести им поражение.

Оставив Мейера в окопах с его ранеными и нашим обозом? Я 19 июля, с шестью ротами , 8 полевыми и двумя горными орудиями и сотней казаков, пошёл на большой лагерь впереди крепости.

Как только кокандцы заметили нас, лагерь немедленно был убран, а взамен его из крепости стали выходить массы конницы, строившейся в правильные колонны и двигавшиеся к нам навстречу. Я построил каре, взяв внутрь казаков.

Подойдя на пушечный выстрел к стенам, я выдвинул 4 батарейные орудия и открыл огонь по крепости, так как неприятельские колонны, имевшие издали весьма стройный вид, держались вне выстрела, стараясь обойти нас со всех сторон. Из крепости выдвинули против нас 8 орудий. Артиллерийский огонь с обеих сторон продолжался около часа. Кокандцы стреляли дурно, потерь у нас никаких не было.

Вдруг одновременно колонны стали быстро приближаться к нам, и подойдя на пушечный выстрел, бросились на каре с необычайным визгом и криком. Кому не приходилось выдерживать атаку азиатских полчищ, тот не может даже себе представить того действия которое производят 13 на нервы эти нечеловеческие руки. только тогда я и понял предложение киргиз помогать криком.

Мы встретили атаку сначала ядрами и гранатами , а потом картечью и ружейными залпами.⁷³ Орудия не приказано было банмть после выстрела, заряды положены на земле у дула.

Атака была отбита, но на задний фас, каре кокандцы налетели весьма близко к строю, так что дело едва не дошло до штыков. когда дым, окутавший нас, рассеялся, мы поражены были потерями, понесённые неприятелем. Через час кокандцы повторили атаку, но уже несравненно слабее и отшли вне выстрелов. Весь бой продолжался часа три. Мы возвратились в лагерь не потеряв ни одного

⁷³ Ружья у нас были гладкоствольные, кроме стрелковых рот имевших нарезные, заряжающиеся с дула. Пушки также гладкоствольные, бракованные после отечественной войны 1812 года

человека. Кокандца преследовали нас, а только отдельные всадники издали следили за нашим движением до самого места.

Мы простояли несколько дней. Кокандцы нигде вблизи не показывались, что доказывало, что они упали духом, но всё же я не решился предпринять на этот раз что-либо серьёзное против Чимкента, и рассчитывая что такие громадные скопища не могут долго оставаться в сборе по недостатку продовольствия и для людей, и для лошадей, предпочёл выждать пока они разойдутся, и потом неожиданно вернуться и овладеть крепостью.

23 июля я выступил с обоими отрядами по дороге к Туркестану. Дойдя до реки Арыса, остановился, чтобы прикрыть движение Мейера, которого подкрепил одною ротою с двумя горными орудиями. Через сутки по уходе его, я пошёл прямым путём через происходивших Караутские горы в Аулиеата, откуда отправил донесение военному министру о происходивших военных действиях и просил об установлении единоначалия над двумя отрядами. Получив приказание принять от генерала Верёвкина туркестанский отряд и узнав, что в Чимкенте оставлен кокандцами 10 тыс. Гарнизон при 30 орудиях, а всё остальное скопище разошлось по домам, я немедленно двинулся соединёнными силами и 21 сентября овладел штурмом городом и крепостью.

М.Черняев